

ОРЛОВСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ И.С. ТУРГЕНЕВА

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

ТУРГЕНЕВСКИЙ

ЕЖЕГОДНИК

2003 ГОДА

Орел - 2005

**ОРЛОВСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ И.С. ТУРГЕНЕВА**

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

ТУРГЕНЕВСКИЙ ЕЖЕГОДНИК 2003 ГОДА

Орел 2005

ББК-83.3 Р

Т 87

Авторский коллектив выражает благодарность Администрации Орловской области за содействие в издании этого сборника.

Т 87 Тургеневский ежегодник 2003 – Орел:
Издательский Дом «ОРЛИК», 2005 – 180 с.

В сборнике использованы иллюстрации из фондов Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева.

© Орловский объединенный
государственный литературный
музей И.С. Тургенева, 2005
© ООО ИД «ОРЛИК», 2005

Оглавление

<i>В.А. Чалмаев.</i> «Метелям не задуть свечу...».....	5
<i>Л.В. Дмитриухина.</i> Музейный калейдоскоп.....	10

I

Научные исследования и сообщения

<i>Г.Б. Курляндская.</i> О романтических тенденциях в реалистических повестях Тургенева 40-х годов.....	17
<i>В.А. Лукина.</i> О времени создания рассказа «Живые мощи».....	32
<i>Л.А. Балькова.</i> К творческой истории романа «Дворянское гнездо» (заметки читателя).....	39
<i>И.Л. Золотарев.</i> О фантастическом в «таинственных повестях» И.С. Тургенева.....	49

II

Вокруг Тургеневской энциклопедии

<i>Л.М. Александрова.</i> Годы становления (И.С. Тургенев в Московском университете).....	57
<i>Е.В. Векуа.</i> Тургенев и В.А. Милютин.....	60
<i>Л.М. Александрова.</i> «Человек во всех отношениях достойный поддержки и сочувствия» (И.С. Тургенев, Н.Н. Миклухо-Маклай и князь А.А. Мещерский).....	61
<i>Е.В. Проц.</i> И.С. Тургенев и М.И. Писарев.....	65
<i>С.Л. Жидкова.</i> Платон Николаевич Погорельский.....	66

III

«Дворянское гнездо». От романа к легенде. К 100-летию орловского сада Дворянское гнездо

<i>Екатерина, Иустиния, насельницы Орловского Свято-Введенского монастыря.</i> «На что душа рождена, того Бог и дал».....	73
---	----

К.А. Седойкина. Дворянское гнездо. «Дом Лизы Калитиной». История, события, лица. Особенности и значение.....	77
В.А. Власов. «Украсивший сад общества бюст И.С. Тургенева...».....	86

IV

Наши публикации

Л.М. Клейнборт. Дом Калитиных. Из легенд о «Дворянском гнезде» (публикация Л.В. Ивановой).....	93
Письмо Л.Н. Афонина Л.Н. Назаровой (публикация Л.Н. Назаровой).....	102
А.И. Понятовский. Экспромт, записанный мною в альбом орловского книголюба А.С. Захарова.....	107

V

По тургеневским местам

Л.Н. Иванова, А.С. Днепровский. Железцево (окончание).....	113
Е.А. Козеева. П.И. Хозиков – сосед И.С. Тургенева.....	121
А.М. Польшкин. И.С. Тургенев и семья Мухортовых.....	123
А.Ю. Саран. Степной король Лир: шекспировские герои в российской литературе и жизни XIX века.....	131
В.П. Волчихина. «И дым Отечества нам сладок и приятен!» (Из истории тургеневского дома).....	138
Г. Эрбслё. Баден-Баден – идеальный тургеневский город.....	141

VI

К 85-летию Музея И.С. Тургенева

Л.Н. Назарова. Музею И.С. Тургенева в Орле 85 лет.....	151
Н.М. Кирилловская. Музейные встречи.....	156

VII

С думой о Тургеневе

В.А. Ермаков. Фрагмент эссе «Орел... пролетая столетия...».....	171
Стихи В. Еремина, В. Ермакова, Н. Перовского, Л. Серовой, А. Фролова	172

«Метелям не задуть свечу...»
(К 185-летию со дня рождения И.С. Тургенева)

Выдающийся русский композитор Георгий Васильевич Свиридов, подводя итоги XX века, оценивая нелегкий опыт борьбы истинного искусства, русского Слова с заказным навязанным России псевдоискусством, с разрушительством под видом обновления, оборотнями от культуры, выделил во всей русской культуре, в особенности в тургеневской, есенинской, шолоховской эпохах, идею непрерывного нравственного подвига. Он записал в книге «Музыка как судьба», в дневнике под рубрикой «Важное» такую глубоко выстраданную мысль: «Русская культура неотделима от чувства совести. Совесть - вот что Россия принесла в мировое сознание. А ныне - есть опасность лишиться этой высокой нравственной категории и выдавать за нее нечто совсем другое...

Страшно увеличилось ощущение бездомности русского человека за последние годы...

Трагичность заключается в самом факте быть Русским художником в любом виде искусства... Хорошо лишь художникам, обслуживающим сословия и выделяющим их из общенародной массы как «избранников»: сословия ли буржуа, или национально-избранных, или по принципу политических убеждений. Быть Русским художником, художником Русской нации (без чувства высокомерного избранничества) - трагическая судьба... Кто же поддержит тебя? Кто укрепит твой Дух».¹

Иван Сергеевич Тургенев, чье 185-летие мы отмечаем сейчас в атмосфере нескончаемой, меняющей лишь лики шоковой терапии, нередко разрушительства без обновления, в атмосфере трудного выживания, мучительного спасения основ культуры, не случайно на исходе жизни обратился, как к главной своей надежде на вечность, бессмертие и величие России, к русскому слову, к русскому языку. Перечитаем эти строки еще раз, поразившись силе всхожести тургеневских предчувствий: «Ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя - как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома! Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» Для него, словно предвидевшего наши нынешние боли и тревоги, новые дни сомнений и тягостных раздумий, само существование русского слова, как и для Пушкина, было таким же «безусловным доказательством бессмертия России, как математичес-

кое доказательство для математика, как точные экономические расчеты для экономиста». ²

С какими сложными чувствами мы перечитываем сейчас произведения великого писателя?

Мы перечитываем их с чувством величайшей благодарности за спасение наших душ от антидуховного, часто грязного шума телевидения и радио, за неизменный суд совести, за то, что все эти произведения рождались с явным уклоном в будущее, с предвосхищением будущего, с призывом – «духа не угашайте!» - к последующим поколениям. Сейчас, когда много и часто и спекулятивно говорят то о «богооставленности» России, то об отсутствии будущего у «этой», якобы «ненужной» страны, мы можем сказать, что, к нашему счастью, Россия не знала никогда «тургеневоставленности». В особенности здесь - на орловской земле, и вообще везде, где «на тысячу верст кругом Россия - родной край».

Тургеневский мир - это не просто мир, созданный по законам красоты, запечатленный на языке прозы, не «забывшей» музыки стихотворной речи, мир, полный любви прежде всего к юным душам. Это живые уголки России, страны, всегда удивительно богатой всеми видами человеческих дарований, богатой чудесным идеализмом юности, религиозно-нравственным подвижничеством, мужеством и готовностью к подвигу. Эти непочатые неистощимые силы народной России Тургенев раскрыл с редкой силой художественной убедительности уже в «Записках охотника» - особенно в таких новеллах, как «Бежин луг» - о крестьянских детях, живущих в мире волшебных сказок, в новелле «Певцы», где в заурядном кабаке у оврага состязаются два певца из народа... И песня Якова Турка, несущая неподдельную грусть, связанная с образом русского простора, словно раздвигает мрачные стены, преображает на миг слушателей: «Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль...»

Этот тургеневский простор, уходящий в бесконечную даль, простор драматичнейшей русской истории, как в прошлом, так и в будущем, весь океан народной жизни - он присутствует как персонаж повествования, во всех романах и повестях писателя. Он определяет все конфликты, все изменения в «дворянских гнездах», в тех усадьбах, где отыскивал Тургенев и своих героинь («тургеневские девушки»), и своих обаятельных диалектиков вроде донкихотствующего скитальца Рудина («Рудин») или знаменитого реалиста лекаря Базарова («Отцы и дети»). А ведь он до последнего мгновения жизни ищет ответа на вопрос: кто же нужен России?

Самое удивительное, пожалуй, что тургеневские розы, расцветавшие в дворянских гнездах, своеобразных продолжениях пушкинской Руси, Руси Татьяны Лариной, никогда не видишь увядшими, бессильными.

Все герои писателя, даже «гамлеты Щигровского уезда», тонущие порой среди однообразия уездного быта, скитающиеся по гостиницам уютных немецких городков и курортов как Литвинов в «Дыме» или герой «Аси», в сущности, исповедуют одну веру - как найти путь к деятельному служению Родине, быть нужным не чиновничьей канцелярии, а России. «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится!» - говорит один из героев «Рудина».

Тургенев, к счастью, не соприкоснулся, как наш современник курянин Георгий Свиридов, как многие художники-патриоты, с нынешней эстрадно-смеховой псевдокультурой, расширяющей зону агрессивного наступления на мир совести и человеческой души, действующей по «сценарию не во имя России, а против России».

Тургенев умел, как великий провидец, слышать в далеком отголоске все, что «случится на моем веку» и за его временными границами. Гениальные тургеневские «Призраки», (1863), где ретроспектива становится и перспективой, где писатель как бы спускается то в эпоху Разина, то восходит в грядущее, где родное Спасское-Лутовиново становится как бы простором всей России, говорят о великом эпическом пророческом качестве его художнического воображения. Если великий роман - это дом из слов, в котором можно жить всем, и современникам и потомкам, то Тургенев - чудесный зодчий, спасающий и нас в своих романах-домах от чувства бездомности.

Тургенев непрерывно приумножает наше зрение, наше понимание истории России, русского характера. И вновь мы можем повторить слова М.Е. Салтыкова-Щедрина, его современника, (из письма П.В. Анненкову 1859 года): «Да и что можно сказать о всех вообще произведениях Тургенева? То ли, что после прочтения их легко дышится, легко верится, тепло чувствуется? Что ощущаешь, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора?»

Но это лишь одна грань великой творческой судьбы создателя «Записок охотника», «Рудина», «Дворянского гнезда», бессмертных «Стихотворений в прозе». Сейчас Тургенев с его беспокойным, тревожным отношением к Будущему с его соблазнами, - воплощение гуманистической философии народосбережения в ее противостоянии всем видам и фор-

мам народораспыления, динамичного убывания в России русского народа. Многие безмолвствующие россияне из всех видов «свободы» взяли сейчас, увы, право на свободу беспамятуства, безответственности, право повторять аксиомы разрушительства. Одна из этих «аксиом», которая с псевдонаучной «основательностью» повторяется ныне - и порой при решении вопросов о месте литературы в школьном образовании! - касается именно русской классики всей эпохи Тургенева и Толстого: «Русская классическая культура, которая ранее понималась, как культура актуальная, имеющая прямое продолжение в современности, начинает все более интенсивно осмысляться как некое музейное, закапсулированное образование, не имеющее связей с современностью».³

Лживость подобных аксиом, как и суждений о том, что сама любовь к Родине - это «один из наименее продуктивных видов эмоций», особенно очевидна сейчас. Ведь так очевиден тургеневский след во всей русской литературе XX века! Кто может отрицать этот след в творчестве Ивана Бунина, в его «Антоновских яблоках» и в его «Чистом понедельник»? Сейчас очевидна и прямая связь образа Лизы Калитиной, уносящей с собой в монастырь целый узел трагических проблем, и одного из самых чудесных образов шолоховского «Тихого Дона», Натальи Мелиховой, героини, оскорбленной веком-волкодавом в своем творчестве жизни, в создании семейного гнезда, в спасении рода, дома, соборного единения в семье? Много, вероятно, мешало Шолохову в 30-е годы с их свирепым атеизмом яснее сказать о православной составляющей в чувстве Родины, о чувстве России как единого соборного дома, но и сказанного в связи с судьбой и решениями той же Натальи достаточно, чтобы уловить в ней начала тургеневского душевного идеализма и красоты. Тургеневский след, его призыв к сбережению высоких запросов совести, его пафос народосбережения, а не народораспыления постоянно обнаруживался в XX веке в творчестве Шукшина и Распутина, Астафьева и Абрамова. Хватит утешать себя мыслью, что русского народа бесконечно много, что его всем реформаторам «хватит» на их катастрофические эксперименты с Россией!

Есть одно по-своему загадочное «стихотворение в прозе» во всей этой неповторимой сюите, цикле откровений и молитв. Это стихотворение «Молитва». Оно начинается с вопроса к самому себе: «О чем бы не молился человек - он молится о чуде. Всякая молитва сводится на следующую; «Великий Боже, сделай так, чтобы дважды два – не было четыре!»»

Если все творчество Тургенева - это непрерывный диалог с Россией, полный молений о ее вечности, ожиданий явления ее явной и скрытой

мощи в своей самозащите от «вспышечников», от весьма рациональных умников с их арифметическими уравнениями, готовых мерить ее «аршином общим», то данное стихотворение - вероятно, одна из самых сердечных и драматичных реплик в этом диалоге.

Разгадка тургеневской молитвы, ее ожиданий чуда и стремления поспрашивать узких рационалистов, для которых всегда и везде «дважды два – четыре», - во всей истории России. В том числе - и в современной. «Умом Россию не понять», гениальное стихотворение Ф. И. Тютчева, разносторонне образованного человека, знавшего, как и Тургенев, силу ума, тоже говорит в унисон с тургеневской «Молитвой» о спасительной силе веры в Россию:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

Во многом об этом же говорил и Тургенев. Сколько «теоретизмов», математически вычисленных умствований выдвигали и выдвинули сейчас недруги России, рациональные планировщики ее бед, не обладавшие верой в Россию! Но все их расчеты постоянно опровергаются чудом существования, воскрешения, чудом бессмертия России! Ее судьбу, как и чудо, не загонишь, к счастью, на дискеты компьютеров! Не укоротишь и не упростишь! Потому так и боятся недруги России самого русского языка: ведь меткое крылатое слово, несущее веру в Россию, вся живущая в крылатом слове сила нравственного суда, прозренья делает их очевидными, разгаданными, отверженными в глазах народа!

Известный ученый, директор Института русской литературы (Пушкинского дома) Н.Н. Скатов, оценивая эти монументальные по концентрации мысли и чувства творения Тургенева «Русский язык», «Молитва» и тютчевское духовное завещание «Умом Россию не понять», пришел к глубоко оправданному выводу о выморочности, недолговечности временщиков на вершинах власти в России: «Невозможно не предостутить переворота, который, как метлой, сметет всю эту ветошь и все это бесчестие... Но, конечно, для этого потребуется не менее чем дыхание Бога, - дыхание бури».⁴ Дыхание Бога по Тютчеву или «чудо» по Тургеневу, как вознаграждение за молитву, за способность верить в величие России не только в дни побед - это легко! - но и в дни ее временных поражений, во дни сомнений и тягостных раздумий.

Час души... Тургенев - истинный гений меры и совершенства, почти пушкинского - порой излишне скромно оценивал свое место в русской литературе: «Я один из писателей междучарствия - эпохи между Гоголем и будущим главою» (1856). Когда же появились первые повести Л. Н. Толстого «Детство» (1852) и «Отрочество» (1854), именно Тургенев, признанный мастер, автор «Записок охотника», с каким-то вздохом облегченья сказал: «Вот, наконец, преемник Гоголя - нисколько на него непохожий, как оно и следовало ожидать»...

Тургенев не боялся быть заслоненным фигурами своих великих соотечественников. Именно он, забывая о спорах и разногласиях, вводил их в пространство европейской мировой культуры. Он верил в великую притягательную силу благороднейших человеческих качеств, которые он любил в своих героях и героинях, в силу того, что делает светлее, возвышеннее жизнь, что будет всегда восполнять порой все более умножающийся! - недостаток в красоте и благородстве чувства для потомков. Овеянные каким-то серебряным светом, закрепляющие те прекрасные мгновения нашей жизни, когда отлетает от нее бес пошлости и бездуховности, когда сверкают в нас зарницы высоких и глубоких порывов, страницы тургеневской прозы, поэзии, драматургии, его писем - это драгоценный час души. И можно повторить строки поэта Д. Самойлова, поставив после Пушкина великое имя Тургенева:

Пока в России Пушкин длится,
Метелям не задуть свечу.

Примечания

1. Музыка как судьба. М., 2002. С. 387, 534.
2. Музыка как судьба. М., 2002. С. 387, 534
3. Ямпольский М. Россия: культура и субкультура. В сб. Новая волна. М., 1994. – С. 50-51.
4. Скатов Н.Н. По высоким твореньям. Лит. Газета. 2003. № 43, 44.

Л.В. Дмитрохина

Музейный калейдоскоп

2003 год в жизни Государственного литературного музея И.С. Тургенева был насыщен несколькими юбилейными датами и связанными с ними событиями, яркими, запоминающимися, носящими и научный и просветительский характер.

Главной юбилейной датой 2003 года стал, конечно, 185-летний юбилей И.С. Тургенева. Этому событию было посвящено несколько выставок, открытых как в музее, так и на других площадках.

В выставочном зале музея экспонировались выставки:

- «И ландыши так девственно душисты...», на которой материалы из фондов музея прекрасно соединились с живописными работами художника С.Н. Крючкова.

- «Тургенев-читатель», на которой экспонировались раритетные издания мемориальной библиотеки И.С. Тургенева, хранящие на своих страницах следы их прочтения писателем.

- «Новые поступления в музей И.С. Тургенева», где были представлены материалы коллекции, поступившие в последнее пятилетие.

В Областном выставочном центре была открыта выставка «И.С. Тургенев в изобразительном искусстве», на которой экспонировались портреты писателя, иллюстрации к его произведениям, пейзажи тургеневских мест из фондов Гослитмузея И.С. Тургенева.

Не были забыты и жители тургеневского Полесья. В школе села Льгов Хотынецкого района в юбилейном году открыта выставочная экспозиция «Дорогами И.С. Тургенева. Орел – Спасское – Льгов», которая должна стать прообразом постоянной экспозиции школьного музея.

Большим событием в научных кругах не только г. Орла, но и России стала международная научная конференция «Творчество И.С. Тургенева и Ф.И. Тютчева в контексте мировой литературы», посвященная сразу двум юбилеям: 185-летию И.С. Тургенева и 200-летию Ф.И. Тютчева, традиционно проведенная музеем совместно с кафедрой русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета. В конференции приняли участие ведущие исследователи творчества И.С. Тургенева и Ф.И. Тютчева из различных городов России, ученые из-за рубежа.

Своеобразным подарком орловцам к 185-летию И.С. Тургенева и 60-летию освобождения Орла от фашистских захватчиков можно назвать городской литературный праздник «Ожившие мгновенья минувшей красоты», собравший в «рябиновом сквере» возле музея И.С. Тургенева множество поклонников творчества нашего знаменитого земляка. Праздник получился яркий, запоминающийся, в нем приняли участие творческие коллективы – как профессиональные, так и самодеятельные. Самое активное участие в подготовке и проведении праздника приняли студенты Орловского государственного института искусств и культуры под руководством режиссера-постановщика праздника, Заслуженного работника культуры России С.И. Гавдис.

А в ноябре состоялось еще одно общегородское мероприятие, собравшее орловцев во имя Тургенева. В зале Академического театра драмы им. И.С. Тургенева прошел литературно-музыкальный вечер «Живой родник памяти».

185-летию И.С. Тургенева была посвящена и такая акция, как открытие мемориальной доски с именем писателя на здании бывшей гостиницы Иордан, осуществленная музеем совместно с Орловским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Тургеневским обществом.

Непосредственно в день рождения писателя, 9 ноября, на музейной сцене актеры студенческого театра ОГУ «Ювента» показали премьеру своего нового спектакля «Ссора или два соседа» по пьесе князя А.А. Шаховского, свое искусство продемонстрировали учащиеся детской музыкальной школы им. В.С. Калининкова.

В юбилейном тургеневском году были также отмечены две даты, связанные с самым орловским романом писателя «Дворянское гнездо»: 145-летие его создания и 100-летие со дня открытия в Орле общественного сада с таким же названием на месте, где по преданию происходило действие тургеневского романа.

Была открыта выставка «Вслед за героями “Дворянского гнезда”»; состоялись XIII Тургеневские чтения на тему «Дворянское гнездо: взгляд через столетие»; в День памяти писателя в театральном зале музея прозвучала композиция «Венок Дворянскому гнезду», во время традиционной Тургеневской осени литературные «Игры школяров» проходили вокруг темы «Читаем “Дворянское гнездо”»; в течение всего года школьники города могли поучаствовать в «Беседах о Дворянском гнезде», проводимых сотрудниками музея с просмотром фрагментов из фильма А. Михалкова-Кончаловского «Дворянское гнездо».

Завершающим аккордом юбилейной тургеневской симфонии стал торжественный вечер, посвященный 85-летию создания в Орле музея И.С. Тургенева, который прошел в зале Орловской областной филармонии. Поздравить музей с юбилеем пришли представители государственных и общественных организаций, коллеги из музеев Орла, Спаского-Лутовинова и Москвы, писатели, художники, артисты. Во всех приветствиях по случаю юбилея отмечалось огромное значение музея в культурной жизни не только Орла, но и всей страны, его международное звучание.

В юбилейном году в гостях у орловских музейщиков побывал хранитель музея Тургенева в Буживале Александр Звигильский. Вместе с научными сотрудниками Орловского музея он принял участие в Турге-

невских торжествах в Москве, где, как и в Орле, действует Тургеневское общество, поддерживающее постоянный контакт с орловцами.

Как итог предыдущего года был подготовлен и вышел в свет очередной «Тургеневский ежегодник», где нашли место многие материалы к юбилею «Записок охотника», юбилейные тютчевские материалы, а также целый ряд статей, посвященных биографии и творчеству И.С. Тургенева, вопросам литературного краеведения, просветительской работе музея.

Помимо тургеневских дат музей отмечал и другие события, связанные с именами писателей-орловцев: 200-летие Ф.И. Тютчева, 130-летие М.М. Пришвина, 50-летие памяти И.А. Бунина, 190-летие Т.Н. Грановского. Но особенно большой интерес у орловцев вызвали мероприятия, посвященные 100-летию со дня рождения известного детского поэта Е.А. Благиной.

В музее была организована выставка «Гори-гори ясно!», отразившая сложный жизненный и творческий путь талантливого поэта и ярко, неординарного человека, каким была Елена Александровна. А в детском парке – выставка детского рисунка по стихотворениям Благиной. В зале Орловской областной филармонии состоялся торжественный литературно-музыкальный вечер, а в с. Яковлево Свердловского района, где родилась поэтесса, – традиционный Благининский праздник поэзии. В лектории музея прошел поэтический утренник для школьников, в детских садах города сотрудники музея провели игры-беседы «Золотое солнце в яркой синеве».

Фонды музея пополнились ценными экспонатами, переданными племянником Елены Александровны – Александром Дмитриевичем Благиным, участником всех юбилейных торжеств и давним другом музея.

Смело можно сказать, что жизнь музея в 2003 году была насыщенной, разнообразной, поистине калейдоскопичной, направленной, как и прежде, на сохранение истинных духовных ценностей для будущих поколений граждан России.

I

Научные исследования и сообщения

*Экспозиция 7-го зала музея И. С. Тургенева в Орле.
Мантия и шапочка И. С. Тургенева – почетного доктора
естественного права Оксфордского университета.*

О романтических тенденциях в реалистических повестях Тургенева 40-х годов

I

Отстаивая «натуральную школу» как осуществление гоголевского отрицательного направления в литературе, Белинский отвергал романтическую идеализацию действительности за нарушение жизненной правды в искусстве. Обличительное направление в литературе критик считал исторически необходимым и плодотворным этапом к будущему изображению положительного содержания общественной жизни.¹ В середине 40-х годов в натуральной школе произошли те сдвиги, которыми характеризуется второй этап ее существования.² Прежде всего ставится задача выявления общечеловеческого содержания персонажа, противостоящего среде, пошлым обстоятельствам жизни. Социально-историческая интерпретация характеров приходит в сочетание с апелляцией к природному, естественному началу, к «натуре» героя-персонажа. Эти моменты антропологического объяснения человека порождали романтические тенденции в реализме писателей названного периода. Повести Тургенева 1840-х годов и представляют собою сложное взаимодействие «реальной» и «идеальной» поэзии, по терминологии Белинского. В них совершается как бы возвращение к тому этапу в развитии русской литературы, который представлен «Евгением Онегиным», «Героем нашего времени», «Мертвыми душами», реалистическими произведениями Пушкина, Лермонтова, Гоголя, обогащенными романтической «субъективностью». Тургенев находился в русле общего движения литературы второй половины сороковых и пятидесятых годов к сентиментальным и романтическим формам, о котором писал В. Виноградов в «Эволюции русского натурализма».

Обращение к поэтическому освещению внутреннего мира человека, его романтических переживаний, тихих и восторженных преклонений перед прекрасным уже в повестях 40-х годов не было случайным и вполне объяснялось и идейно-эстетическими позициями писателя, и содержанием исторического момента. Замысел повестей был порожден нравственно-литературной обстановкой 1842-1844 годов, когда совершался переход от «абстрактной идеальности к живому пониманию действительности», как выразился Н.Г. Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы».³ Поход Белинского против абстрактного романтизма и мечтательного идеализма в статье «Русская литература в

1842 году», в «Обзоре русской литературы за 1843 год», несомненно, воздействовал на Тургенева. Главный пафос повестей «Андрей Колосов», «Три портрета», «Бретер» - осуждение прекраснодушной мечтательности, романтической эксцентричности и утверждение простоты и естественности, красоты и поэзии личного чувства, разумного такта действительности.

Уже в первой своей повести «Андрей Колосов» (1844) Тургенев создал образ «необыкновенного человека» из среды разночинной интеллигенции, своеобразного носителя «романтического самосознания», предшественника Беляева из пьесы «Месяц в деревне» и Базарова из романа «Отцы и дети». Вся повесть построена на противопоставлении двух характеров - прекраснодушного мечтателя и рационально мыслящего человека, побеждающего своей трезвостью и веселостью, естественностью и простотой. Колосов противопоставлен всему ложно-идеальному, романтически-выспреннему: «... в нем не было ни той таинственности, которою щеголяют юноши, одаренные самолюбием, бледностью, черными волосами и “выразительным” взглядом, ни того поддельного равнодушия, под которым будто бы скрываются громадные силы; нет: он весь был, как говорится, нараспашку; но когда им овладевала страсть, во всем существе его внезапно проявлялась порывистая, стремительная деятельность, только он не тратил своей силы попусту и никогда, ни в каком случае не становился на ходули».⁴

Первая повесть Тургенева «Андрей Колосов» рассматривалась лишь как попытка преодоления «ранних романтических тенденций». Но забывают, что беседы с Белинским нацеливали писателя на борьбу лишь с романтической искусственной подражательностью. Значение же положительного романтического сознания было для Тургенева, как и для Белинского, совершенно бесспорным. Через преодоление романтической фразеологии Тургенев шел к реализму, сильному своей романтической субъективностью. Выход за пределы «натуральной школы» определялся содержанием идейно-эстетической позиции писателя, жадной того «идеального», которое в то же время является и высшей «реальностью», хотя, разумеется, связь этой повести с «натуральной школой» сильна.⁵

II

В «Трех портретах» (1846) Тургенев занимал сложную позицию в своем отношении к романтизму как мироощущению: еще находясь под обаянием демонического героя, он уже шел к его развенчанию. Лермонтовская традиция сказалась в обрисовке Василия Ивановича Лучинова, «человека, одаренного необыкновенной силой воли, страстного и расчетливого, терпеливого и смелого, скрытого до чрезвычайности и <...> оча-

ровательно, обаятельно любезного» (V, 91). Демонические черты Лучинова сказались прежде всего в парадоксальном сочетании страстности и холодности, способности беззаветно увлекаться и одновременно анализировать: «Лучинов всегда оставался загадкой для всех; в самой холодности его неумолимой души вы чувствовали присутствие странного, почти южного пламени; и в самом бешеном разгаре страсти от этого человека веяло холодом» (V, 105). Это внешнее изображение той раздвоенности человеческой личности, которая стала предметом внимания Лермонтова в «Герое нашего времени». Изнутри сознания Печорина автор выявляет в своем герое то же парадоксальное сочетание пламенности и холодности: «Во мне два человека, один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его».⁶

Лучинов, разумеется, сниженный вариант романтического героя в условиях общественной жизни 1840-х годов, когда демонические характеры явно потеряли свой героический ореол, а их индивидуалистический бунт, лишенный исторического оправдания, выродился в эгоистическую жажду наслаждений. Василий Лучинов лишен малейших проблесков добра, он «усердно служил самому себе и других заставлял трудиться для своих же выгод» (V, 32).

Лучинов сближается с Печориным по силе нравственно-психологического воздействия на окружающих, по способности экспериментировать над ними. Братья «немели перед ним и удивлялись ему, как существу высшему», ему «невозможно было противиться – и даже люди, уверенные в сухости и холодности его души, не раз поддавались чарующему могуществу его влияния» (V, 22). Примечательно признание рассказчика: «я понимаю неограниченную власть этого безнравственного человека над самыми благородными душами...» «он отличался такой неограниченной смелостью, такой змеиной изворотливостью, таким непостижимым хладнокровием, таким ловким и тонким умом...» (V, 96).

Способность подчинять окружающих своей воле Лучинов использовал в сугубо эгоистических целях подобно Печорину, сказавшему себе: «первое мое удовольствие - подчинить моей воле все, что меня окружает; возбуждать к себе чувство любви, преданности, страха - не есть ли первый признак и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, - не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастье? Насыщенная гордость».⁷

Эгоистическая, холодная и страстная, расчетливая и безумная натура Василия Лучинова сказала в истории интимно-личных отношений с Ольгой Ивановной. На первых порах он занялся воспитанием Ольги Ива-

новны, зная, что «неопытную, но самолюбивую девушку легче вовлечь умом, чем сердцем». «Он ввел ее в новый мир. Он выписал для нее клави-корды, давал ей музыкальные уроки <...> читал ей книги, долго разговари-вал с ней...»

Василий расчетливо действовал на воображение Ольги Ивановны, приобщал ее к сокровищам культуры, стремился покорить ее духовно с тем, чтобы овладеть ее сердцем: «она уходила от него с таким вихрем новых образов, слов и мыслей в голове, что не в состоянии была заснуть до зари и, тоскливо вздыхая, беспрестанно прикладывала горящие щеки к холодным подушкам или вставала, подходила к окну и пугливо и жадно смотрела в темную даль» (V, 103-104). Невольно вспоминается взволнованная Наталья Ласунская, буквально потрясенная мыслями Рудина, обращенными в будущее: «<...> а Наталья хотя и разделась и легла в постель, но тоже ни на минуту не уснула и не закрывала даже глаз. Подперши голову рукою, она глядела пристально в темноту; лихорадочно бились ее жилы, и тяжелый вздох часто приподнимал ее грудь» (VI, 270).

Ольга Ивановна в каком-то смысле оказалась предшественницей тех тургеневских девушек, которые ждали встречи с возлюбленным как с учителем жизни, отвечающим на вопрос о том, как делать добро. Наталья Ласунская, Лиза Калитина, Елена Стахова, Марианна - все они отдавались той любви, которая зарождалась в атмосфере внутренней духовной близости с возлюбленным.

Разумеется, Василий Лучинов не имел ничего общего с теми тургеневскими просветителями из дворянской и разночинной среды, которые были связаны с идейно-политическими течениями общественной жизни России 1840-1870-х годов.

В Лучинове тоже таились необъятные душевные силы, только принявшие античеловеческое извращенное направление. Среда у Лермонтова – «водяное общество», у Тургенева - степная дворянская усадьба - дается как арена действий героев. Все персонажи выступают в соотносении с личностью главного, который рождает вокруг себя беспокойство и действует рассчитанно и целеустремленно. Герой у Тургенева и Лермонтова становится причиной меняющихся ситуаций и сознательным организатором события.

Приглянувшаяся Ольга Ивановна вывела Лучинова из состояния мрачной сосредоточенности и ядовитой скуки. «Он вдруг повеселел и просветлел духом <...> Он нашел себе занятие, поставил задачу и радовался радостью деятельного человека» (VII, 103). Во-первых, Лучинов совершенно изменил свое отношение к Рогачевым и сам явился к ним с визитом, покорил добрых степняков своей «добродушной любезностью».

Маскируя свою любовную историю, он обратился к кипучей деятельности, управляя людьми по собственному усмотрению: «Печальный, мрачный дом Лучиновых превратился вдруг в какое-то шумное, блестящее жилище, о котором заговорил весь околоток» (V, 100).

В самом разгаре страсти Лучинов мог наблюдать, рассчитывать и заключать: «Он весь сосредоточился, как опытный игрок», «в его буйном и шумном веселье только опытный наблюдатель мог бы заметить лихорадочную напряженность; он играл братьями, сестрами, Рогачевыми, соседями, соседками - как пешками; вечно был настороже, не терял ни одного взгляда, ни одного движенья, хотя казался беззаботнейшим человеком; каждое утро вступал в сражение и каждый вечер торжествовал победу» (VII, 105). В холодности и страстности Лучинова, в наблюдательности и способности управлять людьми ощущаются элементы лермонтовской поэзии, которые отражали пламенность и рефлексию людей 30-х годов. Несомненно, и фразеология огненных страстей подсказана Лермонтовым.⁸

Лучинов в чем-то напоминает Печорина. Для достижения своей жалкой цели - завлечь княжну Мери – лермонтовский герой проявляет изумительную душевную энергию, проницательность, блеск ума, настойчивость, дьявольскую изобретательность, знание людей.

Как и Печорин, Лучинов владеет искусством светского поведения - находчивостью, решительностью, остроумием, презрением к окружающим, «охлажденностью» взгляда. Рассказчик отмечает способность Лучинова подчинять женские сердца: «Прошло два месяца. В Ольге Ивановне исчезла, наконец, всякая самостоятельность, всякая воля <...> она даже не хотела противиться обаянию и с замирающим сердцем безусловно отдалась Василью...» (V, 104).

Активность природы Лучинова, неукротимая, коренная потребность в наслаждении и быстрое охлаждение сказались в истории отношений с Ольгой Ивановной. Неистовые взрывы страсти сменялись равнодушием и раздражением: «наедине он играл с ней, как кошка с мышью, или пугал ее софизмами, или тяжело и ядовито скучал, или, наконец, опять бросался к ее ногам, увлекал ее, как вихрь щепку... и не притворялся тогда влюбленным... Но действительно сам замирал» (V, 105).

Смысл и полноту жизни, остроту ощущений Лучинов искал в любви, в опасности, в игре со смертью. Он не вспомнил о том, что Ольга Ивановна - воспитанница его матери, невеста другого. «Может быть, - полагает автор, - его извиняла страсть, правда, не возвышенная, не благородная, но все-таки довольно сильная и мучительная страсть» (V, 103). В забвении суверенной ценности человеческой личности Лучинов - продолжатель печоринских традиций. Он мог бы сказать о себе словами Печорина: «я

смотрю на страдания других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы».

Луцинов в истории с Ольгой Ивановной, как и Печорин в истории с княжной Мери, противопоставлен обществу как злая, разрушительная сила, отрицающая требования внутреннего нравственного закона. Однако в отличие от Печорина Василий Луцинов лишен малейших сомнений и потенций добра, является законченным носителем аморального сознания. Он спокойно совершает насилие и убивает ни в чем неповинного и незащищенного человека. Участники патриархальной жизни, «степняки», реагируют нескрываемым ужасом на его «деяния». Когда Луцинов доказывал необходимость бракосочетания Ольги Ивановны с обманутым ею Рогачевым, она «глядела на него с немим ужасом» (V, 107). Два часа спустя после убийства Рогачева Луцинов вошел в комнату Ольги Ивановны, «она с немим ужасом бросилась к нему навстречу... Он молча поклонился ей, вынул шпагу и проколол, на месте сердца, портрет Павла Афанасьевича. Ольга вскрикнула и в беспамятстве упала на пол...» (V, 114).

Тургенев, вслед за Лермонтовым, обратился к критике героя-индивидуалиста. Но разные способы создания образа героя в какой-то степени определяют и концепцию его характера в рассказе Тургенева и романе Лермонтова. Василий Луцинов изображается «со стороны», через восприятие и оценку Петра Федоровича, рассказчика. Образ Печорина рисуется не только с точки зрения постороннего наблюдателя, но также в плане самораскрытия, самосознания. Благодаря изображению субъективных состояний лермонтовского героя, его самосознания, образ Печорина раскрывается в полноте и конкретности своего духовного и эмпирического бытия и потому становится многомерным. Тургеневский герой поражает читателя некоторой однозначностью своего характера, потому что мотивы поведения сообщаются извне, наблюдателем, потому что диалектические переходы противоположных нравственно-психологических качеств (например, от страстного увлечения к ядовитой скуке) рисуются не в своем непосредственном бытии, а через внешнюю характеристику рассказчика. Исчезает полнота и очевидность сцепления противоположных мотивов, прихотливого взаимодействия внутренних элементов, побуждений, рождающихся чувств.

Разоблачение Луцинова осуществляется через сопоставление с Рогачевым, женихом Ольги Ивановны. Сама внешность этих антагонистов очень примечательна, поскольку в портретных изображениях выражается нравственно-психологическое содержание их личности. У одного - бесконечная доброта, у другого - дерзкая надменность. Петр Федорович разъясняет этот опредмеченный в портретах нравственно-психологический смысл ге-

роев уже отшумевшей жизни: «на совершенно черном фоне виднелось круглое и толстое лицо доброго русского помещика лет двадцати пяти, с низким и широким лбом, тупым носом и простодушной улыбкой. Французская напудренная прическа весьма не согласовалась с выражением его славянского лица» - и рядом портрет Василия Лучинова: «Одной рукой опирался он на трость с золотым набалдашником, другую заложил за камзол. Его смуглое и худощавое лицо дышало дерзкою надменностью. Тонкие длинные брови срастались над черными как смоль глазами; на бледных, едва заметных губах играла недобрая улыбка» (V, 88).

В противовес Лучинову Рогачев - кроткое, снисходительное создание, «тихая, светлая улыбка» выражает бесконечную доброту, «природа забыла наделить его желчью», «ничто не могло возмутить тишину его души». В результате Ольга потеряла всякую самостоятельность, «слабый и молчаливый Рогачев не мог служить ей опорой» (V, 104).

В заключительной ситуации Лучинов доказал Ольге необходимость разлуки с ним и бракосочетания с Рогачевым. Он рассчитывал на бесконечную доброту и бесхребетность Павла Афанасьевича. Но добродушный славянин под конец, в драматической ситуации обнаружил изумительную силу воли и принципиальность решения, непоколебимость своих нравственных представлений. Узнав об измене, он отказался от свадьбы.

Что делает Лучинова романтическим героем? Прежде всего беспокойная, ненасытная страстность. Но вместе с тем Лучинов, подобно Печорину, объят душевным холодом. По словам Ап. Григорьева, «сила его, это страстность почти что южная, соединенная с северным владеньем собою, эта пламенность рефлексии, или рефлексия пламенности, есть типовая особенность».⁹

Парадоксальное сочетание противоположных начал в личности героя явно идеализируется писателем и вносит романтические тенденции в реалистическое повествование. Носитель пожирающего огня страсти, Лучинов сам поднимается над Рогачевым, который при всей своей нравственной чистоте и даже мужестве поражает вялостью душевных движений. В морально осуждаемом индивидуалисте, который в силу своей эгоистической воли разъединен с миром, остается обаяние сильной страсти.

Еще сохранялись какие-то связи с протестующим и мрачным романтизмом, писатель вместе со своим рассказчиком находился еще во власти демонического героя. Именно поэтому авторское решение остается в рассказе логически тощим, рассудочным, никак не разрушающим обаяния Василия Ивановича Лучинова. Верно заметил К.К. Истомин: «Зло облачается в такую красивую и нарядную форму, злодей обрисован такими очаровательными красками, что ваши же собственные мысли заволакиваются

романтическим туманом и вступают в сплошное противоречие с нашими здоровыми понятиями и чувствами». ¹⁰ Это мощное эмоционально-психологическое воздействие Лучинова заметила и современная Тургеневу критика. Так, Ап. Григорьев писал: «Что ни говорите о безнравственности Василия Лучинова - но несомненно, что в этом образе есть поэзия, есть обаяние. Эта поэзия, это обаяние <...> некоторым образом сильнее и значительнее обаяния лермонтовского Печорина, как у самого Лермонтова его недоконченный, но вечно мучивший его Арбенин, или Арбенъев, - поэтичнее и обаятельнее холодного и часто мелочного Печорина. Развенчать обаятельные стороны этого типа, столь долго мучившего Лермонтова и все наше поколение, Тургенев пытался несколько раз - и почти всегда, стремясь к логической последовательности в мысли, изменял ей в создаваемом им образе...» «Безнравственность Василия Лучинова вы, разумеется, моральным судом казнили, но то грозное и злое, то страстное до безумия и вместе с тем владеющее собою до рефлексии, что в нем являлось, ни художник не развенчал, ни вы развенчать не могли...» ¹¹

Тип индивидуалиста-сверхчеловека остается лирически окрашенным, хотя и является объектом критики. Эмоционально-психологическая атмосфера увлечения и страстности, соединенная с холодной и расчетливой рефлексией сохранила над рассказчиком свое неотразимо романтическое обаяние. К.К. Истомина заметил, что рассказчик, человек трезвого и практического взгляда на жизнь, «впадает в противоречие с собою, обращаясь к "какому-то хвалебному и даже риторическому, чисто романтическому" при описании "подвигов и деяний" своего двоюродного дедушки Василия Ивановича Лучинова». ¹²

Действительно, рассказчик - добродушный россиянин, степняк, рожденный для ленивого, беспечного прозябания, вместе с тем человек определенного культурного уровня, хотя по-русски читал с трудом и лишь донесения своего приказчика.

Тургенев имел основания доверить Петру Федоровичу выражение авторского замысла, авторских отношений и оценок, усиливая речь рассказчика непосредственным авторским вторжением в виде авторских «вкраплений», когда повествование поднимается от частного к обобщению. Восторженное отношение Петра Федоровича к демоническому герою Василию Ивановичу Лучинову вместе с пониманием его безнравственности мотивировано писателем некоторыми свойствами личности рассказчика. Он принадлежал к числу тех людей, под «наружным равнодушием» которых скрываются «сильные и великие страсти» (V, 86).

Рассказ и даже чистый сказ у Тургенева утрачивает всякую условность и становится прямым авторским словом, непосредственно выражающим его

замысел. «Вводя рассказчика, - говорит М. Бахтин, - Тургенев в большинстве случаев вовсе не стилизует чужой индивидуальной и социальной манеры рассказывания. Например, рассказ в "Андрее Колосове" - рассказ интеллигентного литературного человека тургеневского круга. Так рассказал бы и он сам, рассказал бы о самом серьезном в своей жизни. Здесь нет установки на социально чужой сказовый тон, на социально чужую манеру видеть и передавать виденное. Нет установки и на индивидуально-характерную манеру. Тургеневский сказ полновесно значим, и в нем - один голос, непосредственно выражающий авторский замысел. Здесь перед нами простой композиционный прием». ¹³ «Нам кажется, - пишет М. Бахтин, - что Лесков прибежал к рассказчику ради социально чужого слова и социально чужого мировоззрения и уже вторично - ради устного сказа (так как его интересовало народное слово). Тургенев же, наоборот, искал в рассказчике именно устной формы повествования, но для прямого выражения своих замыслов. Ему действительно свойственна установка на устную речь, а не на чужое слово. Преломлять свои мысли в чужом слове Тургенев не любил и не умел <...> Поэтому он избирал рассказчика из своего социального круга. Такой рассказчик неизбежно должен был говорить языком литературным, не выдерживая до конца устного слова. Тургеневу важно было только оживить свою литературную речь устными интонациями». ¹⁴

III

Повесть «Бретер» построена на противопоставлении двух офицеров, друзей и соперников, двух противоположных натур - тихого мечтателя, скромного дворянина немецкого происхождения Федора Федоровича Кистера, готового в каждом человеке признать друга и брата, и мрачного дуэлянта Авдея Ивановича Лучкова.

Нравственный идеалист Кистер всегда благороден в своем поведении и чист в мыслях. Правда, явный интерес Маши к бретеру вызывал в нем некоторую смуту. Но он быстро справился с эгоистическим движением и решил пожертвовать собою: «...она его любит; я сблизу их; я оправдаю ее доверенность». Исполнение долга стало для Кистера не тяжелыми веригами, а естественной потребностью сердца, удовлетворением каких-то глубинных идеальных влечений. Полным антиподом Кистера явился Лучков, который спасал свое уязвленное самолюбие, свою духовную бедность под маской равнодушного гордеца, трагического одиночки.

Ценность личности Кистера и Лучкова в повести проверяется через историю их интимно-личных переживаний. Один оказался в этой истории способным к высокому подвигу самоотвержения, другой обнаружил эгоизм природы и большое, уязвленное самолюбие.

Маша Перекатова, усадебная дворянка, - одна из первых тургеневских девушек, отличающихся высокой духовностью и чистотой своих побуждений. В «степной девице» автора поразило «отсутствие жеманства, пред-
рассудков, начитанность <...>, свобода выражений, спокойная простота речей и взглядов...» (V, 42). Она находила «тихую отраду» в обмене мыслями и чувствами с Кистером, поклонником Гете и Шиллера. Но плененная романтическими влечениями к загадочному, она с тревожным любопытством тянулась к Лучкову, имевшему страшную славу дуэлянта, бретера, предполагала в нем какое-то непостижимое содержание, безмерное страдание, таинственную душевную драму. Именно поэтому она и согласилась на тайное свидание с Лучковым.

Повесть завершается сценой поединка Лучкова с Кистером, женихом Маши Перекатовой. Последнее объяснение бывших друзей становится выражением неистового самолюбия бретера: «в ваших упреках, в ваших клеветах слышится один крик уязвленного самолюбия...» Но заострение ведущей черты в характере Лучкова не снимает авторского понимания сложности человека: «Авдей подошел к убитому. На его сумрачном и похudevшем лице выразилось свирепое, ожесточенное сожаление <...> наклонил голову, как виноватый, молча сел на лошадь...» (V, 84).

Тургенев пытался представить личность бретера в нравственно-психологической сложности. Злобная раздражительность уживалась в нем с за-
таенными влечениями к любви и дружбе. Это подтверждается некоторыми фактами его жизненной истории. Дружба с Кистером не была случайной: в общении с бескорыстным романтиком-мечтателем, лишенным изнуряющей страсти самолюбия, Лучков удовлетворяет свою глубоко запрятанную потребность в социальном признании. В лице Кистера он впервые встретил «действительно “идеального”, то есть бескорыстно и добродушно занятого мечтами и потому снисходительного и не самолюбивого» (V, 40).

Атмосфера благодушия, простоты, мягкого юмора, нежности и влечения к прекрасному, которая создается в повести благодаря интимно-личным отношениям Маши и Кистера, еще более подчеркивает неловкость и грубость бретера.

Тургенев относит Лучкова к печоринскому типу: «Он принадлежал к числу людей, которым как будто дано право власти над другими; но природа отказала ему в дарованиях – необходимом оправдании подобного права» (V, 39). Это авторское разъяснение, само по себе очень емкое, становится признанием культа сильной романтической личности, располагающей природным правом власти над другими. Следовательно, былое увлечение демоническими, романтическими стихиями еще имело следы в сознании писателя.

Озлобленность и жесточенность Лучкова писатель объясняет природными и общественными факторами. Природа отказала Авдею в дарованиях и потому осталась неудовлетворенной наиболее глубинная склонность его – право власти над людьми. Социальная судьба лишила Авдея образования: «Он рано остался сиротой, вырос в нужде и загоне» (V, 37).

По мысли Тургенева, Лучков объединялся с Печориным своими индивидуалистическими претензиями, способностью власти над людьми, правда, потенциальной способностью, не реализовавшейся в силу отсутствия дарования.

Современники имели, таким образом, некоторые основания сближать Лучкова с Печориным. А.В. Дружинин толковал образ Авдея Ивановича как развенчание идеала «“сильных людей”, не находящих себе места в современном обществе». Он не видел принципиальной разницы между Лучковым и Печориным и находил, что созданный Тургеневым образ лишь обнаруживает с особенной очевидностью пороки героя прошлой эпохи, снимая с него налет поэтической идеализации. «Сведите вместе обоих героев, откиньте поэтическую грусть, которой так много пошло на создание Героя нашего времени, поставьте Авдея Лучкова на несколько ступенек выше относительно блеска и просвещения, нас поразит обилие общих черт уже в том и другом характере. Озлобленность, жестокость натуры, фразерство, отсутствие нежности и общительности наполняют собой души этих охлажденных смертных...»¹⁵ Разумеется, Дружинин преувеличил близость героев, снизив и даже опошлив личность Печорина. Двумя годами ранее Ап. Григорьев с большей тонкостью заметил, что Тургенев разоблачил «одну сторону лермонтовского Печорина в грубых чертах своего “Бретера”».

Несомненно, Лучков при всей своей бездарности имел точки соприкосновения с Печориным именно своими индивидуалистическими замашками, а также с Грушницким именно этим стремлением скрываться под маской. Только Грушницкий драпировался в «необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания», Лучков же «просто прикидывался равнодушным молчаливым гордецом». Еще отметим одну параллель между тургеневским героем и лермонтовским: «Впрочем в те минуты, когда сбрасывает трагическую мантию, Грушницкий довольно мил и забавен». Лучков, сбрасывая личину, становится неловким, духовно бедным, грубым, ограниченным: «Всякое откровенное, произвольное, то есть доброе, проявление страсти не шло к Лучкову...» (V, 45).

Реалистическая повесть «Бретер» сильна и романтическими тенденциями, связанными с прославлением поэзии действительной жизни.

Носителем такой романтической стихии становится скромный мечтатель, русский дворянин немецкого происхождения Кистер, причастный к миру «чистых наслаждений». Созерцательное постижение красоты делает Кистера предшественником Якова Пасынкова и Лемма.

Белинскому принадлежит отзыв о «Бретере» в письме к Тургеневу от 19 февраля (3 марта) 1847 года. Он осторожно выразил неудовлетворенность повестью, противопоставив ее «Запискам охотника»: «Мне кажется, у Вас чисто творческого таланта или нет, или очень мало, и Ваш талант однороден с Далем. Судя по “Хорю”, Вы далеко пойдете. Это Ваш настоящий род. Вот хоть бы “Ермолай и мельничиха” - не бог знает что, безделка, а хорошо, потому что умно и дельно, с мыслию. А в “Бретере”, я уверен, Вы творили <...> Если не ошибаюсь, Ваше призвание - наблюдать действительные явления и передавать их, пропуская через фантазию; но не опираться только на фантазию» (XII, 336).

Повесть «Бретер» представляет собою первый и удачный опыт объективного повествования с его многоголосием и многоаспектностью. Свежий автор располагает знанием скрытых и наиболее сокровенных движений души своих персонажей, и потому повесть «Бретер» является первым обращением писателя к методу психологического анализа с его воспроизведением сиюминутных душевных состояний средствами несобственно-прямой речи и внутренних монологов.

В авторское повествование просачиваются реплики и интонации действующих лиц. Герой «рисует» изнутри и одновременно снаружи - происходит диффузия двух точек зрения и совмещение их в одном словесно-речевом объеме повествования.¹⁶ Авторское повествование обогащается разнообразными интонациями, вбирает в себя экспрессивные формы речи действующих лиц.

В «Бретере» Тургенев впервые обратился к тем средствам и формам психологизма, которые с таким блестящим мастерством он будет претворять в своем романном творчестве. Уже в «Бретере» выразились преимущества «новой манеры» с ее взаимопроникновением речевых слоев в авторском повествовании.

Формы несобственно-прямой речи используются Тургеневым при изображении духовно близких ему героев Кистера и Маши, тонко чувствующих и внутренне подвижных. Напротив, духовно далекие герои раскрываются средствами внешнего изображения с точки зрения постороннего наблюдателя, извне, а также формами диалогической речи в сценах драматического действия. Например, ограниченный и самолюбивый Лучков. Собственный голос героя звучит лишь отрывочными реплика-

ми, которые неизменно сопровождаются авторским комментарием: «он отвечал на расспросы хозяйки коротко, но беспокойно; он робел, как все самолюбивые люди» (VII, 54). Друг и антагонист бретера Кистер изображается не только в сценах драматического действия, не только формами диалогической речи, но также формами несобственно-прямой речи, объединяющей голос автора и голос персонажа и потому создающей иллюзию самораскрытия, самовыражения героя. Впрочем, и диалогическая речь персонажей, в особенности Кистера и Маши, сопровождается внутренними репликами и размышлениями про себя. Этим самым Кистер как бы предваряет Нежданова из «Нови».

В первых произведениях Тургенева в особенности ощутима связь с предшественниками в процессе творческого преодоления их традиций. Участник «натурального» движения, Тургенев не сразу порвал связи с романтизмом. Так, в рассказе «Три портрета» имеются и следы романтической концепции характера. Василий Лучинов, герой-индивидуалист, всех подчинивший своей эгоистической воле, относится автором к разряду особенных исключительных личностей, которые отличаются «странным» сочетанием противоположных стихий: неиссякаемой страстности и расчетливой холодности. Для окружающих и в какой-то степени для автора герой остается «загадкой». Отголоски романтической схемы ощущаются в обобщенных характеристиках Лучинова, идущих от рассказчика, но выражающих и голос автора. Вместе с тем Тургенев в большей степени, чем Лермонтов, обращается к реалистическому снижению романтического героя, разоблачая его чудовищный эгоизм и бессердечие. Разумеется, Лучинов - сниженный вариант Печорина, лишенный его глубоко-го разума и острой нравственной неудовлетворенности.

В повести «Бретер» осуществляется разоблачение героя-индивидуалиста, лишенного к тому же яркой духовности и спасающего свое уязвленное самолюбие только романтической драпировкой. Ап. Григорьев верно заметил о Лучкове: «Бретер - это Грушницкий с энергией природы Печорина, или, пожалуй, Печорин, лишенный блестящего лоска его ума и образованности - олицетворение тупой апатии, без очарования, доставшегося даром...» Романтическая поза разочарованного страдальца помогает Лучкову сохранять свое мнимое превосходство над другими. И все же, по мысли автора, «он принадлежал к числу людей, которым как будто дано право власти над другими...», то есть к категории людей печоринского типа, но уже лишенный тех дарований, которые, по заявлению автора, оправдывают такую власть. Эти отголоски

романтического признания сверхчеловека, от природы располагающего властью над другими, средними людьми, принадлежат автору, изживающему уже свое бывшее очарование.

Экспозиция повестей и рассказов Тургенева 40-х годов посвящена биографическим сведениям о персонажах, описаниям их бытового окружения. Экскурсы в прошлое героев, которые особое значение приобретут в романах и будут способствовать там сложному сплетению хронологических аспектов, эпической масштабности повествования, в ранних произведениях Тургенева при всей своей лаконичности служат углублению реалистической типизации. Конкретизируется представление о героях, как представителях определенной социальной среды, благодаря беглой характеристике истории их воспитания и их предков. Настоящее время, в котором разворачивается действие, выступает обусловленным прошлым. Например, личность Василия Лучинова, при всей загадочности и странности, до некоторой степени объясняется законами наследственности. Не случайно дается довольно подробный экскурс в семейную историю его родителей, которая проливает свет на личность романтического героя, составляющего художественный фокус рассказа. Отец Василия Лучинова, Иван Андреевич, имел сильный и властный характер, сказавшийся и в его отношениях с супругой, когда-то изменившей ему с его лучшим другом. Он, «даже умирая, не примирился с нею» (V, 90). Страстность матери и волевая сила отца были унаследованы сыном.

В произведениях Тургенева вообще и в ранних в особенности наблюдается некоторая двойственность в объяснении психологии главных героев - Лучкова, Лучинова, Петушкова: с одной стороны, социальная обусловленность их характеров и поведения, а также апелляция к «натуре», определенной рождением, то есть наследственностью – та же детерминация, но уже биологическими законами. С другой стороны, вера писателя в особую, внесоциальную, внеисторическую силу «натуры», которая проявляется как иррациональная стихия, не подвластная разуму. Это, например, парадоксальное сочетание пламенной страстности и холодности в личности Василия Лучинова; это принадлежность Лучкова к категории людей, от природы располагающих правом власти над людьми; это бессилие Петушкова перед любовью-страстью. Внеисторическая трактовка «натуры», связанная с признанием роковых и таинственных сил жизни, порождает романтические тенденции в реалистических произведениях писателя.

Тургеневские персонажи - не только социально обусловленные типы, но и личности, обладающие известной автономией внутреннего движения. Исключительных героев с их бессердечием, эгоцентризмом Тургенев противопоставляет средним людям, отличающимся поэзией внутренней

жизни. В трех первых повестях фигура героя-индивидуалиста становится объектом обличения: прежде всего рассказчика из «Андрея Колосова», разыгравшего «плохую, крикливую и растянутую комедию» любви, самолюбиво поигравшего с другим, преданным сердцем; Василия Лучинова, при всей интеллектуальной одаренности лишённого нравственного чувства; Авдея Лучкова, ожесточенного позера, стремящегося скрыть «себя всего под одну неизменную личину». Разумеется, в каждом рассказе герой-индивидуалист приобретает индивидуально своеобразный характер, но всех их объединяет неуважение к человеку, и все они противопоставлены тем людям, которые отличаются душевной щедростью и способностью к самоотдаче.

Тургенев вместе с другими авторами реалистических повестей 1840-х годов обратился, таким образом, к переосмыслению героя предшествующего периода, индивидуалиста-романтика, героя-бунтаря, отвергающего законы окружающего его общества и живущего сознанием своей абсолютной внутренней свободы от всех нравственных обязательств и норм. «Одной из модификаций этого романтического литературного характера были “лишние люди”», - верно заметила Е.И. Кийко в исследовании о русской повести XIX века.

Тема «лишнего человека» не случайно возникла в творчестве Тургенева, она действительно была подготовлена предшествующим периодом развития писателя и выдвигалась всем ходом развития самой русской литературы.

Примечания

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. XII. С.460.
2. См. об этом: История русской литературы, т. VII. М.-Л.: АН СССР, 1955. С. 540, 550.
3. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч., т. III. С.220.
4. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Соч. I-XV. Письма - т. I-XIII. - М.-Л.: «Наука», 1960-1968. - Соч., т. V. С. 12.
5. См. об этом: Курляндская Г.Б. Проблемы реализма Тургенева (на материале повестей «Андрей Колосов», «Переписка»). Четвертый мезвузовский тургеневский сборник. Орел, 1975.
6. Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч., т. IV. С.142.
7. Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч., т. IV. С.103.
8. См. о влиянии Лермонтова на Тургенева: Самарин М. Тема страсти у Тургенева. Тургеневский сборник. Под ред. Н.Л. Бродского. П, 1923. С. 103 и др.; Фридман Н.В. Поэма Тургенева «Разговор» и лермонтовская традиция. Четвертый мезвузовский тургеневский сборник. Орел, 1974;

Туманин Л.А. Ранняя проза И.С. Тургенева. Уч. зап. Азербайджанского педагогического института им. А.Ф. Ахундова. Серия филологическая (русское и западноевропейское языкознание и литературоведение). Вып. II. Баку, 1963. С. 73-74; Розанов И.Н. Отзвуки Лермонтова. Сб. «Венок Лермонтову». М., 1914. С. 281-282.

9. Григорьев Аполлон. Литературная критика. - М.: «Художественная литература», 1967. - С. 258.

10. Истомина К.К. «Старая манера» И.С. Тургенева. Опыт психологии творчества. С.-Петербург, 1912. С. 46.

11. Григорьев Ап. Литературная критика. С. 258.

12. Истомина К.К. «Старая манера» И.С. Тургенева. С. 48.

13. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. С. 255-256.

14. Там же. С. 257.

15. Дружинин А.В. Собр. соч. СПб., 1865., VII. С. 329.

16. Шаталов С.Е. Проблемы поэтики И.С. Тургенева. М., 1969. С. 101.

В.А. Лукина
Санкт-Петербург

О времени создания рассказа «Живые мощи»

В проблеме генезиса «Записок охотника» вопрос о времени создания рассказа «Живые мощи» занимает особое место и тесным образом связан с причинами, побудившими Тургенева вообще возвратиться к «Запискам охотника» в начале 1870-х годов. Ведь «Живые мощи» были не единственным рассказом, вошедшим в состав цикла в это время. Их возникновению предшествовало опубликование в 1872 году в «Вестнике Европы» рассказа «Конец Чертопханова». Непосредственно за написанием «Живых мощей» последовала и работа над рассказом «Стучит!». Вряд ли написание «Живых мощей» было вызвано стремлением Тургенева угодить публике, вернувшись к уже опробованному жанру, как писал один из критиков в статье по поводу «Конца Чертопханова»: Тургеневу словно «еще раз хотелось бы по-прежнему произвести такое же могучее влияние, какое он производил <...> Ведь в свое время эти записки весьма нравились публике; может быть, понравятся и теперь; может быть, по ним публика узнает старого ее приятеля».¹

Не вызывает сомнения, что близкое по времени появление этих трех очерков взаимосвязано и во многом было обусловлено впечатлениями от поездок Тургенева в Россию в феврале-марте 1871 года и в мае-июне 1872

года. По наблюдению В. А. Громова, прием, оказанный писателю в России в 1871 году, убедил его в том, что «Записки охотника» не забыты, что разлад из-за «Отцов и детей» и «Дыма» с демократическими кругами читателей, особенно с молодежью не мог заслонить значения самого дорогого его детища, и послужил таким образом побудительным толчком к дальнейшей разработке тех замыслов, которые по разным причинам оставались долгое время неосуществленными.² Косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что задуманный как продолжение «Чертопханова и Недоюскина» рассказ «Конец Чертопханова» был начат 10 (22) мая 1871 года в Лондоне, т. е. вскоре после отъезда Тургенева из России.³

Если в отношении «Конца Чертопханова» вопрос о времени возникновения⁴ и осуществления замысла более или менее прозрачен, то появление «Живых мощей» окружено большей таинственностью. В комментариях к академическому Полному собранию сочинений и писем Тургенева время возникновения замысла рассказа определяется «приблизительно» на основании авторского свидетельства и относится к концу 1840-х - началу 1850-х годов.⁵ Действительно, по собственному признанию, неоднократно высказывавшемуся Тургеневым в переписке, замысел и первоначальную работу над рассказом следует относить ко времени сложения основного цикла, т. е. до 1852 года. В то время, однако, «Живые мощи» в цикл не вошли, разделив печальную участь рассказов, предназначенных для «Записок охотника», но показавшихся автору «не довольно интересными» или «не идущими к делу». Несмотря на прямое указание Тургенева, столь ранняя датировка возникновения рассказа неоднократно ставилась под сомнение исследователями, высказавшими предположение, что «Живые мощи» были созданы в конце 1873 - начале 1874 годов. Об этом очень осторожно говорил В. А. Громов в статье «“Конец Чертопханова”, “Живые мощи”, “Стучит!” в цикле рассказов и очерков Тургенева»⁶ и несколько более определенно В.А. Ковалев в специальном исследовании, посвященном происхождению «Записок охотника».⁷

По всей видимости, Тургенев имел основание желать, чтобы «Живые мощи» воспринимались читателем как завершение найденного им старого отрывка, как эпизод из далекого молодого прошлого, не имеющий ни малейшего отношения к современности. Однако слишком многое свидетельствует о тщательной работе автора над созданием скорее нового произведения, нежели над «оболваниванием» «уцелевшего наброска». Можно предположить, что найденный Тургеневым «клочок» содержал запись о поразившем его некогда случае, который писатель в ту пору рассматривал в качестве возможного сюжета и которым он как канвой воспользовался впоследствии при написании рассказа. Не подлежит сомне-

нию, что в том виде, в котором «Живые мощи» увидели свет в 1874 году, они не могли быть написаны Тургеневым в пору оформления основного цикла, однако причины, побудившие писателя на эту своего рода мистификацию, остаются не до конца проясненными.

Во-первых, несмотря на в целом благоприятный прием, оказанный рассказу «Конец Чертопханова», сразу за его публикацией в «Вестнике Европы», последовали настойчивые уговоры друзей, в особенности П.В. Анненкова, «не трогать» «Записок охотника», оставить их «в неприкосновенности и в покое». Признавая в авторе тонкого психолога, Анненков указывал на то, что «Конец Чертопханова» составляет с «Записками охотника» «диспарат совершенно видный и ощутительный». ⁸ В письме от 23 октября (4 ноября) 1872 года, написанном сразу после прочтения рассказа, он замечал, что рассказу недостает «свежести», «юмора и ярких красок», отличавших его предшественников. ⁹ В том же письме Анненков «заклинал» Тургенева не продолжать «прибавок» к «Запискам охотника», считая это желание писателя непозволительной «дерзостью» и «сумасбродством». ¹⁰ Столь резкий протест Анненкова, мнением которого Тургенев, как известно, чрезвычайно дорожил, не мог не поколебать намерения писателя, собиравшегося на тот момент продолжить работу над «Записками охотника» несколько в ином ключе, т. е. не писать «нечто новое в виде продолжения, как “Чертапханов”, - а окончить старое, начатое и приготовленное 20 лет тому назад». ¹¹ В ответ на просьбу Тургенева высказать свое мнение: «быть или не быть в “Записках охотника” еще четырем рассказам», - Анненков замечал, что любой из четырех упомянутых Тургеневым сюжетов может и должен быть возобновлен отдельно, самостоятельно, но «чести принадлежать к великому семейству “Записок” он не удостоится», так как «все, что к ним прибавится, будет диссонансом, их порчей и фальсификацией». Тургенев как будто согласился и высказывал твердое «решение» больше не возвращаться к старым черновым наброскам, которые называл «куриозами». ¹² Однако уже в марте 1874 года в литературном сборнике «Складчина», составленном из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии, появились «Живые мощи» с многоговорящим подзаголовком «Отрывок из “Записок охотника”».

Здесь любопытно отметить, что в уже упоминавшемся письме к Анненкову от 25 октября (6 ноября) 1872 года Тургенев называл точное число рассказов, изначально предназначавшихся для «Записок охотника»: «Отрывков из “Записок охотника” напечатано 22; всех их было приготовлено 26». Среди четырех начатых, но не завершенных по тем или иным причинам в то время рассказов, были упомянуты «Русский

немец и реформатор», «Землеед», «Приметы» и «Незадача». По наблюдению М.К. Клемана, из этих замыслов только первый значится в программах 1847-1850 годов.¹³

Содержание остальных трех восстанавливается на основе переписки и мемуарной литературы, относящейся к 1850-1860-м годам. Исследователь также попытался провести соответствие очерков «Землеед» и «Незадача» с сохранившимися в программах, но не поддающимся точной расшифровке двумя названиями: «Н.А. Веневитинов» и «М. Н. Засков». Высказанное Клеманом предположение подвергалось сомнению, но не было опровергнуто.

Отправляя в январе 1874 года Я.П. Полонскому для передачи в сборник рассказ «Живые мощи», Тургенев в сопроводительном письме округлил число заготовленных для «Записок» рассказов с 26 до более размытого «около тридцати», включив в них «Живые мощи» и одновременно подготовив читателей к последующему появлению «Стучит!». Чуть ранее, вспоминая в письме к Анненкову от 19 (31) января 1874 года «золотые слова» последнего насчет продолжения «Записок охотника», писатель словно оправдывался, настаивая на том, что «Живые мощи» - «это не продолжение, а восстановление старого и брошенного».¹⁴ Не случайно в переписке с разными корреспондентами этого времени писатель называет «Живые мощи» не иначе, как «безделка» или «мой посильный взнос».

Кроме непримиримой осуждающей позиции Анненкова, считавшего, что «простота, сдержанность, трезвость, лаконизм описаний в настоящих “Записках” уже недостижимы», Тургенева могли смущать и зазвучавшие с особенной силой в 1870-е годы упреки в оторванности от русской действительности, часто раздававшиеся в рецензиях на его последние произведения, в том числе на написанные непосредственно перед рассказом «Живые мощи» «Вешние воды». Л.Н. Антропов, например, в статье, посвященной «Вешним водам», ядовито замечал, что в повести «чувствуется, наконец, полный разрыв с русской жизнью, не восполняющийся прилеплением себя к европейской».¹⁵

Здесь уместно также вспомнить, что ни один из четырех упомянутых в более раннем письме к Анненкову очерков так и не был продолжен, хотя два из них были обещаны журналу «Неделя», а к работе над рассказом «Русский немец и реформатор» Тургенев даже успел приступить. Принимая во внимание все вышеизложенное, а также то, что никаких следов замысла «Живых мощей» (равно как и «Стучит!») в сохранившихся программах «Записок охотника» обнаружить не удалось, свидетельство Тургенева, являясь единственным основанием датировать возникновение замысла рассказа временем до 1852 года, выглядит малоубедительно.

Помимо аргументов, приводившихся в пользу данного утверждения, особо можно указать на разительное отличие поэтики «Живых мощей» от ранних рассказов из «Записок охотника». Как и «Конец Чертопханова», «Живые мощи» отличаются от них иной формой повествования. Роль рассказчика («охотника»), очевидца и участника описываемых событий, передающего читателям от первого лица свои непосредственные впечатления, отходит на второй план и приобретает скорее формальный характер; по сути образ рассказчика образует своего рода рамку, начиная и завершая повествование, а также служит связывающим элементом между отдельными эпизодами рассказа. Характерно, что в «Конце Чертопханова» образ рассказчика вообще отсутствует. На это, как на недостаток очерка, указывал Тургеневу П. В. Анненков.

Круг проблем, затронутых Тургеневым в образе главной героини, а также характер их освещения свидетельствует о том, что произведение создавалось значительно позднее конца 40-х годов. Именно в 1870-е годы в творчестве Тургенева усиливается метафизическая нагрузка изобразительного ряда, когда внешний реализм изображаемого служит лишь канвой для раскрытия более глубоких пластов действительности («Стучит!», «Сон», «Рассказ отца Алексея» и др.). Тайный психологизм Тургенева как бы выходит на поверхность, подготавливая почву для будущих «Стихотворений в прозе», «Клары Милич» и «Песни торжествующей любви». Содержание «Живых мощей» не имеет того публицистического значения - протест против крепостного права, - которое придавалось ранним рассказам, а носит вневременной характер. В.А. Громов отмечал, что «общечеловеческое начало, присущее в той или иной мере каждому типу в “Записках охотника”, здесь выступило на первый план и стало преобладающим мотивом». ¹⁶ Это удивительным образом перекликается с данным Тургеневым в 1870-х годах определением сущности творчества, состоящей, по его мнению, главным образом в том, чтобы прибавить «верным, художественным образом» хотя бы «один документ к разработке человеческой физиономии - а, в сущности, вся поэзия, начиная с эпопеи и кончая водевилем, другого предмета не имеет». ¹⁷

Существенной приметой позднего Тургенева является поэтика воспоминаний, в рамках которой решается как общая поэтика рассказа, так и образ главной героини. Центральное место в изображении Лукерьи отводится описанию трех снов героини, композиционно представляющих кульминацию всего рассказа и одновременно образующих своеобразный рассказ в рассказе. Во многом именно они дали повод к неоднозначному восприятию «Живых мощей» современниками, упрекам в надуманности, фальши, незнании подлинной русской жизни и идеализации патриархальных черт в русском крестьянстве.

Обильный слой правки в сохранившемся черновом автографе рассказа дает основание говорить о первостепенном значении, которое автор придавал снам Лукерьи, а также позволяет глубже выявить отношение Тургенева к поднятой им теме «русского долготерпения». В этой связи особый интерес представляет история четвертого сна Лукерьи, не вошедшего в окончательный вариант рассказа. В нем героиня видит себя народной заступницей, к которой приходит «много-много народу», чтобы просить ее пострадать за свою «волюшку»: «И кричит мне весь тот народ, - рассказывает героиня. - [6 нрзб.] Страдай, страдай за нас, Лукерья, Мы все рабы, [нрзб.] люди крепостные, господские, за нашу волюшку страдай!». ¹⁸ Основываясь на сопоставлении черногого и белого автографов «Живых мощей», можно сказать, что Тургенев усиленно работал над этим эпизодом, много раз к нему возвращался, оставаясь, по-видимому, неудовлетворенным достигнутым результатом. Показательно, что даже в беловом автографе, где сон Лукерьи был несколько развернут, можно выделить, как минимум, два слоя правки.

Несмотря на тщательную отделку, в печатный текст сон Лукерьи не попал. Как видно из письма Тургенева, по настоянию Анненкова «вышеозначенный пассажик немедленно вылетел вон». ¹⁹ Можно предположить, что искусственность этого эпизода, которую сразу отметил Анненков, была вызвана желанием Тургенева создать видимость внутренней связи рассказа с другими, создававшимися в конце 40-х - начале 50-х годов.

Сходное мнение, но в отношении другого эпизода, высказал и А.П. Чебышев-Дмитриев, уловивший некоторую натянутость в «насильственно введенном, нарушающем общую гармонию ходатайстве Лукерьи» и считавший этот эпизод единственной неверной нотой рассказа: «Чтобы придать этому рассказу *raison d'être* (право на существование - *франц.*), - писал он, - Тургенев испортил его, заставив Лукерью ходатайствовать перед Петром Петровичем о льготах для крестьян». ²⁰ Примечательно, что критик подметил особую «художественную заслугу» автора, которая оказалась незамеченной другими критиками, обращавшими внимание прежде всего на публицистическую сторону «Записок охотника».

В «Живых мощах» с особой яркостью выразились отличительные черты поздней манеры Тургенева - «явный» психологизм, углубленный лиризм и обращение к метафизическому подтексту изображаемого. В то же время, по тонкому наблюдению В.А. Ковалева, создание этого рассказа стоит в определенной связи с работой писателя над романом «Новь», в котором «осмысливается, между прочим, отношение народа к представителям образованных слоев, нравственная роль народа в жизни пореформенной России». ²¹ Несмотря на идейные и художественные особенности

рассказа, «Живые мощи» гармонично вошли в общий цикл «Записок охотника» и были высоко оценены современниками, причислявшими их к «перлам» русской литературы.

Примечания

1. Сын отечества. 1872. 7 нояб. № 257.
2. См.: Громов В.А. Судьба «Записок охотника» // Тургенев И.С. Записки охотника. Серия «Литературные памятники». М, 1991. С. 564-567.
3. В этой связи любопытно отметить, что писавшийся с огромными промежутками рассказ «Конец Чертопханова» был закончен лишь 30 августа (11 сентября) 1872 г., т.е. непосредственно после возвращения Тургенева из следующей поездки в Россию, состоявшейся в мае - июне 1872 г.
4. В упомянутой выше статье В.А. Громов говорит, например, о том, что на мысль о давно «обещанном» продолжении Тургенева могло натолкнуть успешное чтение им рассказа «Чертопханов и Недолюскин» на литературном утре в Москве 14 (26) марта 1871 г.
5. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения. Т. 3. М., 1979. С. 512. Далее цитируем по этому изданию.
6. Оpubл. в сб.: Творчество И.С. Тургенева. Курск, 1984. С. 78-98. В дальнейшем исследователь вновь вернулся к этой проблеме, настаивая на том, что ««Конец Чертопханова», «Живые мощи», «Стучит!» это, конечно, заново созданные рассказы, включение которых в цикл оказалось столь же правомерным и естественным, как расширение его 1850—1851 гг. за счет «Свидания», «Певцов», «Бежина луга», «Касьяна с Красивой Мечи». То и другое возвращает автора к «Запискам охотника», а также все прочие случаи продолжения работы над ними подтверждают его неразрывную, органическую связь не только с проблематикой этой книги, но и с новыми поколениями читателей ее» (см.: Громов В.А. Судьба «записок охотника». С. 567).
7. См.: Ковалев В.А. «Записки охотника» И. С. Тургенева. Вопросы генезиса. Л., 1980. С. 129-132.
8. Переписка И.С. Тургенева: В 2 т. Т. I. М., 1986. С. 544.
9. Более развернутую оценку рассказу «Конец Чертопханова» Анненков дал в следующем своем письме к Тургеневу от 28 октября (9 ноября): «Где же свобода изложения, обилие черт, теней, отливов, из которых составляются портреты «Записок», веселость мастера, ходящего развязно в своем сюжете, и мастерство намеков, которые говорят гораздо больше того, что написано. Психолог вырос, писатель если не поник, то накренился в сторону: уголь еще красив, да все же уголь» (Там же. С. 544).
10. Там же. С. 541.

11. Тургенев. Письма. Т. 12. С. 47.
12. Тургенев. Письма. Т. 12. С. 50.
13. Клеман М.К. Программы «Записок охотника» // Ученые записки ЛГУ. № 76. 1941. С. 123.
14. Тургенев. Письма. Т. 14. С. 11.
15. Московские ведомости. 1872. 12 (24) янв. № 9.
16. Громов. «Конец Чертопханова», «Живые мощи», «Стучит!» в цикле рассказов и очерков Тургенева. С. 93.
17. См.: письмо к С.К. Брюлловой от 4 (16) янв. 1877 г.
18. РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 29. № 251. Л. 201.
19. Тургенев. Письма. Т. 13. С. 15.
20. Экс. < Чебышев-Дмитриев А. П.> Письма о текущей литературе // Биржевые ведомости. 1874. 29 мая. № 142.
21. Ковалев. «Записки охотника» И. С. Тургенева. С. 132.

Л.А. Балькова

К творческой истории романа «Дворянское гнездо» (заметки читателя)

В декабре 1857 года Тургенев писал Е.Е. Ламберт, что он занят работой над новой повестью, главная героиня которой – «девушка, существо религиозное», и пояснял, что был приведен к этому образу «наблюдениями над русской жизнью».¹ Такой выбор основного персонажа, на первый взгляд, может показаться странным: Тургенева нередко представляют писателем далеким от религиозной проблематики.² Да и время работы над романом – начало царствования Александра II с ожиданием либеральных реформ – кажется, отнюдь не располагало к погружению в мир «отживавших преданий».

Однако на самом деле Тургенев никогда не был равнодушен к вопросам веры, его волновали тайны религиозного сознания, он чувствовал, что они сказались и еще скажутся в драматических коллизиях русской истории.

В какой-то мере его интерес к вопросам веры в 50-е годы связан с его сближением с семейством Аксаковых, прикосновением к его патриархальному укладу. Может быть, Тургенев никогда не был так близок к «практическому православию», как в эти годы. Не случайно сохранились в архиве писателя среди бумаг 1857 года две молитвы, записанные его рукой: «Молитва во время страдания» и «Молитва во время облегчения».³

Вполне вероятно, что, как утверждают орловские старожилы, импульсом к созданию «Дворянского гнезда» стала история несчастной любви и последующего пострижения в монахини девушки-дворянки, жившей в той части Орла, где когда-то родился писатель.⁴ Эту историю Тургенев мог слышать в свои приезды в Орел в начале 50-х годов. Безусловно, свою роль в замысле романа сыграл и вышеупомянутый интерес писателя к явлениям религиозной жизни в России, о которых он узнает не только из разговоров, но и из книг. Мы помним его рецензию на сочинение А.Н. Муравьева «Путешествие по святым местам русским» (1837), в которой юный Тургенев с восторгом писал о значении наших монастырей, писал о них как об оплоте древней русской государственности, духовности и культуры. Эта тема и позднее не уходит из поля зрения писателя, она особенно проявляется в круге его чтения в пору его работы над «Дворянским гнездом». После 1850 года в библиотеке И.С. Тургенева можно видеть двухтомное издание путевых заметок С.П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора Шевырева в 1847 году» (М., 1850). Из письма А.В. Дружинина Тургеневу от 19 сентября/1 октября 1858 года следует, что, по-видимому, еще в 1855 или 1856 году он видел на рабочем столе Тургенева «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле Постриженника Святыя горы Афонския инока Парфения» (В 4-х ч. Изд. 1. М., 1855; изд. 2-е. М., 1856) – сочинение, которым в свое время зачитывались Достоевский, Л. Толстой, Лесков. Тургенев читал в этот период новый труд уже известного нам А.Н. Муравьева – скорее всего, «Жития святых российской церкви, также Иверских и Славянских» (1855-58). В дошедших до нас томах «Библиотеки для чтения» из книжного собрания Тургенева, в № 10 журнала за 1858 год обращает на себя внимание то, что, например, статьи по вопросам философии, такие, как «Гегелизм» или «Община Платона», не разрезаны вовсе, зато полностью прочитаны очерки архиепископа Ярославского Нила о буддизме и «Поездка в Соловецкий монастырь» С. Максимова. Примеры можно продолжить. Представляется, что такое систематическое чтение сочинений, посвященных религиозной тематике, носит характер подготовительной литературной работы и, думается, оно имеет непосредственное отношение к темам, идеям и образам «Дворянского гнезда».

К сожалению, исследователю наших дней не досталось ни плана, ни набросков, ни формулярных списков действующих лиц знаменитого романа, никаких следов работы, обычно предшествующей написанию произведения, нет никаких указаний на конкретные лица, могущие рассматриваться как прообразы литературных героев. Поэтому нам представ-

ляются ценными данные круга чтения писателя, отражающие не только его устойчивые книжные интересы, но и творческие задачи определенного периода.

Что же существенного ищет и находит Тургенев 50-х годов в сочинениях на религиозную тему?

Раскроем путевые заметки С.П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь». Здесь в непринужденных, не стянутых жесткой композицией впечатлениях предстает панорама жизни русского Севера, его природы, исторические, духовные святыни, архитектурные красоты – триумф зодчих русского средневековья – и на этом фоне – сонм монахов-подвижников, чей опыт и писания выковывали, кристаллизовали личность русского человека в ту эпоху. Вот как писал об этом Шевырев, сопоставлявший русское и западное Средневековье: «Наши замки – монастыри, где личная сила избранных мужей не развивалась произвольно, а напротив, в молитве, посте, нищете, смирении, подчинялась силе Божией и примерами своими учила этому подчинению и власти и народ. <...> Оплот веры служил оплотом и отечеству. Так, обитель Троицкая была оградой Москвы <...> Такова же была точно и обитель Кирилла Белозерского для северных пределов Руси, для стран Белозерских и Новгородских. Такою же является еще севернее обитель Соловецкая».⁵ По мнению Шевырева, в этих монастырях следует искать истоки нашей государственности и русского национального характера. Они же, монастыри, были центрами русской образованности; Шевырев пишет, что Кириллу Белозерскому «... не чужды были сочинения древних о законах естества, и он пользовался ими в дебрях севера для того, чтобы разгонять предрассудки и объяснять явления природы естественным образом».⁶ В книге открывается целый пласт отечественной культуры, не уступающий по глубине и самобытности сокровищам культуры Запада. Конечно, все это не могло оставить равнодушным Тургенева.

На страницах книги Шевырева читатель встретится с образами многих исторических деятелей – от легендарного Синеуса, Бориса и Глеба до Ивана Грозного и Александра I, от царевича Димитрия до Нила Сорского, Никона, Кирилла Белозерского. Автор излагает учение Нила Сорского об «умной молитве» и «умном делании». Нил избрал жизнь отшельника, чтобы не отклоняться от цели духовной, не прельщаться житейскими соблазнами, ибо он видел, как в некоторых обителях внешняя, обрядная сторона жизни начинала брать верх над жизнью внутренней, духовной. При этом Нил не призывал братию уклоняться от занятий рукоделья, признавал его пользу для души, однако считал, что следует ограничиться необходимым. В пантеоне русских святых он считается проповедником

бедности: Нил не желал для церкви роскоши, но главной роскошью монашеского «умного делания» почитал достижение богообщения, которое он сам познал и о котором свидетельствовал как о высшем блаженстве: «Зрю свет, его же мир не имать, посреди келии на одре сидя; внутрь себя зрю Творца миру, и беседую и люблю и ям питаюсь добре единым Боговидением <...> И сие известно и истинно. И о Господе беседа, рече: любит же мя он, и в себе самом приемлет мы, и на объятиях скрывает; на небеси будучи, и в сердце моем есть...»⁷

В книге Шевырева содержались важные свидетельства, дающие представление об исполненной лишений жизни святых, в течение которой присутствие Бога становилось для них живой реальностью. Мотив «неправедности» богатства явственно прозвучит и в романе Тургенева; тургеневской героине также присуще знание о «Боге живом» - свойство истинно верующей души: «... образ вездесущего, всезнающего бога... “втеснялся” в душу Лизы», а Христос «становился ей близким, знакомым, чуть не родным» (6, 112). Проникновенно выписаны у Тургенева эпизоды романа, где героиня погружается в искреннюю, глубокую молитву. Отрешенность от всего внешнего, строгость, чрезвычайная внутренняя концентрация во время молитвы говорят как о силе веры героини, так и о ее даре молитвенного служения, который сближает ее с христианскими подвижниками. Автор показывает, сколь отлично молитвенное состояние Лизы от простого выполнения обряда ее близкими, которые считают ее рвение «не дворянским делом». В ее вере нет ничего от светской позы, она столь тяготеет к христианству первоначальному, к христианству святоотеческих преданий, что становится понятным ее стремление укрыться подальше от суеты и в чем-то повторить судьбу Агафьи, устремившейся в невесть какие края в поисках старинной праведности.

Есть в сочинении Шевырева страница, где автор возвышается до поэзии; это финальные строки его путевых записок, которые не могут оставить читателя равнодушным: «Мы ехали от Углича к Калязину. Ровная, гладкая, открытая степь расстилалась перед нами кругом – и напоминала мне бесконечно-ровные степи юга. Мы, казалось, скакали всё по одному и тому же месту – и степь не кончалась. Месяц мало-помалу всходил на небо – и сначала освещал только окраины своего небосклона и поля, а потом озарил и все небо, и всю степь. Усталый от дороги, я лежал в каком-то полусне. Кругом меня, со всех сторон, во всю высоту небес, поднимались чудные, белые соборные храмы со своими золотыми главами, а над ними вырастали исполинские колокольни вплоть до зенита. Лишь только закрывал я глаза, как они поражали меня своим величием, и куда я ни обращался, они, со всех сторон, сходились в один молитвенный собор, и

потрясали мою душу своими гигантскими образами, как будто бы вся наша бесконечная Россия соединяла от всех концов свои храмы, которые от земли до вершины неба слагались в один неизмеримый. Никогда не забуду я этого видения: так оно было поразительно».⁸

Этот образ России с ее бескрайними степями, образ-видение перерастает в символ России – державной и соборной. С ним перекликается образ Родины, увиденный глазами странствующего героя Тургенева – Касьяна с Красивой Мечи, героя одноименного рассказа (1851): «Там у нас, на Красивой-то на Мечи, взойдешь ты на холм, взойдешь – и господи боже мой, что это? А?.. И река-то, и луга, и лес; а там церковь, а там опять пошли луга. Далече видно, далече. <...> А то за Курском пойдут степи, этакие степные места, вот удивление, вот удовольствие человеку, вот раздолье-то, вот божия-то благодать! <...> Ведь я мало ли куда ходил! И в Ромен ходил, и в Синбирск – славный град, и в самую Москву – золотые маковки; ходил на Оку-кормилицу, и на Цну-голубку, и на Волгу-матушку, и много людей видал, добрых хрестьян, и в городах побывал честных... <...> И не один я, грешный, много других хрестьян в лаптях ходят, по миру бродят, правды ищут... да!» (3, 119). В обоих отрывках передается ощущение бескрайних, чудных просторов, но в тургеневском пейзаже больше прихотливости, он не столько поражает величием, сколько радуется и веселит. Возникающий у Шевырева славянофильский образ – символ соборности – буквально: сонм соборов, сливающихся в единый собор, воплощение божественной премудрости, державной мощи православия; иной «собор» у Тургенева – это собрание «честных хрестьян», которые странствуют по Руси в поисках правды. Очевидна разница в подходах к теме религии и веры у Шевырева и у Тургенева; у Шевырева истина найдена и воплощена в образе собора-символа, у Тургенева «честные хрестьяне» с верою в душе ищут в мире правду.

Тот же образ – простого люда, ищущего утешения и сил в молитвенном соборном обращении к Богу, читатель найдет на страницах «Дворянского гнезда» в эпизодах в церкви. Здесь народ обретает в молитве чувство единения, «чин и лад». Неверующий Лаврецкий признает силу этой молитвы: «Что для них может заменить утешение церкви?» - думает он, хотя сам не в состоянии молиться с ними.

Поздний Тургенев в стихотворении в прозе «Христос» окончательно утверждает сложившийся у него образ православной соборности: бедный деревенский храм, истово молящиеся простые люди и – посреди них – сам Христос.

Думается, книга Шевырева сыграла свою роль на разных этапах работы Тургенева над романом «Дворянское гнездо». Своего рода знаком, сви-

детельством того можно счесть тот факт, что в финале произведения автор видит свою героиню в одном из отдаленных краев России, в монастыре, который он обозначает двумя буквами: «Б-й». Мы не сомневаемся, что таким образом Тургенев зашифровал Белозерский монастырь. Его героиня и должна была так поступить: она затворилась там, где были сильны традиции благочестия и «умного делания».

В 1855 году Тургенев знакомится с сочинениями духовного писателя, архиепископа Владимирского и Суздальского Парфения (в миру Павла Васильевича Черткова – 1782-1853) «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле Постриженника Святыя горы Афонския инока Парфения» (в 4-х ч.; изд. 1-е: М., 1855; изд. 2-е: М., 1856). Образ автора – монаха Парфения – не оставил Тургенева равнодушным. Недаром он осенью 1857 года, откликаясь на чтение «Былого и дум» Герцена, в письмах к нему отмечает именно «прекрасно очерченную фигуру архиепископа Парфения» - видно, писателю уже знакомо это лицо.⁹ В самом деле, Герцен рисует образ самобытного и привлекательного человека, «умного, сурового, грубого старика»,¹⁰ пришедшего ему на помощь в трудный час. Он отмечает распорядительность и свободный нрав Парфения, который «управлял своей епархией, как управлял бы дивизией на Кавказе»; бросается в глаза незаурядная начитанность владыки: он «говорил о литературе, знал все новые русские книги, читал журналы».¹¹

А.В. Дружинин в письме к Тургеневу от 19 сентября / 1 октября 1858 года напомнил ему о некогда виденной у него на столе книге Парфения, о котором сам он писал в восторженных тонах: «Или я жестоко ошибаюсь, или на Руси мы еще не видали такого высокого таланта со времен Гоголя <...>. Таких книг между делом читать нельзя, - а если Вы еще проживете в деревне, то засядьте на неделю и погрузитесь в эту великую поэтическую фантазмагорию, переданную оригинальнейшим художником на оригинальнейшем языке <....Убеждения автора так чисты и простодушны, его графический талант так велик, что *целая незнакомая нам сторона жизни открывается вся*, в ряде мастерских описаний природы и живых лиц»¹² (курсив мой – Л.Б.).

Дружинин был уверен, что Тургенев «проглядел без внимания» труд Парфения, но он ошибался: его адресат не только успел прочесть «Сказание о странствии», но и составил о нем свое мнение, которое он сформулировал в ответном письме от 10 / 22 октября 1858 года: «Парфения я читал при всей моей беспутной – петербургской жизни – и нахожу Ваше мнение о нем совершенно справедливым; это великая книга, о которой можно и должно написать хорошую статью. Это не то, что муравьевская ложь, которую, за невозможностью отозваться о ней как следует, - следу-

ет обойти молчанием. Парфений – великий русский художник и русская душа» (3, 341). Столь высокая оценка «Сказания о странствии» и его автора, сравнение его с Гоголем в письме Дружинина, предложение посвятить книге отдельную статью заставляют пристальнее взглянуть на сочинение, восхитившее Тургенева и многих его современников.

В «Сказании о странствиях» повествуется о долгом и трудном переходе Парфения и его спутника из Румынии на гору Афон. Дело происходило в 1839 году, когда турки еще владычествовали на Балканах. Благоговейно выписывает Парфений черты афонских подвижников, терпевших в те годы лишения – холод, голод, ярость завоевателей, следствием чего было порой почти полное опустошение пещер. Оставшиеся в живых монахи продолжали молитвенный подвиг. Парфений передает рассказ старца Иоанна, который открыл ему, каким образом длительное безмолвие и беспрестанная молитва позволили ему обрести духовное углубление и просветление, видение сути вещей и радость богообщения.

Особенно выразительно предстает в рассказе Парфения образ старца Арсения, долгие годы проведенного в молитвах на своих больных ногах и каждодневно с молитвою обходившего монастырь. Парфений поведал, что когда после кончины Арсения стали убирать его к погребению и открыли его ноги, то увидели ужасное зрелище: «... у обеих ног от колен вниз почти остались одни голые кости <...> - от стояния и многолетних ран, и все удивлялись, на чем он стоял, и как он так скоро ходил». ¹³ Кстати, Дружинин в своем письме к Тургеневу также указал на фигуру Арсения как на идеального героя: «Если б Гоголь, во второй части “Мертвых душ”, вместо Муразова и героев в таком роде, изобразил подобное лицо, мы все, несмотря на наши понятия, упали бы перед ним на колени...» ¹⁴ Подобная оценка говорит, между прочим, и об острой потребности героя в нашей литературе тех лет – вызов, на который Тургенев попытался ответить, создавая образ героини, наделенной религиозным даром.

Не исключено, что фигура Арсения запечатлелась в памяти Тургенева, и его черты «переплавились» в его позднем творчестве в образе монаха из одноименного стихотворения в прозе, где жизнь художника, преданного своему творчеству, уподобляется подвигу христианского аскета, «живущего одной сладостью молитвы», во время которой «... ноги его, ниже колен, отекали и уподобились столбам. Он их не чувствовал, стоял – и молился» (10, 171). Чтобы так написать, надо было знать кое-что о всепоглощающей силе молитвы. Отметим даже некоторое текстуальное совпадение в указанных отрывках у Тургенева и Парфения.

В «Дворянском гнезде» в главе о воспитании Лизы читателю предстает образ христианского подвижничества, ставшего легендой: отшель-

ники, угодники, мученики, которые жили в пустынях, спасались, терпели голод и нужду, отдавали жизнь за веру, а «на тех местах, где кровь их падала, цветы вырастали», - возможно, в этом поэтическом рассказе Агафьи отразились впечатления автора от чтения Парфения и, в частности, черты из жизни отца Арсения.

В сочинении Парфения с особой яркостью передается чувство красоты Божьего мира, испытанное странниками, пришедшими на Афон; претерпев в пути столько скорбей, они открывают на Афоне как бы надмирную, неземную красоту: «... и впереди нас святая гора и позади нас святая гора. Оставайся ты, мир, со всеми прелестями, со всеми превратными непостоянными своими красотами. Уже не боимся теперь твоих великих волн, ими же ты прельщаешь и уловляешь, разбиваешь и потопляешь рабов божиих, хотящих спастися. Уже мы теперь в тихом и небурном пристанище... По сторонам трава зеленая, цветами покрытая; лес прекрасный, дубовый и лавровый, как нарочно посаженный, и чистые садочки <...> И мы идущие, как в раю, радуемся и веселимся и удивляемся красоте места и сколь прекрасна гора Афонская».¹⁵

Несмотря на всю жанровую и стилевую несхожесть мы находим в «Дворянском гнезде» Тургенева тот же мотив «бегства от мира» с его кипящей и грохочущей жизнью, бегство от его обмана во имя спасения души. Так, Лаврецкий, вернувшийся после мучительного путешествия по Европе, путешествия, похожего на бегство, в родное Васильевское, лишь здесь обретает желанное успокоение: здесь «всегда, во всякое время тиха и неспешна жизнь», и «незачем волноваться, незачем мутить» «в этой бездейственной тиши». Это пристанище от бурь мирских, где спасается Лаврецкий, автор «украшает» на свой лад: тут и коренастый лопух, и розовые кудри богородицыных слезок, и зоря, и колосья ржи, овса. Ключевые слова отрывка – неспешность, тишина, сила. И Лаврецкий, подобно страннику Парфению, не в силах глаз оторвать от зрелища своей «земли обетованной» - возвращенной родины.

Позволим себе указать на еще одну параллель, возникающую при чтении «Сказания о странствии» и «Дворянского гнезда». Речь идет о молитве в храме, где мы видим героев Парфения и Тургенева. В «Сказании о странствии» это долгожданная вечерняя служба в Афонском храме, в романе Тургенева – обедня в церкви города О., куда впервые за долгое время пришел Лаврецкий, чтобы увидеть Лизу. У обоих авторов эта сцена – своего рода центр композиции целого. Парфений потрясен великолепием храма, росписями, древними иконами, пением, о своих ощущениях он рассказывает так: «Где я был, не знаю, - на земли, или на небеси; что я видел или слышал, того прежде очима моими не видал, ниже слышал

ушинами моими, ниже взыде на сердце мое, ниже могу что тебе сказать; о егда сам увидишь, тогда и познаешь. А только скажу тебе, любезный брат: блажени наши ноги, сюда дошедшие, и блажени наши очи, сие видевшие; блажени есьмы и мы, не послушавшие человек, нас расстроивших и отговаривавших. И тако мы радовались и веселились».¹⁶

Подобно этому обретает вдруг утраченную радость Лаврецкий, явившийся в храм вслед за Лизой. Разумеется, художественные средства, которые использует Тургенев, совсем иные. В его церкви обстановка подчеркнута проста, даже бедна, ее стены и своды темны, но лучи солнца, падающие со двора, запах ладану, согласное пение, родные лица – все дышит миром и благоволением. В этой обстановке душа героя как бы расправляется, он испытывает чувства давно забытой радости и умиления. Как охватывает ликование Парфения во время храмовой службы, так и в душе Лаврецкого и вокруг него все ликует и празднует: «Солнце ярко освещало молодую траву на церковном дворе, пестрые платья и платки женщин; колокола соседних церквей гудели в вышине; воробьи чирикали по заборам, Лаврецкий стоял с непокрытой головой и улыбался» (6, 97).

В этой сцене все говорит о происшедшем в герое обновлении души. Вовсе не случайно этот «переворот» происходит в храме. Отныне Лаврецкий перестает быть «ветхим Адамом» и только «душевным человеком», ему нельзя более продолжать рассеянную жизнь с необязательными занятиями – отныне эта жизнь озаряется смыслом. Несмотря на утрату Лизы, он ступает на путь служения ближним, принимает своего рода аскезу, становится «иноком в миру». И какими бы скорбями ни был исполнен этот путь, это путь обретения нового «я», «новой земли» и «нового неба». Позволим себе предположить, что книга Парфения явилась для Тургенева в пору зарождения замысла «Дворянского гнезда» и работы над ним своего рода учебником «верующего сознания». Может быть, он никогда так сильно не чувствовал сколь отлично самочувствие верующего от обычного, «мирского», как умножаются силы и меняются цели человека, обретшего веру. Писатель так выразил это в письме к Е.Е. Ламберт: «Имеющий веру имеет все и ничего потерять не может...» (Письма, 4, 382).

Еще несколько слов в заключение об одном сочинении, читанном Тургеневым в пору работы над романом. Речь идет об издании книги А.Н. Муравьева (1806-1874) «Жития Святых Российских, а также Иверских и Славянских» (СПб., 1855-1858), выходившем тогда по месяцам, в котором автор представил «наскоро» составленные жизнеописания 300 святых. Муравьева обвиняли тогда во многих «ошибках», несправедливостях и несообразностях «даже церковные иерархи, которые, в общем, благоволили автору».¹⁷

Для Тургенева вряд ли были так уж важны допущенные автором ошибки в жизнеописании святых. Надо думать, «муравьевской ложью» он имел манеру подачи житийного материала, когда «жизненные факты трактуются в угоду общей концепции».¹⁸ В ней было немало от «позы» и «фразы», которые религиозный писатель-романтик унаследовал от Жуковского и Шатобриана и которые в середине XIX века резали слух. Скорее всего о такой «лжи» писал Тургенев в цитированном выше письме Дружинину. Он, возможно, был наслышан о любви Муравьева к внешней атрибутике (известно, что даже свою усадьбу в Киеве он обустроил по образу командорства крестоносцев). Тургенев, чуткий ко всякой надуманности, противопоставляет в своем письме лишние претензии писания Парфения, проникнутые искренней верой, мистико-романтическому взгляду Муравьева на историю христианства. Как затем он резко противопоставляет в романе «Дворянское гнездо» претензии и фальшивое обрядолюбие Марьи Дмитриевны, Варвары Павловны, Гедеоновского простоте и серьезности искренне верующих и праведно думающих своих героев. В этом правда Тургенева, понимавшего грехи и слабости русского общества, которые «нередко пятнали и пятнают его духовный облик».¹⁹ Но в романе писатель указал и на те «духовные созидательные силы, которые способствуют его восстановлению».²⁰ Это было тем более актуально, что общество вступало в эпоху радикальных перемен, требовавших от него и очищения, и покаяния, и терпения, и духовной прочности. Тургенев понимал, что без глубокой веры в высшие ценности своего народа преодолеть исторический водоворот невозможно. Отсюда и обращение писателя к той силе, к тому духовному опыту, которые сплывали и спасали родину в пору самых страшных испытаний.

Примечания

1. Письмо И.С. Тургенева от 22 дек. 1857 года (января 1858 г.). См.: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Изд. 2-е. Соч. в 12 т. М.: 1978-1986; Письма Т. 1-8. М., 1982-1990. Письма. Т. 3. С. 283. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы арабскими цифрами в скобках; ссылки на письма даются с пометой: «Письма».

2. Таким рисует образ писателя в своей «Жизни Тургенева» Б.К. Зайцев и, вслед за ним, В.Н. Топоров (см.: Топоров В.Н. Странный Тургенев. М., 1998).

3. Факсимильная копия рукописи хранится в экспозиции Орловского литературного музея И.С. Тургенева: № 20849 нв.

4. Перечень статей на эту тему можно видеть в работах современных орловских краеведов; см., например, статью К.А. Седойкиной: ««Дворянское гнездо». Конец XX века» // Тургениана. Вып. II-III. Орел, 1999. С. 247-248.

5. Шевырев С.П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Ваканционные дни профессора С. Шевырева в 1847 году. В 2-х ч. (С 25-ю литогр. рис.). Ч. 2-я. – М.: Унив. тип., 1850. - С. 2.
6. Там же. С. 25.
7. Там же. С. 99.
8. Там же. С. 133-134.
9. Тургенев И.С. Указ. соч. и письма. Письмо от 4 (16) янв. 1857 г. (Письма, 3, 182).
10. Герцен А.И. Былое и думы. Т. I. Минск, 1957. С. 261-263.
11. Там же.
12. Переписка И.С. Тургенева. В 2-х т. - М.: «Художественная литература», 1987. - С. 92-93.
13. Цит. по: Иеромонах Антоний (Святогорец). Жизнеописания афонских подвижников благочестия XIX века. - М.: Афонское подворье, 1994. - С. 30.
14. См. указ. письмо А.В. Дружинина к И.С. Тургеневу от 19 сент. (1 окт.) 1858 г.
15. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии Турции и Святой земле Постриженника Святые горы Афонския инока Парфения. В 4-х ч. Т. 2. М., 1855. С. 78-79.
16. Там же. Изд. 2-е. М., 1856. С. 95-97.
17. Хавроничев В.П. Романтический путешественник по святым местам. Религия и поэзия в жизни и творчестве А.Н. Муравьева // Христианская культура. Пушкинская эпоха. – СПб.: С.-Петербургский центр православной культуры, 2001. - С. 131-132.
18. Там же. С. 138.
19. Арсеньев И.С. Из русской культурной традиции. Посев, 1959. С. 240.
20. Там же.

И.Л. Золотарев

О фантастическом в «Таинственных повестях» И.С. Тургенева

Интерес к фантастике в литературе имеет давнюю историю. Особенно это заметно в фольклоре, где чудесное изображается с помощью таких сильных романтических средств, как гротеск, аллегория и другие.

Фантастическое и в эпосе всегда служило углублению познания, осмыслению тайн мироздания. Начиная с античной Греции, все последую-

щие поколения писателей использовали фантастику в различных целях (философских, стилистических и др.) - от Апулея, Овидия, Данте, Уолпола, Бальзака, Тургенева и до наших дней.

По мысли А. Пажеса, в контексте критики рационализма, ознаменовавшего собой эпоху Просвещения, пробуждается особый интерес к фантастике, поскольку рациональными способами невозможно было выразить личность в ее все усложнявшемся взаимодействии с действительностью.¹

Ныне, в связи с достижениями науки, возрастает роль фантастического в литературе. И литература всегда опережала научные открытия. А благодаря научным открытиям то, что вчера казалось невероятным, сегодня становится очевидным, реально существующим. Вымысел воспринимается как нечто правдоподобное, проще становится разграничить вероятное и невероятное. Переходя рубежи необычного, фантастика усиливает впечатление от возможного. В связи с этим в литературе возрастает роль фантастических «таинственных повестей» И.С. Тургенева, так как художественная природа фантастики, стимулируя, предвосхищая дальнейшие открытия, изменяет само качество нашего бытия, нашего мироощущения. Сейчас мы начинаем лучше представлять, что такое человек. Он видится совокупностью трех начал: материального, идеального и духовного, писатели всегда обращались и к духовному, тонкому миру, который остается для нас фантастическим, мало исследованным.

В своей статье о Гоголе И.Ф. Анненский писал: «Фантастическое и реальное не стоят на гранях мира, а часто близки друг к другу».²

На первый взгляд, область фантастического противоречит человеческому опыту. Однако в искусстве фантастика теснее сближается с действительностью, особенно в нравственных, морально-этических категориях, в различении Добра и Зла. Анненский заметил, что именно в искусстве фантастическое лучше служит торжеству правды, являясь активнейшим средством познания действительности. Веру Тургенева в таинственные явления Л.В. Пумпянский объясняет ситуацией, когда «явление с одной стороны признается сверхъестественным, а с другой - признается не только его наличием, но и доступностью опытному познанию и даже экспериментированию, следовательно, «естественность». Таинственное перестает быть фантастикой, становится оккультной эмпирией и уж как таковая входит в литературу».³

Г.А. Бялый считает, что в «таинственных повестях» Тургенев отдал дань модному в то время увлечению, связанному с распространением позитивистского воззрения на природу и человека.

Г.Б. Курляндская, полемизируя с этими исследователями, полагает, что «вряд ли можно согласиться с определением позиции Тургенева в так

называемых “гаинственных повестях” как позиции вульгарного буржуазного метаболического мира». ⁴ Возьмем фантастический эпизод из рассказа «Собака». Герою грезится собака.

«... Но откуда собаке взяться? Сам я не держу; разве, думаю, забежала какая-нибудь «заболтущая»? Я кликнул своего слугу... Вошел слуга со свечкой... - Какая, говорит, собака?... нагнулс я мой Филька, стал свечкой под кроватью водить. «Да тут, - говорит, - никакой собаки нет», нагнулс я и я: точно нет собаки. - Что за притча!... Но на следующую ночь - вообразите! - то же самое повторилось. Как только я свечку задул, опять скребет, ушами хлопает. Опять я позвал Фильку, опять он поглядел под кроватью - опять ничего! Услал я его, задул свечку - тьфу ты черт! Собака тут как тут. И как есть собака: так вот и слышно, как она дышит, как зубами по шерсти перебирает, блох ищет... Явственно таково!.. Филька! - говорю я, - как ты это понимаешь?» - «А как мне это понимать прикажите, Порфирий Капитоныч? - Наваждение!»... ⁵ Это наваждение и было предупреждением герою о грозящей ему опасности. Он отправляется к ясно-видящему, который советует ему купить собаку. Она-то и спасет его от смерти, которую несла ему привидевшаяся ему собака.

В рассказе поставлена проблема подчинения воли стихийным силам природы. Тургенев показывает здесь воздействие на героев не открытых еще природных сил, используя фантастику, как необходимое средство, с помощью которого можно проникнуть в потаенный мир человеческой души.

В повести «Странная история» Тургенев ставит проблему недостаточности изученного гипноза и воли. Вот как он описывает состояние героя во время гипнотического сеанса: «...и, странное дело! в одно и то же время я почувствовал нечто вроде страха и, словно по приказанию, немедленно принялся думать о моем старом гувернере... Веки мои слипались... косматая фигура с белесоватыми глазами в синей чуйке задвоилась передо мной - и вдруг совсем исчезла!.. Опять надвинулся туман, и вдруг из этого тумана, начиная с белых, кверху приподнятых волос, явственно стала вырисовываться голова старика Дессера! (гувернера)... Я вскрикнул». ⁶ Эту же тему находим и в повести «Песнь торжествующей любви», которую Бялый, Курляндская рассматривают как иллюстрацию проявления бессознательного. И это возможно при наличии, с одной стороны, фантастических природных сил с нечеловеческой волей, с другой - самого человека и жажды его подчинения высшим вселенским законам.

В повести «Сон» Бялый видит проявление фантастического в таких эпизодах, как сны рассказчика, исчезновение трупа барона. Основной проблемой произведения исследователи Р. Поддубная, А. Муратов считают проблему наследственности. Разделяя эту точку зрения, видим, что фанта-

стика в повести «Сон» не подвергает сомнению тот факт, что применение в произведении фантастического способствует познанию и осмыслению реальности. «Я отыскиваю моего отца, который не умер, но почему-то прячется от нас и живет именно в одном из этих домов... Он нисколько не похож на моего настоящего отца: он высок ростом, худощав, черноволос... Этот человек был тот отец, которого я отыскал, которого я видел во сне!»⁷ Проявление бессознательного помогает проникнуть в тайны мироздания. Тургенев предвосхищает открытия в области психологии, медицины.

По мнению исследователей, тургеневская повесть «Стук... стук... стук!» посвящена теме фатализма. Так, Л. Долотова находит в молодом поколении (в период создания произведения) пессимизм, даже трагизм, связанный с крахом общественных идеалов, выраженные фантастическим способом.

«Я ни на минуту не обманывался насчет ее последних слов, - прибавил Теглев, - я уверен, что она покончила с жизнью, и... что это она звала меня туда ... за собою...»⁸ Все это побуждает героя к напряжению душевных сил, выражая его характер с помощью такого усиленного романтического приема, как фантастика. Эти галлюцинации доводят героя до самоубийства. В повести «Призраки» Ж. Зельдхей-Деак определяет основную мысль как растущую тревогу перед смертью из-за «ничтожества» жизни.⁹

А.П. Чудаков говорит о нереальности «полетов с призраком женщины». Л.Н. Осьмакова утверждает, что «сугубо личностный план изображения и художественный конфликт вытекают уже из столкновений различных начал во внутреннем мире человека».¹⁰

Высшей точкой движения сюжета становится тайна, потрясшая героя. Герой как будто общается с потусторонними силами. Социальные реалии не влияют на разрешение конфликта. Они придают лишь усиление, дополнительную функцию, образуя аллюзию загадочности, невероятности.

Г.Б. Курляндская считает, что фантастические произведения Тургенева исследуют «разные сферы сознания личности».¹¹ Человек изначально зависит от наследственности. Так, в повести «Фауст» героиня полюбит вопреки запретам матери, но мать не потеряет власти над ней, являясь ей из потустороннего мира. Непреодолимый рок сталкивает родных друг для друга людей. «Оглянитесь, - сказала она мне дрожащим голосом, - вы ничего не видите? - Ничего. А вы разве что-нибудь видите? - Мою мать, - медленно проговорила она и затрепетала вся».

Тургенев показывает роковое влияние инобытийных сил на своих героев, применяя фантастические приемы для решения поставленных задач.

Неоднозначную оценку вызывает у исследователей повесть «Клара Милич (После смерти)». Г.А. Бялый видит в ней идею магнетизма в сочетании с мистицизмом.

Г.Б. Курляндская считает, что в повести преобладает романтическая стихия, связанная с признанием инобытийного как объективной реальности.

П.Г. Пустовойт также считает, что произведению свойственно чередование бытовых и сверхъестественных сцен, что романтизирует прозаическую обстановку.

Таким образом, фантастическое у Тургенева является способом изображения субъективно-психологического - состояния человека и его мироощущения. Так реалистическое искусство воплощает правду о человеке, если она не укладывается в рациональные рамки. Однако литература и искусство не копируют действительность. Тургенев использует такой условный, романтически усиленный прием, как фантастика, для достижения того ирреального, что нельзя было изобразить обычным реалистическим способом. Фантастика может служить углублению познания внутреннего мира человека, пребыванию его в земном и космическом мире. Писатели показывают те состояния человека, которые нельзя объяснить. В связи с этим в литературе растет значение фантастики как способа познания человека, действительности.

Примечания

1. Пажес А. Письма. - Париж: «Натан», 1996.
 2. Анненский И.Ф. О формах фантастического у Гоголя // Книги отражений. - М.: «Наука», 1979.
 3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. - М.: «Советская Россия», 1979.
 4. Бялый Г.А. Тургенев и русский реализм. - М.-Л.: «Советский писатель», 1962.
 5. Тургенев И.С. Собр. соч. в 12-ти т. - М.: «Художественная литература», 1978.
 6. Зельдхеи-Деак Ж. Тургенев о финалах. - Будапешт: Л. Холлош, 1927.
 7. Чудаков А.П. О поэтике Тургенева-прозаика // И.С. Тургенев в современном мире. - М.: «Наука», 1987.
 8. Осьмакова Л.Н. О поэтике «таинственных» повестей Тургенева // И.С. Тургенев в современном мире. - М.: «Наука», 1987.
 9. Курляндская Г.Б. И.С. Тургенев. Мировоззрение, метод, традиции. Тула, 2001.
 10. Тургенев И.С. Собр. соч. Т.VIII. М.-Л., 1929.
- Курляндская Г.Б. Литературная срединная России. - Орел: Издательство государственной телерадиовещательной компании, 1996.

II

Вокруг Тургеневской энциклопедии

*И. С. Тургенев на даче у Милютиных в Баден-Бадене.
С фото К. Верцингера. 1867 год.*

Годы становления (И.С. Тургенев в Московском университете)

Летние месяцы 1833 года определены Тургеневым в «Мемориале» как «перепутье». Родители готовили ему военную карьеру. Об этом говорит Свидетельство из Орловской духовной Консистории, выданное С.Н. и В.П. Тургеневым «на случай представления сына их Ивана в военную <...> службу».² Но судьба распорядилась иначе. «Я себе ломаю руку. – Определение в Университет», - запишет Тургенев в «Мемориале».³ Готовясь к экзаменам, он жил летом с родителями на даче около Калужской заставы, против Нескучного сада, где пережил «быстро пролетевшую, утреннюю, весеннюю грозу»,⁴ свое первое чувство, которое он позднее поэтически воспроизвел в повести «Первая любовь».

Блестяще выдержав вступительные экзамены, Тургенев был зачислен «в число своекоштных студентов по Словесному отделению»⁵ определением Совета университета от 20 сентября 1833 года. Московский университет был в то время центром русской культуры, науки и просвещения и одним из главных в стране центров российского свободомыслия. Здесь преподавали выдающиеся профессора: А.В. Болдырев (1870-1842), ученый-ориенталист, основатель университетского востоковедения; М.А. Мудров (1772-1831), «отец русской терапии», профессор астрономии Д.М. Перевощиков [1788-1880], деятельность которого высоко оценивали В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, Н.И. Надеждин.

Тургенев успел прослушать в Московском университете только первый, общеобразовательный курс для вновь поступивших слушателей всех факультетов: чтение Св. Писания, русскую словесность, всеобщую историю, физику и языки – латинский, французский и немецкий. Всеобщую историю читал тогда М.П. Погодин (1800-1875), историю русской словесности – И.И. Давыдов (1794-1875). В 1826 году Давыдов был профессором философии. Его вступительная лекция о возможности философии как науки, составленная по Шеллингу, привела к закрытию кафедры философии и перемещению его на математический факультет для преподавания высшей алгебры. После долгих хлопот он добился разрешения занять кафедру русской словесности, оставшуюся свободной после смерти А.Ф. Мерзлякова.

Тургенев слушал и профессора М.Г. Павлова (1793-1840), крупнейшего специалиста по сельскому хозяйству, основателя теории земледелия, который читал историю физики. По существу это были лек-

ции по философии, запрещенной к преподаванию. О влиянии личности Павлова А.И. Герцен писал в «Былом и думах»: «Университет <...> не должен оканчивать научное воспитание <...> его дело – возбудить вопросы, научить спрашивать. Именно это-то и делали такие профессора, как М.Г. Павлов...»⁶ Очевидно, Павлов принадлежал к числу тех профессоров, которые оказали значительное влияние на формирование нравственно-политических и философских взглядов Тургенева.

В Московском университете широко практиковалось написание студенческих работ на самые различные темы. До нас дошли лишь студенческие записки Тургенева 1833-34 годов: «Заметки по географии» [Москва, 1833-34]. Положение, народонаселение и пространство всех стран мира», «Заметки по русской истории [Москва, 1833-34]. Замечательные годы в истории России, начиная с Петра», «Заметки по истории. Годы коронования и смерти всех державных особ в Европе. Средние времена»; автограф на французском языке; «Заметки по истории средних веков (хронология императоров и римских пап с III по IX в.» (ОГЛИМТ, ф. 1. ед. хр. 150, 51, 153 оф).

Значительную часть университетской аудитории составляли разночинцы – дети мещан, купцов, духовенства, мелкого чиновничества. Студенческие настроения легко распространялись в московской среде, и общественные запросы времени легко переносились, в свою очередь, в университетские стены. И.А. Гончаров, учившийся в 1833-34 годах на третьем курсе, назвал Московский университет «ученой республикой».⁷

Приятелями Тургенева были люди далеко не сановные. Например, названный в «Мемориале» Адебек – Григорий Атабеков – покинул университет «по причине бедности».⁸

Характерным для жизни Московского университета конца 20-х – начала 30-х годов XIX века было существование литературно-политических кружков: В.Г. Белинского или «литературное общество 11 нумера», Я.И. Костенецкого, А.И. Герцена и Н.П. Огарева, Н.В. Станкевича и др. В кружках кипели споры, обсуждались литературные новинки, политические и общественные события.

Многие студенты пробовали свои силы на литературном поприще. Благоклонно была встречена книга стихотворений Михаила Меркли (М., 1835. Ценз. разр. 1834), известны были Василий Красов и Алексей Беер; последний представил в цензуру рукопись под названием «Мазепа, или торжество невинности и добродетели». Тургенев, вероятно, знал и соученика Н. Станкевича студента А. Тонкочеева, выпустившего в 1833 году

роман «Эль-Тровадор, или Мечь за мечь...» В повести «Первая любовь» поэт Майданов говорит о некоем друге Тонкошееве, напечатавшем испанский роман с тем же названием.

Цитату из стихотворения Н. Станкевича «На могиле Эмили», написанном в 1833 году, Тургенев привел в повести «Несчастливая».⁹

В перечне рукописей, представленных в Московский цензурный комитет в 1832-34 годах, находятся десятки оригинальных сочинений и переводов, выполненных студентами Московского университета, однако сочинений Тургенева среди них нет.

Учение в Московском университете – важнейший период становления личности Тургенева. Здесь будущий писатель приобщился к миру освободительных идей. Не случайно рассказчик в повести «Пунин и Бабурин», образ во многом автобиографический, свидетельствует, что именно «со времени <...> поступления в [Московский] университет “он стал республиканцем”».¹⁰

Рассказавший историю духовного становления своего поколения А.И. Герцен имел полное право назвать имя Тургенева среди имен, вписавших славные страницы в историю России и обязанных своим развитием Московскому университету: «Московский университет свое дело делал; профессора, способствовавшие лекциями развитию Лермонтова, Белинского, И. Тургенева, Кавелина, Пирогова, могут спокойно играть в бостон и еще спокойнее лежать под землей».¹¹

Примечания

1. Тургенев И.С. ПСС и П(2), Соч., т. XI. С. 197.
2. Публикация В.В. Протасова. Русская литература, 1971 г., № 1. С. 123-124.
3. Тургенев И.С. Указ. соч. Т. XI. С. 197.
4. Тургенев И.С. Указ. соч. Т. II. С. 363.
5. Тургенев И.С. Указ. Соч. Т. I. С.340, 537.
6. Герцен А.И. Соч., т. 8. С. 122.
7. Гончаров И.А. Воспоминания. В университете // Московский университет в воспоминаниях современников (1755-1917). М., 1989. С. 153.
8. ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 101, ед. хр. 323.
9. Тургенев И.С. Указ. соч. Т. VIII. С.136, 464.
10. Тургенев И.С. Указ. соч. Т. IX. С. 33.
11. Герцен А.И. Указ. соч. Т. 8. С. 123.

И.С. Тургенев и В.А. Милютин

И.С. Тургенев был хорошо знаком с семейством Милютиных, оставившим заметный след в отечественной истории XIX века, и, в частности, с одним представителем его – Владимиром Алексеевичем Милютиным (1826-1855), прогрессивным публицистом, историком и экономистом, профессором государственного права Петербургского университета, сотрудником журнала «Современник».

Даровитый ученый, В.А. Милютин стал основоположником исторической статистики в России. Он автор научных работ, имевших огромное влияние на университетскую молодежь, таких как «Пролетарии и пауперизм» («Отечественные записки», 1846), «О ежемесячных сочинениях Миллера» («Современник», 1851), «Алкивид» («Современник», 1855), многих критических статей, а также статьи «Мальтус и его противники» («Современник», 1847), впервые познакомившей русскую образованную публику с учением английского экономиста.

По словам В.П. Боткина, Милютин, «несмотря на свою внешнюю холодность и накрахмаленность, <...> была натура в высшей степени страстная и до такой степени, что даже самый эгоизм и самолюбие его, которые были у него необыкновенно сильны, - все-таки подчинялись его страстностью».¹

Вероятно, знакомство Милютина с И.С. Тургеневым состоялось в период их сотрудничества в журнале «Современник». Первое упоминание об их встрече, которое относится к 13 (25) декабря 1853 года, мы находим в «Дневнике» А.В. Дружинина.² В этот день в редакции «Современника» был дан обед в честь Тургенева, вернувшегося из спасской ссылки, на котором присутствовал и В.А. Милютин.

Видимо, на обедах, регулярно устраиваемых И.И. Панаевым, Милютин и Тургенев виделись неоднократно, о чем свидетельствует «Дневник» Дружинина. «В воскресенье по обыкновению у Панаева *société peu nombreuse, mais bien choisie* <общество малочисленное, но хорошо подобранное, франц.>, Тургенев, Григорович, Фет, Анненков, Лонгинов и т.д. К вечеру беседа о чернокнижии была охлаждена приходом Милютина (В.) и Арапетова».³

Воскресенье, о котором упоминает А.В. Дружинин, падает на 31 января (12 февраля) 1854 года. А 5 августа 1855 года В.А. Милютин застрелился после того, как его тяжелую болезнь признали неизлечимой. Узнав о его смерти, Тургенев писал Некрасову: «Очень меня поразила смерть В. Милютина. Этого я никогда от него не ожидал. Решительно – одно непредвиденное, вероятно, и свершается на деле».⁴

Примечания

1. Переписка Н.А. Некрасова. Т. 1. – М.: «Художественная литература», 1987. – С. 184.
2. Дружинин А.В. Повести. Дневник. – М.: «Наука», 1987. – С. 253.
3. Дружинин А.В. Указ. соч. С. 272.
4. Тургенев И.С. ПСС и П в 28 т. Изд. 1-е. Письма. Т. II. – М.Л.: «Наука», 1961. – С. 311.

Л.М. Александрова

**«Человек, во всех отношениях достойный
поддержки и сочувствия»
(И. С. Тургенев, Н. Н. Миклухо-Маклай
и князь А. А. Мещерский)**

Известно, что в течение всей жизни И.С. Тургенева глубоко волновали судьбы отечественной культуры и науки. И, естественно, писатель не мог не отозваться на просьбу князя А.А. Мещерского, секретаря отделения статистики Русского географического общества и друга Н.Н. Миклухо-Маклая, о материальной поддержке экспедиции последнего.

Путешественник и ученый, Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846-1888), исключенный в 1864 году из Петербургского университета (отделение естественных наук физико-математического факультета) за участие в студенческом движении без права поступления в высшие учебные заведения России, продолжил естественно-научное образование в Гейдельбергском (1864), Лейпцигском (1865) и Иенском (1866-1868) университетах.

Его мировоззрение формировалось под влиянием идей русского демократического движения 60-х годов XIX века.

Миклухо-Маклай посвятил свою жизнь антропологическому и этнографическому изучению коренного населения Юго-Восточной Азии, Австралии и островов Тихого океана.

Два с половиной года (1871-72, 1876-77, 1883) он прожил на северо-восточном берегу Новой Гвинеи (ныне берег Миклухо-Маклая), совершил два путешествия во внутренние районы Малакки (1874, 1875), побывал на Филиппинах и в Индонезии (1873), посетил многие острова Микронезии и Меланезии (1876, 1879); в 1878-82, 1884-86 годах жил в Австралии, где основал близ Сиднея биологическую стан-

цию. Основываясь на результатах своих антропологических и этнографических исследований, Миклухо-Маклай отстаивал идею о видовом единстве и взаимном родстве рас человека; впервые подробно описал меланезийский антропологический тип, распространенный в Западной Океании и на островах Юго-Восточной Азии; протестуя против расизма и колониализма, выступал в защиту свободы и независимости изучаемых народов.

Как свидетельствуют сохранившиеся письма князя Александра Александровича Мещерского (род. 1844), действительного члена Русского географического общества, секретаря отделения статистики этого общества, к Тургеневу, «дорогому и родному русскому Европейцу»,¹ он активно привлекал писателя к организации материальной помощи Миклухо-Маклаю в его экспедициях.

Через князя А.А. Мещерского Н.Н. Миклухо-Маклай познакомился с И.С. Тургеневым в начале марта 1870 года в Веймаре. 14 марта 1870 года Миклухо-Маклай писал сестре О.Н. Маклухо-Маклай: «Познакомился с И.С. Тургеневым. Он живет в Веймаре. На днях провел с ним целый день. Он был тоже у меня в Иене. Мы довольно скоро и хорошо сошлись».² На память об этом знакомстве Тургенев подарил ученому свой фотографический портрет с надписью: «Н.Н. Миклухо-Маклаю на память от И.С. Тургенева. Веймар. 1879. И. Тургенев».

С 1876 года Тургенев передал Миклухо-Маклаю значительную сумму из собственных средств и неоднократно обращался за материальной поддержкой его исследований к своим друзьям и знакомым, в том числе к петербургскому банкиру Г.О. Гинцбургу и купцу-меценату, основателю Третьяковской галереи П.М. Третьякову, которому писал 13 (25) декабря 1876 года: «<...> эти деньги могут явиться чуть не спасением человека, во всех отношениях достойного поддержки и сочувствия <...>. <...> я Вас знаю как хорошего человека и хорошего русского, а тут и тому и другому есть что сделать».

Интерес Тургенева к личности и деятельности Миклухо-Маклая не прекращался и в дальнейшем. В письме к П.Л. Лаврову 15 (27) декабря 1882 года Тургенев просит его достать для Миклухо-Маклая брошюры, написанные бывшими сосланными в Новую Каледонию коммунарами, «о жизни их там и претерпенных ими там страданиях».

Миклухо-Маклай посетил Тургенева в Париже в декабре 1882 года. Об этом визите Тургенев писал в последнем дневнике 31 декабря 1882 года (12 января 1883 года): «<...> был <...> знаменитый путешественник Миклухо-Маклай».

В своих воспоминаниях об этой встрече Миклухо-Маклай писал: «Хотя мне приходилось остаться в Париже всего один день, я решил найти

время повидаться перед отъездом в Австралию с И[ваном] С[ергеевичем] <...>. Он был по обыкновению добр и радушен, расспрашивал о моих путешествиях и планах на будущее <...>. Я сидел у окна, а И.С. помещался в глубине комнаты, но свет падал на его характерное лицо и густые белые волосы. Замечание Тургенева в начале разговора о его летах и слова его о том, что он чувствует себя старым, навели меня на мысль задать И.С. вопрос, ответ на который представлял для меня большой интерес, почему он и запечатлелся в моей памяти: “<...> скажите вы мне, в какую пору вашей жизни вы чувствовали себя наиболее счастливым? Было ли это в детстве, юности, полном расцвете сил, или вот теперь, когда вы чувствуете себя старым?”

Пока я говорил, Тургенев, сидевший с опущенной головой, поднял ее и обернулся ко мне, смотря мне прямо в лицо: “Э, батюшка, какой вопрос вы мне задали! <...> ведь это такой вопрос, что о нем можно написать целую книгу. <...> Когда человек что хочет – он не может быть счастлив, потому что ему редко удается достигнуть желаемого <...> Дети, молодыми людьми и людьми вполне взрослыми мы все постоянно чего-то желаем, что никак не можем достигнуть, а не имея желаемого, человек чувствует себя несчастным. <...> Пока я желал много, я никогда не был доволен, никогда не был счастлив; теперь же, сравнительно, я почти что ничего не желаю и потому теперь я счастливее, чем когда-либо”.

Затем еще: будучи молодым человеком, и даже в летах зрелых <...> я часто не знал, что делать со своим временем; часы и дни тянулись, ползли. <...> я часто, часто хандрил. <...>. Теперь же <...> я больше не хандрю. Дни, часы и минуты не тянутся, не ползут для меня – а летят так, что зачастую хотелось бы, чтобы они не летели так быстро. Это отсутствие хандры – также признак счастья, ведь для счастливых время не тянется, а бежит без оглядки. <...>».

Я <...> подумал про себя, что мне еще далеко до счастья. <...> А от слов Тургенева, или в этом случае также и Шопенгауэра, до индусского афоризма “откажись от всего и будешь счастлив” – один только шаг.

Кто-то пришел к И.С. Я простился с ним, высказав надежду увидеться с ним через несколько лет <...>³

Известно одно письмо Миклухо-Маклая к Тургеневу от 27 февраля 1870 года, в котором он просит писателя при посещении им Йены позволить увидеться с ним.⁴ Письма Тургенева к нему неизвестны.

Князь А.А. Мещерский, известный в науке своими работами, посвященными исследованию кустарной промышленности России («Об исследовании кустарной промышленности земствами и губернскими

статистическими комитетами». СПб, 1875; в соавторстве с К.Н. Модзалевским «Свод материалов по кустарной промышленности в России». СПб., 1874) стал близким другом Миклухо-Маклая во время учения в Германии, в Иенском университете на камеральном факультете. Он оказывал постоянную материальную помощь ученому в его исследованиях, привлекая к этому многих россиян и в Париже, где подолгу жил, и в России. Миклухо-Маклай присваивает одному из хребтов на новой Гвинее имя Мещерского.

А.А. Мещерский был дружен с семьей А.И. Герцена, считался одно время женихом дочери Герцена, Натальи Александровны.

С Тургеневым он познакомился, по-видимому, в конце 60-х годов через семью Герцена. Дружеские отношения Мещерского с писателем не прерывались до конца жизни Тургенева, они встречались в России и во Франции. 7(19) июля 1875 года Тургенев писал Ю.П. Вревской: «Я рекомендую Вас Мещерскому – а его Вам: он малый, кажется, умный и добрый».

Летом 1881 года Мещерский гостил у Тургенева в Спасском-Лутвинове. Во время предсмертной болезни писателя он часто навещал его в Буживале, где присутствовал и при последних часах жизни Тургенева.

Мещерский – автор воспоминаний о Тургеневе «О последних днях Тургенева»⁵ и «Предсмертные часы И.С. Тургенева».⁶

Известны семь писем Тургенева к Мещерскому (1875-1882) и три письма Мещерского к Тургеневу (1876 и б/д; ЦГАЛИ).

Примечания

1. Орнатская Т.И. А.А. Мещерский // Тургеневский сборник. Вып. III. М.-Л.: Наука, 1967. С. 370.

2. Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч. в 5 т. Т. IV. - М.-Л.: Изд. АН СССР, 1953. - С. 31.

3. Вестник Академии наук СССР, 1993, № 10, с. 40-47. См. также: Миклухо-Маклай. Указ. соч. Т. IV. С. 421-423.

4. Миклухо-Маклай Н.Н. Указ. соч. С. 30.

5. Мещерский А.А. О последних днях Тургенева // На память об И.С. Тургеневе. СПб., 1883.

6. Мещерский А.А. Предсмертные часы Тургенева // Новое время, 1883, № 2629, 3/5 сентября.

И.С. Тургенев и М.И. Писарев

В 1852 году Тургенев окончательно оставил драматургию и, казалось бы, совсем порвал с театром. Но он был и остался человеком театра: взыскательным и строгим зрителем, чутко откликавшимся на все интересное и новое, что происходило на театральных подмостках России и Европы. Театр не отпускал Тургенева до конца дней, и писатель доброжелательно отзывался на предложения актеров, заинтересованных в продолжении жизни его произведений, хотя порой и корил себя за сговорчивость. Так было с постановкой «Месяца в деревне» на сцене Малого театра в 1872 году в бенефис Е.Н. Васильевой, закончившийся провалом.

Иное дело, когда в 1879 году, благодаря М.Г. Савиной, которая вызвала из небытия ту же комедию, блистательно сыграв роль Верочки на сцене Александринки, происходит возврат интереса к драматургии Тургенева.

В 1882 году на сцене Александринского театра с большим успехом прошла комедия «Холостяк», во многом благодаря прекрасной игре актера В.Н. Давыдова, исполнившего роль Мошкина, напомнившей писателю гениального исполнителя этой роли А.Е. Мартынова. К этому же времени относится обращение к Тургеневу Модеста Ивановича Писарева и Василия Ивановича Андреева-Бурлака, актеров Русского драматического театра в Москве (театр Ф.А. Корша) с просьбой разрешить постановку инсценировки повести писателя «Степной король Лир», написанную актером театра Н.В. Кислинским. Более в этом был заинтересован Писарев, которого привлекла мощная трагическая фигура Харлова. Имя актера было хорошо известно Тургеневу.

Впервые о Писареве он, скорее всего, узнал из письма А.Ф. Писемского от [12-15 октября] 1876 года: «В театральном мире то же, кроме разве что в Артистический кружок приглашен провинциальный драматический актер Писарев, молодой еще человек, обладающий прекрасною наружностью и довольно сильным внутренним огнем».¹

Тургенев, очевидно, познакомился с Писаревым в доме А.Ф. Писемского в Москве не позже конца апреля 1880 года. Он видел Писарева на сцене театра А. Бренко в мае 1881 года в роли Несчастливцева в пьесе А.Н. Островского «Лес». Писарев писал П.А. Стрепетовой 28 мая 1881 года: «...на днях у нас в театре был И.С. Тургенев, смотрел “Лес”. Остался очень доволен».² Наверное, в Тургеневе особенный отклик нашло то высокое донкихотское начало, которое присутствовало в Несчастливцеве - Писареве.

Тургенев, познакомившись со сценическим вариантом своего произведения, писал актерам 13 (25) октября 1882 года: «Г-н Кислинский исполнил свою работу весьма добросовестно и, насколько могу судить, весьма удачно в сценическом отношении. Охотно даю свое согласие на представление этой пьесы - и надеюсь, что успех оправдает ваши ожидания. Я был бы очень рад присутствовать при этом - но болезнь моя все еще держит меня в неизвестности насчет времени моей поездки в Россию».³ Решение писателя вряд ли было вызвано добросовестностью работы автора пьесы, но скорее верой в актерский талант Писарева и возможностью дать новую, уже сценическую жизнь повести. Премьера спектакля «Степной король Лир» состоялась в театре Ф.А. Корша 15 ноября 1882 года. Роль Харлова исполнил Писарев. Его биограф писал: «Даровитый исполнитель силою своего могучего таланта вполне сгладил некоторые ошибки неопытного драматурга и во всем колоссальном величии создал громадный художественный тип, задуманный гениальным автором рассказа. Начиная со второй картины первого действия, восторг публики шел все возрастая, а два последних действия были истинным триумфом г. Писарева».⁴ Это было первое, достаточно интересное обращение театра к прозе Тургенева. Оно стало важным этапом для последующих инсценировок произведений писателя на русской сцене.

Примечания

1. Писемский А.Ф. Письма. - М. - Л.: Изд. АН СССР, 1936. - С. 336.
2. СПбТМ, кп. 3628/29.
3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28 т. Письма. Т. 13 (2), с. 66.
4. Карнеев М.В. Модест Иванович Писарев. Биографический очерк. (По поводу 25-летнего юбилея). СПб., 1893. С. 59.

С.Л. Жидкова

Платон Николаевич Погорельский

В письме-автобиографии к М.Д. Хмырову от 8/20 октября 1868 года Тургенев писал: «Учителя, влияние которых оставило наибольшие следы, были – до поступления в университет: П.Н. Погорельский (математика), И.П. Ключников (история), Д.Н. Дубенский (русская словесность) <...>». Однако в академических изданиях Тургенева нет даже дат рождения и смерти П.Н. Погорельского, а в биографических работах, посвя-

щенных этому периоду жизни писателя, сведения о Погорельском довольно скудны.¹ В книге П.А. Виноградова «Краткий исторический очерк пятидесятилетия Московской 3-й гимназии (1839-1889)» (М., 1889) содержатся более обширные сведения об этом выдающемся педагоге-математике первой половины XIX века. Цитаты, приводимые в тексте, взяты из указанного издания.

Платон Николаевич Погорельский родился 6 октября 1800 года в семье небогатого помещика Витебской губернии. Среднее образование он получил в Московской губернской гимназии, где математику изучал под руководством А.С. Терюхина, одного из основателей первого математического кружка в России, возникшего в 1810 году при Московском университете.

В 1819 году Погорельский поступил на математическое отделение Московского университета, в 1822 году закончил это отделение «отличнейшим кандидатом», а в 1827 году после защиты диссертации получил степень магистра физико-математических наук.

Педагогическую деятельность Погорельский начал в 1822 году совсем молодым человеком в Московском университетском пансионе.

С 1829 по 1835 годы Погорельский преподавал математику в Московском университете, в Московской губернской гимназии, в Московском воспитательном доме, женском отделении Александринского сиротского института, а также давал частные уроки.

В 1836 году Погорельский был назначен инспектором 1-ой Московской губернской гимназии. По воспоминаниям, Погорельский, став инспектором, ко всему присматривался, во все вникал, неотлучно находился в гимназии, часто бывал на уроках преподавателей, почти постоянно присутствовал во время приготовления гимназистами уроков, приходил к ним в столовую и в спальни.

В 1839 году он был назначен директором 3-й Московской реальной гимназии, учрежденной тогда же для изучения технических наук, и в короткий срок сумел придать ей образцовое устройство. Его стараниями в гимназии была составлена библиотека, содержащая почти все, что в то время считалось лучшим на русском и других языках по тем предметам, которые входили в гимназический курс; устроены физический кабинет, химическая лаборатория, кабинет моделей, машин и инструментов, мнералогический и зоологический кабинеты.

Преподавание в гимназии Погорельский доверял только опытным и знающим педагогам, которых подбирал с особой тщательностью. На средства гимназии он отправил учиться двух преподавателей: одного - в Петер-

бург и затем за границу, другого - в Петербург и потом в Дерпт для подготовки к преподаванию практической механики и технической химии.

Обучение всем предметам, особенно математике, велось в 3-й гимназии на высоком научном и методическом уровне, и требовательность к ученикам была велика. В отчете за 1846 год Погорельский писал, что учеников «старались приучить к труду, к точному исполнению своих обязанностей, к самомышлению, к навыку отдавать самим себе отчет в каждом слове, в каждом занятии своем».

Как учитель математики Погорельский отличался редким умением держать весь класс во время урока в напряженном внимании и излагать свой предмет в ясной, общедоступной форме. Уже будучи директором гимназии он нередко входил во время перемены в класс, слушал, как лучшие ученики объясняли своим товарищам не понятый ими урок, и всегда умел направить на верную дорогу неумелые объяснения; слишком бойким он обычно говорил: «Спустись пониже, говори проще, если хочешь, чтобы тебя поняли». Иногда он сам брался за мел и начинал объяснения.

Славу выдающегося преподавателя Погорельский упрочил изданием ряда руководств по математике. «Алгебра» Погорельского (перевод-переделка с французского) была так хорошо приспособлена к гимназическим программам по математике, что выдержала многочисленные издания.

Не существует ни живописного, ни фотографического портрета Погорельского. Но имеется его словесный портрет: «Всегда серьезный, с нахмуренным лицом, отрывистой речью, требовательный до педантичности, не оставляющий ни одного проступка ученика без сурового замечания, выговора или наказания Погорельский держал учеников в самом строгом подчинении себе». Один из бывших учеников 3-й гимназии вспоминал: «В послеобеденные часы, в ожидании урока географии, у нас начиналась настоящая баталия. Но мы бесились на вулкане. Неожиданно отворялась дверь, и на пороге показывалась строгая фигура директора в ермолке и халате. Мгновенно все превращалось в то каменное африканское царство, о котором есть средневековое предание... Проходила минута, и к жертвам товарищеского поражения присоединялись жертвы директорского гнева».

Однако строгость и суровость Погорельского не мешали воспитанникам питать большое уважение к своему директору. Часто случалось, что уже много лет спустя по окончании гимназии ученик являлся к Погорельскому, чтобы засвидетельствовать ему чувство своего глубокого уважения. И сам Погорельский продолжал интересоваться своими учениками, когда они покидали стены гимназии. Рассказывают, у Погорельского учился математике способный и прилежный мальчик, сын мелкого тор-

говца мехами на Ножовой линии. По обычаю того времени этот торговец, дав своему сыну закончить три класса, посадил его затем за прилавок. Гимназия лишилась хорошего ученика. Погорельский, проходя однажды по Ножовой линии (в Торговых рядах), увидел своего ученика в качестве молодого торговца. «Ты зачем здесь?» - спросил он его. Узнав в чем дело, Погорельский пошел к родителям ученика и убедил их вернуть сына в гимназию. По окончании ее мальчик поступил на медицинский факультет. Это был Алексей Терентьевич Тарасенков, впоследствии директор Шереметьевской больницы, известный как доктор, лечивший Гоголя в последние дни его жизни и описавший эти дни, как врач-писатель и видный общественный деятель.

В начале 30-х годов Погорельский, считавшийся одним из лучших педагогов Москвы, был приглашен в качестве учителя математики к сыновьям Л.П. Чебышева - Павлу и Пафнутию. Не без влияния Погорельского Пафнутий Львович Чебышев, впоследствии знаменитый русский математик и изобретатель, избрал для дальнейшего образования математический факультет.

В 1831 году Погорельский преподавал математику и в доме Тургеневых. Ему удалось заинтересовать его будущего писателя - в письмах-дневниках Тургенева той поры постоянно встречается имя Погорельского, приводятся предлагаемые им задачи: «Вторник, 24 марта. <...> был Платон Николаевич и дал геометрический урок; я знал хорошо»; «Четверг, 26 марта. <...> после Платон Николаевич... Да вот одна задача; попробуй реши ее. Один фонтан наполняет пруд в 12 дней; второй в 9; во сколько времени, если пустить обоих, наполнят они пруд?» Как видно из письма 12-летнего Тургенева к дяде Н.Н. Тургеневу от 23 марта/4 апреля 1831 года Погорельский в доме Тургеневых также осуществлял общее наблюдение за учебным процессом и подбирал преподавателей: «Я проснулся рано и спешил вниз и начал готовить уроки г-ну Фалантину. Ты, верно, еще не знаешь, что Платон Николаевич хочет переменить его и на его место взять Григориуса какого-то ...»

Погорельский поддерживал отношения с семьей Тургенева и во время его студенчества. Его имя встречается в письмах матери и брата И.С. Тургенева в связи с намерением будущего писателя добиваться степени магистра философии в Московском университете. Так, в письме от 11 / 23 января 1841 года Николай Сергеевич Тургенев передает брату совет Погорельского написать на его имя письмо с изложением своих желаний и намерений, которое он мог бы показать попечителю Московского учебного округа графу С.Г. Строганову. По поводу магистерских экзаменов Тургенев, видимо, виделся с Погорельским в 1842 году, о чем есть запись

в «Мемориале»: «Я хочу быть профессором философии! (Погорельский, Строганов)».

Преподавательская и педагогическая деятельность Погорельского была отмечена многочисленными наградами.

Погорельский не дожил до 52 лет. Весь отдававшийся службе, он сдал свою должность по управлению гимназией за день до смерти. Все дела оказались в таком порядке, что на сдачу их потребовалось только несколько часов. В день похорон Погорельского 13 февраля 1852 года гимназисты с непокрытыми головами сопровождали его гроб до Алексеевского монастыря и надели шапки только по строгому требованию начальства.

Среди других о преподавателе математики П.Н. Погорельском с благодарностью вспоминал и Иван Сергеевич Тургенев.

Примечания

1. Чернов Н.М. Тургенев в Москве. - М.: «Грааль», 1999. - С. 34, 35, 47.

III

«Дворянское гнездо».

*От романа к легенде. К 100-летию
орловского сада Дворянское гнездо*

*Игуменья орловского Введенского монастыря
Антония (А. Соколова). С фото 2-ой половины XIX века.
(Из собрания Свято-Введенского монастыря).*

«На что душа рождена, того Бог и дал»¹

В 1902 году затеплилась неугасимая лампада на скромной могиле одной из самых известных сестер Орловской Свято-Введенской обители. Надпись на могильном памятнике гласила: «Здесь покоится прах схимонахини Макарии, родившейся 11 июня 1825 года, скончавшейся 22 апреля 1902 года на 77 году от роду и на 55 году в обители». Судьба молодой дворянки Евдокии Коротневой - схимонахини Макарии - так схожа с историей тургеневской Лизы Калитиной, что эти имена для многих орловских жителей связаны неразрывно. Внешнее биографическое сходство вымышленной Лизы и реальной Евдокии отмечалось многими уважаемыми исследователями. Для авторов этих строк - а написаны они в стенах той же Орловской обители - очевидно удивительное единство этих двух душ. Ниже изложено частное мнение верующего человека. Высказать это частное мнение нас попросили по причине нашей, волею Божией, причастности к тому монастырю, в котором нашла упокоение схимонахиня Макария.

Для многих уход в монастырь - добровольное лишение себя материальных благ, семейных связей, привычных радостей жизни, свободы - это трагедия более глубокая, пожалуй, чем несчастная любовь. «Распрощаться со своим домом, со своим прошлым... все равно, что уйти заживо в могилу»² - широко распространенное мнение. «Монашество, построенное по духу святого Евангелия, на любви к Богу и отказе от мирской жизни, всегда являлось камнем преткновения для людей мира сего».³ Решение принять постриг представляется плодом душевного надрыва, по сути, мирской человек видит в этом жизненную катастрофу, «открытый перелом» души.

Это верно, если говорить о любой веселой светской барышне, которая после какого-то душевного разочарования внезапно убежала бы в монастырь, чтобы жить в нем, как в добровольной тюрьме, не имея к тому ни любви, ни призвания. Но Лиза Калитина - другая натура...

Маленькая девочка сидит на скамеечке у ног няни. Она слушает, зажав дыхание, «житие Пречистой Девы, жития отшельников, угодников Божиих, святых мучениц... как жили святые в пустынях... Христа исповедовали; как им птицы небесные корм носили и звери их слушались; как на тех местах, где их кровь падала, цветы вырастали...»

Сама рассказчица-няня, со своим смирением, глубоким покаянием и нежеланием никого судить, была для ребенка близким примером, живым свидетелем веры. «Лиза ее слушала - и образ вездесущего, всезнающего

Бога наполнял ее душу чистым благоговейным страхом, а Христос становился ей чем-то близким, знакомым, почти родным». Лиза впитывала от своей няни нечто гораздо более важное для христианина, чем сумма догматических знаний, - получала живое, теплое чувство к Богу. Девочка больше, чем верила в Бога, - она верила Богу, доверяла Ему. Лиза любила Его «восторженно, робко и нежно». «Душа, любящая Бога, беспрестанно стремится, жаждет беседовать с возлюбленным ей Создателем». ⁴ Оттого и молитва Лизы, как разговор с Вышним, пристальна и горяча, и обедня для нее праздник. Разговор с родным - потребность души, «труды для любящих не тягостны». ⁵

В трудные минуты жизни Лиза ищет помощи там, где с детства привыкла находить ее. «Прежде нежели найдет на тебя скорбь, молись Богу; и во время горести найдешь Его, и услышит тебя», - говорит преподобный пустынный VI века авва Исаак Сирийский. ⁶ Вот девушка получает предложение - и заказывает всенощную. Вот решается оставить дом - и молится перед Распятием в своей «келейке». Ее молитва в такие минуты не горька, в ней нет требований, ропота и рыданий, а есть - «светлые не пролившиеся слезы» и доверие: «Счастье зависит не от нас, а от Бога».

Доверие и любовь естественно рождает особое отношение к Евангельскому учению. Нарушение заповеди здесь - это не просто преступление некоего нравственного справедливого закона, которое влечет за собой какие-то бедствия. Нарушение заповеди - это нанесение страдания Тому, Кто эту заповедь дал по любви, и потому для любящего человека оно противоестественно. ⁷ Лиза вся - недоумение, изумление, когда она говорит о разрыве Лаврецкого с женой: «Как же можно разлучать то, что Бог соединил?» И как можно не прощать, если в Евангелии твердо обещано: отпустите - и отпустится вам. И как можно не покоряться, когда «маменька велит», если сказано: чти отца и мать? Слова Писания сходят с уст Лизы естественно, просто, они усвоились ею.

Душа ее чиста. Святитель Тихон Задонский сравнивает такую душу с белоснежной одеждой, мельчайшее пятнышко на которой отчетливо видно. Острота ее душевной боли, когда она увлеклась чем-то недозволенным, почти недоступна пониманию. В самые счастливые минуты Лиза спрашивает со страхом: «Что это мы делаем?» Она видит некую неправду в своем сближении с Лаврецким, которое началось так безжалостно скоро после получения известия о его вдовстве. Ее слова «я виновата», «наказана», «поделом» - свидетели острого чувства вины.

Лаврецкий искренно видит себя правым, и он действительно по-человечески прав, он поступал порядочно. Однако Лиза оценивает вещи иначе - и говорит, что ей страшно, и что Лаврецкий должен (она именно

это слово употребляет) должен «позаботиться о том, чтобы его простили» - чтобы Бог простил. Если воспользоваться словами старого композитора Лемма, она видит в Лаврецком лукавые мысли, а в себе земные надежды - и судит себя за них.⁸

Бесспорно, именно события, описанные в романе, дают толчок к окончательному принятию Лизой решения. Нам важно отметить, что монашество Лизы Калитиной не есть случайность, необдуманый шаг, искаживший ее образ. Для такой девушки, какой была она, именно этот выбор, это решение естественно. Она сверила его со своим всегдашним Собеседником, «молилась, просила совета» и получила его. Святитель Василий Великий пишет: «Мир и все, что в мире, ничего не значит для того, для кого Бог есть все». Уход от мира не был фальшивой нотой, нарушившей музыку души чистой девушки. Она сама говорит, что уже думала о монашестве не единожды. И если внутренняя ее гармония не была нарушена здесь резким диссонансом, то и в закрытой от нас Тургеневым монастырской жизни Лизы строй этой мелодии должен был звучать по-прежнему, - обретая новую глубину, но не изменяясь в своей сути.

Возвышенный строй такой души, проведеншей в отдаленной обители многие годы и раскрывшейся возможно глубоко и полно, по внутреннему ощущению неотразимо напоминает орловскую схимонахиню Макарию, как ее описывают близкие к ней люди. Те, кому довелось побеседовать с нею, отмечали в ней то спокойствие духа, из которого она черпала слово, дающее силы к преодолению скорбей. В течение многих лет ее уединенная келия, утопающая в кустах черемухи и сирени, была местом, куда люди приходили в поисках утешения и обретали его. Так, беседы старицы совершили «целый переворот» в душе некогда богатой светской женщины, - и та стала монахиней. Действовать так на душу может только слово, исполненное глубокой, «доверчивой» веры. «Самая искренняя привязанность и глубокое уважение сохранились к памяти схимонахини Макарии в стенах обители. Да и неудивительно: по рассказам, она была редкая схимница, строго соблюдавшая монастырский устав, очень требовательная к себе и до самой смерти исполнявшая свой долг относительно окружающих. Это был редкий образец духовного величия».⁹ Схимонахиня Макария поражала своей всецелой устремленностью к небу. Говорили, что «она точно родилась с этой святостью, с таинственной игрой этих струн».¹⁰

Естественность религиозного чувства, строгость к своим поступкам и помышлениям, острое чувство долга - те же черты, что мы видим и в Лизе Калитиной. Сходно также и отношение к смыслу христианской жизни. Лиза часто думает о смерти, - говорит о ней спокойно, с веселым и светлым лицом: «Христианином нужно быть не для того, чтобы позна-

вать небесное... там... земное, а для того, что каждый человек должен умереть». Памятуя об этой конечной проверке, Лиза все совершившееся с нею видит уроком себе и уходит в монастырь, чтобы молиться за себя, за своих родных, за весь мир. Отношение к смерти - краеугольный камень любой религии. Простое требование соблюдения заповедей, нравственного закона низводит религию на степень идеологии или даже этикета, который дает некие предписания, не отвечая на вопрос, для чего они. Лиза простыми словами объясняет, *для чего* нужно быть христианином, - «для того, что каждый человек должен умереть». Так просто она выражает подлинно святоотеческую мысль, что христианство дает знание о смерти и тем самым превращает ее из незнакомца в товарища, - и тогда страх отступает. Изображение гроба в келье схимонахини Макарии призвано было постоянно напоминать ей не об ужасе могилы, а о готовности к переходу. «Ум, отрешенный от земных пристрастий, начинает часто обращать взоры к таинственному переходу своему в вечность - к смерти».¹¹

Преподобный Оптинский старец Варсонофий, рассуждая о высоте монашеского призвания, говорил: «Спасть в миру можно, но вполне убелиться, подняться до равноангельской чистоты, до высшего творчества духовного в миру невозможно, так как весь уклад мирской жизни, сложившийся по своим законам, разрушает, замедляет рост души. Лучшие писатели наши сознавали всю суету мирской жизни и стремились в монастырь. Например, Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Тургенев. Этот последний главную героиню своего лучшего романа «Дворянское гнездо» помещает в монастырь - вспомните Лизу! Шекспир в «Гамлете» высказывает свой взгляд на мир и монастырь. «Мир - это сад, заросший сорными травами». Гамлет говорит Офелии: «Иди в монастырь...» В этом преклонении перед монастырем видно стремление к высшему идеалу, которого желали достигнуть многие поэты и художники...».¹²

Как отмечал церковный писатель Тертуллиан, всякая душа по природе своей - христианка, она жаждет общения с Богом. Но есть люди, которые ощущают это призвание более глубоко и полно - как схимница Макария, как изображенная Тургеневым Лиза, - слышат этот зов и откликаются на него, отдавая себя на служение Господу.

Примечания

1. Первоначальный эпиграф романа.
2. Ср.: Клейнборт Л.М. Дом Калитиных. Их легенд о «Дворянском гнезде» И.С. Тургенева. Машинопись. Л. 26.
3. Преподобный Никон Оптинский. В кн.: Святитель Иоанн Златоуст. К враждующим против монашества. М., 2002. С. 141.

4. Архиепископ Иаков Нижегородский. См.: Цветник духовный. Назидательные мысли и добрые советы, выбранные из творений мужей мудрых и святых. М., 1903. С. 104.

5. Блаж. Августин. Цветник духовный. С. 72.

6. Там же. С. 65.

7. «Если же не по страху наказания, но по отвращению к самым грехам воздержимся от них, то действуем по любви к Владыке своему», - говорит св. Феодор Едесский // Сердце чисто созижди во мне, Боже. М., 1993.

8. Преподобный Нил Синайский: «Всякая надежда, оскорбляющая надежду на Промысел Божий, - нечестие». См.: Цветник духовный. С. 67.

9. Штольдер Е. Схимница Макария (Лиза из романа Тургенева «Дворянское гнездо» // Вестник знания. 1909).

10. То же. С. 34.

11. Творения иже во святых отца нашего Святителя Игнатия, епископа Ставропольского. Т. 1. - М.: Сретенский мон-рь, 1998.

12. Беседы преподобного Оптинского старца Варсонофия с духовными чадами. - В другом месте «Бесед» старец говорит: «Мысли поэта, выраженные в его произведениях, есть исповедь его, хотя часто сам писатель и не сознает этого».

К.А. Седойкина

Дворянское гнездо. «Дом Лизы Калитиной». История, события, лица. Особенности и значение.

«В один зимний вечер 1858 года Тургенев пригласил Некрасова, Дружинина и нескольких литераторов в свою квартиру в Петербурге – Б. Конюшенная, д. Вебера – с намерением познакомить их с новым своим произведением. Он привез «Дворянское гнездо». Это единственный из романов Тургенева, который имел безусловный и шумный успех.»

(Из воспоминаний П.В. Анненкова)

Жилой дом по улице Октябрьской, 1 (бывшей Верхней Дворянской) – единственная постройка, сохранившаяся от большой усадьбы на высоком левом берегу реки Орлик (до середины XIX века – река Орел).

По преданию орловских старожилов, здесь жила в 1840-х годах девушка, ушедшая в монастырь и послужившая прообразом Лизы Кали-

тиной в романе И.С. Тургенева. Поэтому и дом издавна называют «Калитинским».

Усадьба принадлежала Соколовым и была частью усадебной городской застройки, что сложилась в Орле к началу XIX века как основа городских ансамблей, где сочетались быт, природа, архитектура. В один из «больших орловских пожаров», в 1850 году, все постройки усадьбы сгорели.¹

По купчей крепости Орловской Палаты Гражданского суда 7 октября 1854 года вдова титулярного советника Анна Корнеевна Соколова продает «дворовое место с садом жене полковника Марье Ивановне Оберг». Весной начинается строительство. Проект составлен и подписан губернским архитектором Н.П. Лутохиным в марте 1856 года и дополнен чертежами пристроек в июне того же года.² К зиме дом был в основном возведен. Баронессе А.П. Остен-Сакен по купчей 28.04.1858 года усадебное место перешло уже с постройками, на чертежах территория усадьбы соответствует современным очертаниям и включает большой квадратный двор с домом, флигелем, каретными сараями, с конюшней и садом, ограниченным обрывом и оврагом.

В 1855-56 годах город восстанавливался после пожара. Бывая в Орле, по знакомым улицам – Георгиевской, Введенской, Верхней Дворянской – приходил сюда И.С. Тургенев. Тогда же, в начале 1856 года, возник замысел «Дворянского гнезда».

Осенью в письмах из Парижа Панаеву, Лонгинову, Боткину Тургенев сообщает о начале работы над новой большой повестью, в январе 1858 года пишет о ней Некрасову. В ноябре того же года роман «Дворянское гнездо» окончен, опубликован в январской книжке «Современника» 1859 года, воспринят читателями как орловский роман.³

Н.С. Лесков свидетельствует, что в 40-е годы уходить в монастырь у нас, в Орле, было модно (с чего и написана Лиза Калитина у Тургенева), а некоторых своих знакомых орловцы «некогда узнавали в Паншине, Лаврецком...»

В столицах сразу же по прочтении романа стали искать прообразы персонажей «Дворянского гнезда», и прежде всего Лизы. А в Орле складывалась своя легенда, назывались имена женщин с подобной судьбой: Варвара Соковнина, в монашестве Серафима, Александра Соколова – Антония; Кологривова и др. Но более всего воспоминания старожилов связаны с жизнью Евдокии Коротневой, что жила в доме № 1 по Верхней Дворянской.

Коротнева Евдокия Семеновна (1825-1902) - уроженка Орла. В 1842 году, когда происходили события в романе, ей было 17 лет, как и Лизе.⁴ Дальний монастырь приняла Лизу Калитину. В дальний монастырь ушла и Евдокия Коротнева.

Введенский женский монастырь, расположенный по улице Введенской, на углу Болховской, 30 мая 1843 года погорел и более на прежнем месте не восстанавливался. Спустя 5 лет, в 1848 году, был освящен построенный вновь женский монастырь в Орле, на юго-восточной окраине города (где находится и теперь), у Христорождественской церкви. Сюда и вернулась схимонахиня Макария (Коротнева), спустя годы, когда игуменьей была Антония (Александра Соколова). Скончалась Макария 22 апреля 1902 года, похоронена на монастырском кладбище.

Природа и музыка сделали неповторимой и узнаваемой усадьбу на орловской окраине: обрыв реки, заречные дали, слева город и церковные главы; справа, за оврагом, – монастырское поле (церковная земля), где ночью гулял Лаврецкий.⁵

Музыкальное звучание романа также связано с этой частью города. В соседских домах жили музыканты: Клейн, Фененко, Ферхов и другие, Иоганн Вольф – преподаватель музыки. Время его пребывания в Орле совпадает с событиями в романе – конец 1830-х – 40-е годы. Внешне по описанию, составленному по указу губернатора, напоминает Лемма. «Холод, лицо продолговатое, нос прямой, глаза темные, волосы черные с проседью...» В 1847 году ему было 74 года.

Венедикт Флорианович Генчель – еще один вероятный прообраз Лемма, хотя портретного сходства нет. Известный в Орле музыкант, композитор, импровизатор, музыкальный деятель, содержатель музыкального магазина, создатель первого в городе симфонического оркестра. В Орле – с конца 1850-х годов.

4 марта 1859 года усадьбу приобрел старинный приятель Тургенева А.В. Сафонов. Имея дома в Орле, Африкан Васильевич покупает дом в 15-м квартале уже после публикации романа и возникновения заметного интереса к нему орловской публики.

А.В. Сафонов – статский советник, дворянин, сосед И.С. Тургенева по имению (село Сергиевское Мценского уезда).

Известно утверждение потомков Сафонова о близком знакомстве Сафоновых и Тургеневых – события «семейной хроники» сообщил в письме от 9 апреля 1999 года в музей писателя внук Африкана Васильевича – С.П. Сафонов.

Встречи И.С. Тургенева и А.В. Сафонова в Орле в 1850-е годы связаны с их общими интересами в подготовке и проведении земельной реформы, в осуществлении которой Сафонов принимал деятельное участие как посредник полюбовного размежевания земель с 1852-56-го годов, мировой посредник – до 1869 года. Всего 17 лет.⁶

Встреча могла состояться летом 1858 года на Чрезвычайном губернском собрании (письмо Тургенева Фету от 3 июня 1858 года, список прибивших на собрание дворян).

О встрече 1878 года, которая была в доме № 1 по Верхней Дворянской, известно из писем Тургенева служащему земского банка писателю А.А. Брянчанинову в августе и сентябре 1878 года.

В первом письме Тургенев предлагает «провести вечер вместе с Вами и с моим старинным приятелем Сафоновым, которого увижу с радостью...»

Встреча состоялась в Орле, в доме Сафонова. В письме от 25 сентября «... Передайте мой дружеский поклон Африкану Васильевичу...»⁷

Иосиф Каллиников в начале XX века со слов старожилов писал Горькому, что Тургенев посещал «дом и сад Калитиных» и находил в этом саду отдохновение; будто сохранилась скамейка в саду, где любил сидеть Тургенев.

4 июня 1903 года сад был арендован обществом любителей изящных искусств у новых владельцев (В.К. и Л.К. Гермут),⁸ в нем был открыт общественный сад «Дворянское гнездо» и торжественно установлен бюст И.С. Тургенева (скульптор М.М. Антокольский), который не сохранился.

В 1908 году ул. Верхняя Дворянская переименована в Тургеневскую (до 1938 года).

Весной 1889 года, когда впервые пришел сюда юный И. Бунин, дом нуждался в ремонте, менялись владельцы. Спустя 40 лет он напишет в романе «Жизнь Арсеньева» о «давно необитаемом доме с полуразвалившимися трубами». Но в памяти останется «... Лиза..., Лаврецкий..., Лемм...» и страстное желание любви.⁹ Уехав из Орла, Бунин бывал здесь проездом, приходил к обрыву над Орликом в сад Дворянское гнездо. И вновь перечитывал роман Тургенева. В последний раз он был здесь в мае 1915 года. Бывал тут уроженец Пушкирной гимназист Леонид Андреев, любил гулять в саду весенними вечерами. «... За окном рокотал рояль, в аллеях мелькали белые фигуры и звонким смехом обрывали на пол-ноте соловья...» (Л. Андреев. «Весна»).

В 1917 году, приехав в Орел, посетил легендарный дом К.Д. Бальмонт, здесь встречался с молодежью, написал два стихотворения, опубликованных в газете «Голос народа».

Орловским девушкам

*Вы – светлые души. Вы – вольная стая.
Коснешься – и трепет, во взоре – зарницы.
Я старше, но греза моя – молодая.
Я в вечном полете, я в радостях птицы.*

*Вы – в зорях, где пламя, лучей изобилье.
И вдруг я припомнил: Давно уж когда-то
Я с вами был вместе. Мы меряли крылья.
Летели мы к Солнцу. Мы были орлята.*

В «Дворянском гнезде»

*В том доме, где нежная грезил Лиза,
С толпой молодою я медлил попутно.
И мнилось: здесь тихая веяла риза.
Как в прошлом красиво! Как в нежном уютно!*

К. Бальмонт. Орел. 20/IV- 1917 года.

В гостиную у Паррот

Новое имя – и еще одна страница в жизни дома. Почти одновременно с копией публикации (поступила от В.Г. Сидорова) появились новые данные об этой фамилии.

Л.М. Маричева в Московском архиве, в издании «Наше наследие» обнаружила воспоминания некоего Мейера 1918 года. Вот их малая часть: «... В Орле мы чувствовали нити, протянутые к Тургеневу. В самом конце Садовой (или Дворянской) улицы, на довольно крутом обрыве в болотистую широкую долину реки Орлик стоял дом, который описан в «Дворянском гнезде».

В этом доме жила милейшая семья Отто Морицовича Паррота, члена суда, и его четырех сыновей: Владимира, Александра, Сергея, Глеба...» Опустим возможные в воспоминаниях неточности названий и обратимся к документам. Из формулярных списков чиновников орловского окружного суда (ГАОО, ф. 714, оп.1, д. 126) 1897-1898 годов следует: Л. 105 (1) – помощник старшего нотариуса Морис Фридрих Вильгельм Паррот.

Л. 23 об.-24. – Морис Оттович Паррот, коллежский советник, судебный следователь 2-го участка г. Орла.

В списке владельцев усадебных мест (ф. 593, оп. 1, д. 1056) 1906 года: Верхняя Дворянская ул. д. Гермут. Живет Паррот Мориц Оттович, титулярный советник, 35 лет, в службе в суде с 1905 года.

В Памятных книжках Орловской губернии на 1916-17 годы также указаны:

- Паррот Морис Оттович – статский советник, товарищ председателя окружного суда (с. 63, 67).

Живет : Верхняя Дворянская, д. Гермут.

- Паррот Владимир Морисович – кандидат на судейскую должность. (с. 64, 68).

- Паррот Шарлотта Оттовна – классная дама¹⁰ Александринского института. Живет при институте (с. 66, 70).

Семья Паррот жила в доме Гермут более 20 лет. Гостиная размещалась в одноэтажной части дома (парадный вход с улицы), была удобной для творческих встреч и вечеров. Дом, в котором было много молодежи, стал своеобразным музыкальным и поэтическим центром, где сохранялись традиции усадебной культуры, высокая нравственность и патриотизм, помнили Тургенева, воссоздавали атмосферу романа и даже интерьер.

Впечатление о встрече Бальмонта с молодежью в этом доме описал орловский поэт Евгений Сокол.

В Дворянском гнезде.

К. Д. Бальмонту

*В гостиной грустили тени былого,
Сплетаясь со строчками ваших стихов.
Казалось – воскресло минувшее снова
В волшебности ваших изысканных слов.*

*Гляделися в окна унылые дали, -
Ряды оживающих лип и берез...
И плакало струнное сердце рояля
Может быть Леммовской бурей слез.*

*А девичий смех, как весна шаловливый,
Будил сновиденья портретов седых.
И вы, со своею лучистой гривой, -
Как Солнце вы были, как солнце средь них...*

*И плавали, плавали милые тени
В волшебности ваших изысканных слов.
И мнилось: чуть слышно дрожали ступени
Под легкостью Лизиных тихих шагов.*

(1917)

Гревс Иван Михайлович (1860-1941), известный историк литературы, профессор Петербургского (Ленинградского) университета, летом 1928 года приехал в Орел в поисках тургеневских святынь глубинной России. Гость записал в своем дневнике: «... Окно в комнате Лизы... Веранды теперь нет, и садовый фасад застроен... Дом, расположенный напротив, также очень типичная барская усадьба., претендует на звание

оригинала «дома Калитиных». Это – оригинальнейшие «дворянские гнезда». Замечательно сильный уголок Орла».¹¹

Великая Отечественная война. Август 1943 года. Освобожден Орел. Из фронтовой хроники Якова Хелемского: «... Запах гари смешивался с печальным ароматом сухих лепестков, свернувшихся не столько от зноя, сколько от бесчисленных пожаров. Тянуло свежестью – где-то за садами, под кручей, изгибался Орлик. Улица издавна входила в заповедный уголок Орла, который старожилы привыкли называть «Дворянское гнездо...»¹²

Фронтовой корреспондент, поэт, спустя 100 лет после событий, происходивших в романе, среди развалин отыскивал место усадьбы, где родился Тургенев, музей писателя, «калитинский дом».

В 1968 году отремонтирован дом, приведен в порядок сад, вновь открыт бюст И.С. Тургенева работы скульптора Г. Бессарабского (вместо разбитого в 1919 году), над обрывом сооружены беседка и видовая площадка с балюстрадой (архитекторы С. Аганова и О. Левитский).

Ремонт дома в 1988-93 годах производился одновременно с новой реконструкцией и расчисткой сада, устройством водоотвода и укреплением склона (при активном участии и под наблюдением Ю.В. Семеняко). Установлен памятный знак.

В 1980-е годы в «Письмах о добром и прекрасном» академик Д.С. Лихачев, вспоминая свое пребывание в Орле, выразил надежду на сохранение «маленьких домов с садами» в заповедной зоне, особенно «в той его части, где происходило действие “Дворянского гнезда” Тургенева, чтобы люди будущих веков могли увидеть живую эпоху “великого русского реализма...”».

Леонид Николаевич Афонин, писатель, ученый, педагог, исследуя легенду и быль «Дворянского гнезда», писал: «... Попробуйте себе теперь представить наш Орел без «дворянского гнезда», без «дома Калитиных». Трудно это, невозможно, нельзя. И беречь надо эту легенду, охранять этот, пожалуй, самый поэтический уголок Орла – старинные липы, воспетый поэтами обветшавший домик, крутой обрыв, откуда так хорошо смотреть изумительные заорлицкие дали...»

Владимир Алексеевич Громов, литературовед и краевед, профессор Орловского университета, называет «дворянское гнездо» наиболее поэтической и самой «тургеневской» частью нашего Орла... Это не только одно из достояний мировой культуры. «Но для нас, земляков великого художника слова, еще и пробный камень патриотизма, нравственности, нашей духовности, наконец».

Дом, сохранившийся как национальная святыня с начала XX века, не может и не должен исчезнуть в XXI веке. А для этого необходимо восстановить

его первоначальный вид, сделать муниципальной собственностью, вернуть ему право визитной карточки Орла, объекта культуры и туризма. Видовую площадку и сад оградить, благоустроить, упорядочить. Для начала есть проект 1855 года (архитектор И. Лутохин). Дом жилой П-образный, размещен по красной линии ул. Октябрьской главным фасадом. Состоит из трех объемов: основного одноэтажного дома и двух пристроек со двора: одно и двухэтажной. В одноэтажном главном доме была простая четкая планировка, с разделением входов: парадного с улицы через светлый вестибюль и хозяйственного со двора. Выделялись: зала с 6-ю окнами, гостиная, столовая. Внутренний коридор, объединяя группу жилых помещений, имел выход в сад. Со стороны сада была остекленная веранда, у которой сходились аллеи. В двухэтажной части были комнаты членов семьи, помещения для гостей, девичья, кабинет. В одноэтажной пристройке: хозяйственные и жилые помещения, комнаты для занятий.

В XX веке это был многоквартирный дом с ограниченными удобствами, значительно перестроенный в послевоенные годы.¹³

Первоначально дом деревянный, рубленый, обшит тесом, с имитацией пилястр и антаблемента дорического ордера, цоколь кирпичный, оштукатуренный, на обгорелых в 1850 году каменных фундаментах.

С улицы – деревянное крыльцо. Угловые изразцовые печи в настоящее время утрачены. Фасад оштукатурен. Большие прямоугольные окна обрамлены широкими наличниками, упрощенными в последнее время.¹⁴

Накоплен большой исследовательский материал по дому. На основе обмеров 1946 и 1986 годов составлены планы (хранятся в бюро технической инвентаризации). Сохранены основные размеры и конструктивная схема дома.

Есть проектное предложение, составленное архитектором Э.В. Шуругиной, как вариант использования и благоустройства дома (1999 г.), с восстановлением внешних деталей и тесовой обшивки.¹⁵

В возрождении старинного историко-литературного места в нашем городе можно было бы использовать проект реконструкции Верхне-Дворянской улицы и исторической среды всей территории заповедной зоны, в том числе и квартала 22 (литературных музеев) – архитектор, автор проекта, дизайнер Е.В. Маслова – выпускница Новгородского архитектурного института. Эта работа – ее реальный дипломный проект, выполненный под руководством опытных консультантов, - содержит интересные предложения по современному дизайну в исторической городской среде.

Возможны варианты использования дома.

Памятник имеет литературно-историческое и архитектурно-градостроительное значение как образец городской усадебной застройки XIX века и памятник литературным героям «Дворянского гнезда». Он связан с проживанием здесь Евдокии Коротневой - прообраза Лизы

Калитиной и посещением его И.С. Тургеневым, К. Бальмонтом и другими известными людьми.

И пусть живет «Калитинский дом» в новом столетии, и пусть расцвет сад, наполненный птичьими голосами, смехом, музыкой, цветами и чистотой.

Примечания

1. Гос. архив Орловской обл. (ГАОО): ф. 593, оп. 1, ед. хр. 518 (Планы Орла 1862, 1903).

2. ГАОО: ф. 22, оп. 2, ед. хр. 966 (проект на постройку деревянного дома Оберг).

3. Тургенев И.С. Письма в 18 т. Т. 3. М., 1987. С. 132, 144, 165.

Анненков П.В. Литературные и житейские воспоминания. М., 1989. С. 398-400.

4. Афонин Л.Н. Легенда и быль «Дворянского гнезда» // Рассказы литературоведа. Тула, 1979. С. 32, 33, 37-41.

5. Тургенев И.С. Дворянское гнездо // Собр. соч. Т. 2. М., 1958. С. 141, 243-251.

6. ГАОО: ф. 593, оп. 1, д. 618, л. 36 об. (усадебная принадлежность Сафонову с 24 февраля (ст. ст.) 1859 года до середины 1880-х годов XIX века – Иванова Л.В. Еще к истории «Дома Калитиных» в Орле // Тургеневский ежегодник. Гослитмузей И.С. Тургенева. Тургеневское общество в Орле. Орел, 2001. С. 97-99.

7. Тургенев И.С. Письма. Т. 12. – М.-Л.: Наука, 1966. – С. 343, 354.

8. ГАОО: оп. 2, ед. хр. 938 (План части усад. места Гермут).

9. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Тула, 1985. С. 175.

10. ГАОО: ф. 714, оп. 1., ед. хр. 126 (Формулярные списки чиновников Орловского окружного суда 1897-1898 г.г.). Памятные кн. Орловской губернии 1897-98 г.г, 1916-17 г.г. (Паррот).

11. Громов В.А. Где нежная грезилась Лиза // Орловская правда, 1990, 4 ноября. С. 2.

12. Хелемский Я. На темной ели звонкая свирель // Хроника из 3-х частей. М., 1983. С. 159-160.

13. Седойкина К.А. Дворянское гнездо. Конец XX века // Тургениана, сборник статей и материалов Гослитмузея И.С. Тургенева. Орел, 1999. С. 239-248.

14. Там же. С. 239-248.

15. Шуругина Э.В. Проектное предложение использования и благоустройства «Дома Калитиных». 2000. НПЦ.

«Украшивший сад общества бюст И.С. Тургенева...»

В последний месяц весны и первый летний месяц 2003 года литературная общественность города и области отметила столетие со дня открытия в Орле общественного сада «Дворянское гнездо» и первого в нашем городе скульптурного памятника И.С. Тургеневу. Это стало возможным благодаря усилиям Общества любителей изящных искусств, которое вошло в историю тем, что достойно отметило двадцатую годовщину со дня смерти И.С. Тургенева и 45-летие его самого орловского романа «Дворянское гнездо».

Местом для установки памятника-бюста писателю была избрана усадьба, которая во второй половине 1850-х годов (роман, напомним, написан в 1858 году) принадлежала полковнице М.И. Оберг. Расположенная в самом начале Верхней Дворянской улицы, на крутом орлицком обрыве, она в сознании жителей города всегда связывалась с местом действия тургеневского романа.

В конце 1870-х годов, когда владельцем «дома Калитиных» был известный в губернии деятель крестьянской реформы А.В. Сафонов, к нему приходил в гости Тургенев, называвший Африкана Васильевича «своим старинным приятелем». А в начале 1900-х годов усадьба перешла в руки В.К. Гермут.

Именно тогда у членов Общества любителей изящных искусств созрело решение об увековечении памяти автора «Дворянского гнезда» в его родном городе. Само Общество располагалось в доме Рот на Болховской улице (ныне улица Ленина, 11). Старшинами его являлись В.Н. Кошеверов и В.В. Гурецкая. Музыкальным отделом руководила Р.И. Гох.

Учитывая, что в губернском городе не было детского парка, Общество любителей изящных искусств в апреле 1903 года – в преддверии 20-летней годовщины со дня кончины писателя – сняло у Гермут в аренду сад для того, чтобы в нем сначала выстроить открытую сцену, деревянную дорожку для игры в кегли, «гигантские шаги» и другие приспособления для детских развлечений, а затем установить бюст любимого писателя.

Пристального внимания заслуживает пространная информация, появившаяся 2 мая 1903 года на страницах «Орловского вестника»: «Орловское общество любителей изящных искусств, расширяя свою деятельность, решило открыть свой сад, сосредоточив в нем детские игры, отсутствие которых составляло большой пробел в жизни Орла. С удовольствием отмечаем, что это решение в настоящее время на-

званным обществом осуществляется. Обществом снят сад г-жи Гермут, находящийся на Верхне-Дворянской и Набережной реки Орлика и известный под именем «Дворянское гнездо» по роману того же названия И.С. Тургенева...»

Далее подробно рассказывается о том, что ожидает жителей и гостей города после открытия нового публичного сада, предназначенного как для детских игр, так и для культурного отдыха взрослых. Читая газетную заметку столетней давности, невольно вспоминаешь слова из старинной арии: «В старину жилали деда веселей своих внучат...»: «Утром и вечером в саду будут устраиваться ежедневно детские игры под наблюдением старшин общества М.А. Аблецовой, В.В. Бурецкой, преподавательницы С.А. Дубровиной и преподавателя Л.М. Жисалкина. На открытой сцене в саду членами общества драматического отдела будут исполняться комедии и водевили, а также будут устраиваться детские спектакли; членами же общества музыкального отдела под управлением Р.И. Гох будут устраиваться на мандолинах, кухонных инструментах и балалайках музыкальные вечера и концерты.

По праздникам и четвергам в саду имеют быть танцевальные вечера и гулянья при духовом оркестре 142 пехотного Звенигородского полка. Во время праздничных гуляний сад будет декорирован и иллюминирован и будет сжигаться фейерверк (как и в наши дни, в 10 часов вечера. – В.В.) под наблюдением старшины общества В.Н. Кошеверова. В саду будут устроены чайный буфет и павильоны с продажей молока, чая, пива, фруктовых вод, десерта и холодных закусок. При саде на реке Орлике для катанья будут лодки...»

В конце заметки идет речь о том, что «члены Общества и их дети пользуются правом входа в сад бесплатно», а посторонние, если не хотят взять за шесть рублей сезонные билеты, должны покупать разовые билеты по 20 копеек. Учащимся и детям, которые до 15-летнего возраста допускались лишь «в сопровождении няни, бонны или гувернантки», предусматривалась 50-ти процентная скидка.

Открытие сада и первые гулянья в нем состоялись 4-го, 6-го и 9-го мая 1903 года. Они привлекли «довольно большое количество публики». На последнем гулянье было свыше двухсот детей, «уходящих из сада с радостными возбужденными личиками». Лишь музыка еще не удовлетворяла взрослых посетителей.

Одновременно велись подготовительные работы по установке памятника-бюста знаменитому земляку, который «некогда находил в этом саду отдохновение и черпал в нем вдохновение для своего “Дворянского гнезда”». Наконец, время его открытия было назначено на 1 июня.

По сообщению «Орловского вестника», в этот день должно было состояться «большое гулянье, во время которого последует открытие бюста И.С. Тургенева, являющегося копией с оригинала работы Антокольского» (бюст был создан в 1880 году). Но из-за непредвиденных обстоятельств открытие бюста писателя перенесли на три дня. 7 июня газета извещала своих читателей: «4 июня в саду Общества любителей изящных искусств состоялось торжественное открытие бюста нашего великого земляка И.С. Тургенева (копия работы Антокольского). На открытии не было ни шаблонных речей, ни громко звучащих фраз. Зато оно отличалось простотой и торжественностью. Украсивший сад Общества изящных искусств бюст И.С. Тургенева был осыпан цветами и венками. Публики на открытии, к сожалению, было не особенно много».

На выполненном тогда плане города был обозначен и сопровождается надписью контур района «Дворянское гнездо». Расположенный в 15-м квартале, этот район ограничивался Верхней Дворянской, продолжением улицы Введенской (7-е Ноября), берегом Орлика и оврагом.

В 1908 году, в год 90-летия автора «Записок охотника», улицу Верхнюю Дворянскую, ведущую к его бюсту и «дому Калитиных» переименовали в Тургеневскую. Через десять лет, во время братоубийственной гражданской войны, тургеневский бюст работы М.М. Антокольского исчез, а сад «Дворянское гнездо» прекратил свое существование.

Только полвека спустя, 4 ноября 1968 года, накануне 150-летнего юбилея великого русского писателя, была проведена большая работа по благоустройству района «Дворянское гнездо». На орлицком берегу, чуть ниже отремонтированного «дома Калитиных», установили бюст И.С. Тургенева работы московского скульптора Г.П. Бессарабского, белую каменную ротонду и балюстраду, красиво опоясывающую обрыв со стороны Октябрьской (бывшей Верхней Дворянской) улицы.

100-летию открытия в Орле общественного сада «Дворянское гнездо» и бюста И.С. Тургенева были посвящены состоявшиеся в июне XIII Тургеневские чтения на тему «Дворянское гнездо: взгляд через столетие». В ней приняли участие профессор ОГУ Г.Б. Курляндская, кандидат филологических наук Г.А. Тюрин, монахиня Орловского Свято-Введенского монастыря Екатерина, архитектор К.А. Седойкина, музейные работники В.В. Сафронова, Е.Н. Левина, А.Т. Молозева, Л.В. Иванова и другие.

Хотя в докладах и сообщениях освещались различные аспекты рассматриваемой проблемы, в каждом из них была выражена озабоченность за судьбу «дома Калитиных», в высвободившейся части которого 9 октября 2000 года Городское ЖРЭО разобрало изразцовые печи, вынуло оконные рамы и сняло двери. И хотя с того варварского акта прошло око-

ло 5 лет, никто из виновных не понес наказания, а дом, в котором бывал Тургенев и куда он поселил главную героиню «Дворянского гнезда», до сих пор стоит с кое-как забытыми окнами и дверьми. Одно из главных достопримечательных мест Орла и неперенный объект туристского показа до сих пор пребывает в полном разорении...

При подведении итогов конференции, посвященной столетию открытия в городе Тургенева общественного сада «Дворянское гнездо», было высказано поддержанное всеми предложение – подготовить от имени участников Тургеневских чтений обращение к городским властям, в котором решительно потребовать принять срочные меры по сохранению для потомков всемирно известного «дома, где нежная грезил Лиза».

IV

Наши публикации

*Г. А. Белоуско. Эскиз декорации к спектаклю по роману
И. С. Тургенева «Дворянское гнездо». 1941 год.*

Лев Михайлович Клейнборт (1875–1950)

«Собранный Л.М. Клейнбортом фактический историко-литературный материал не может быть переоценен, потому что навсегда ляжет основой будущих исследований историков <...> литературы <...>»

Константин Федин

В 1965 году в Музей Тургенева пришло письмо от М.М. Клейнборта, который сообщил о хранящихся у него рукописях его брата, писателя Льва Михайловича Клейнборта, касающихся жизни и творчества И.С. Тургенева, его восприятия читателями 20-х – 30-х годов XX века.

Приводим отрывки из этого письма:

«Клейнборт Л.М. – профессиональный литератор, свою литературную деятельность начал в 1902 году и печатался на протяжении пятидесяти лет в журналах и книгах отдельными изданиями.

Клейнборт Л.М. печатался в дореволюционных журналах: «Новая жизнь», «Вестник жизни», «Мир Божий», «Народное хозяйство», «Современник», «Журнал для всех», «Современный мир» и др. <...>

Клейнборт Л.М. многие годы печатался в журналах после Октябрьской революции – «Былое», «Голос Минувшего», «Красная Новь», «Культура и революция», «Каторга и ссылка», «Жизнь и искусство» <...>, в сборниках «Никитинские Субботники» и других многочисленных литературных изданиях <...>

В журналах дореволюционного периода – «Образование», «Современный Мир», «Вестник Европы», «Новая жизнь», «Северные записки» – были напечатаны его многочисленные статьи о пролетарских и крестьянских писателях, только начинавших свой путь <...> Это: Новиков-Прибой, Есенин, Янка Купала, Якуб Колос, Всеволод Иванов, Неверов, Чапыгин <...>

Клейнборт Л.М. за многие годы литературной деятельности часто общался с видными писателями и напечатал ряд воспоминаний о них (Максим Горький, Леонид Андреев, В.Г. Короленко, Новиков-Прибой, Янка Купала и др.) <...>. (ОГЛМТ. Материалы к комментарию воспоминаний В.В. Ладженской об И.С. Тургеневе. Оп. 2. д. 478. 1964-1966, с. 12-14).

О Клейнборте можно получить сведения: Краткая литературная энциклопедия. Т. 3. М.: Изд. «Советская энциклопедия», 1966. С. 595; Биографический словарь «Русские писатели, 1800-1917». Т. 2. М., 1992. С. 549-550.

Интересен обзор литературной деятельности Клейнборта в журнале «Русская литература», СПб., 2003, № 1. С. 186-189.

Но о Клейнборте-тургеневоде, кажется, до сих пор мало кому, кроме орловцев, известно.

Кроме цитированного выше письма брата о Клейнборте-тургеневоде, известны статьи А.И. Понятовского, Е.Н. Левиной. Обе работы касаются воспоминаний В.В. Ладыженской об И.С. Тургеневе, записанных Л. Клейнбортом в Орле в 1930-е годы.

С начала 1970-х годов, когда особенно остро встает вопрос о судьбе самого знаменитого литературного места в Орле, известного под названием Дворянское гнездо, все чаще и чаще вспоминают имя Льва Клейнборта. В эти же годы на орловском радио выступил замечательный орловец, литературовед, музейный работник и краевед Л.Н. Афонин со своими находками и размышлениями о судьбе места, которое для орловцев особенно дорого, о легенде, поселившейся здесь, над Орликом, Лизу Калитину. В исследовании истоков появления этой легенды Афонин обратился к труду Клейнборта «Дом Калитиных. Из легенд «Дворянском гнезде» И.С. Тургенева». Л.Н. Афонин первый процитировал эту работу литературоведа.

В фондах музея Тургенева хранится переписанное Л.Н. Афониним исследование Клейнборта (ОГЛМТ, оф. 7841/20).

Благодаря этой передаче возрос интерес к теме, особенно после смерти Л.Н. Афонина, когда стараниями тургеневода В.А. Громова и писателя-краеведа В.М. Катанова вышла книга: Л. Афонин. «Рассказы литературоведа» (Тула: «Приокское книжное издательство», 1979), куда вошел текст радиопередачи «Легенда и быль «Дворянского гнезда»».

В последующие годы многие орловцы обращались и обращаются к Клейнборту: это и сотрудники музея Тургенева, и краеведы, и знатоки творчества нашего великого земляка...

Особенно хочется отметить большую статью В.Г. Емельянова «Лиза Калитина и орловские реалии (к вопросу о прототипе)», напечатанную в журнале «Филологические науки» (М.: «Высшая школа», 1985, № 1. С. 72-77).

Автор ее, исследуя «вопрос, является ли Лиза Калитина лицом вымышленным, или же ее история соответствует судьбе какой-то реальной девушки, жившей в Орле <...>», обратился и к творческому поиску Л.М. Клейнборта.

Сам же труд Клейнборта, цитируемый неоднократно орловцами и письменно, и устно, до сих пор не опубликован.

С этого выпуска «Тургеневского ежегодника» мы начинаем публикацию работы Л.М. Клейнборта о Дворянском гнезде и «доме Калитиных» в Орле. В тексте исключены частично цитаты, взятые Клейнбортом из

других письменных источников, с сообщениями о возможных прообразах героини романа - не орловчанках.

Целиком выпущены воспоминания бывшего орловского гимназиста и краеведа К.Н. Никитина о его взгляде на данный вопрос (его рукопись хранится в нашем музее и ждет, как и другие интересные работы орловцев о Дворянском гнезде, отдельной публикации с серьезными комментариями). В остальном редакторская правка незначительна: мы стремились сохранить в этой публикации своеобразие авторского стиля.

Л. В. Иванова

Л. М. Клейнборг

Дом Калитиных Из легенд о «Дворянском гнезде»

I

«Весенний <...> день клонился к вечеру, ... небольшие розовые тучки <...> казалось, не плыли мимо, а уходили в самую глубь лазури... Перед раскрытым окном красивого дома в одной из крайних улиц губернского города О. <...> сидели две женщины»... Помните? Так начинается «Дворянское гнездо», роман о дворянской грусти, о девичьей покорности року, прозвучавший мелодией старого Лемма.

Дело происходило в 1842 году. Следы же человеческой жизни глухнут скоро, по словам романиста. Однако и сто лет спустя, когда я стою на краю Верхнедворянской, ныне Тургеневской¹ улицы, так же день клонится к вечеру и весенние тучки высоко стоят в небе. Даже две женщины сидят у открытого окна...

Это – дом и сад, описанные Тургеневым, по мнению старожилов города Орла. Это здесь, оказывается, у этих вот раскрытых окон, сидя за фортепьяно и аккомпанируя сам себе, пел Паншин свой романс: «Луна плывет высоко над землею», а наверху – в комнате Марфы Тимофеевны сидел Лаврецкий в кресле, а старушка, молча, при свете лампадки, висевшей перед старинными образами, гладила по его волосам. Это здесь – неподалеку от Калитиных – проживал и Лемм, поклонник Баха и Генделя.²

Ныне в этом доме, с фасадом, окрашенным в белый цвет, живут посторонние жильцы. Дом запущен. От фундамента до крыши все обветшало.

Осмотр возможен лишь снаружи. И я вхожу – через калитку – во двор, а со двора – в сад. Поднимаюсь круто над обрывом. Пахнет молодой травой. Липы стоят хмурой ратью, точно прислушиваясь к чему-то. Тихо.

Ветерок вздохнет – будто травинки зашепчутся о чем-то на девичьей могиле. На повороте, где весь дом глядит своей задней стороной, я натыкаюсь на надписи, сделанные карандашом. «Тургенев – первая влюбленность», - читаю я. А то целые четверостишия:

*Как хороши, как свежи были розы,
Что в Спасском-Лутовинове цвели...
Но их уж нет... Высокие березы
Печально клонят ветви до земли...*

Далее – зеленые бока обрывов, с которых вся окрестность, как на ладони.

II

С одной стороны – обнаженная равнина, подальше – часть железно-дорожного пути. С другой – река Орлик, плещущаяся в кудрявых берегах. Звенит зыбь, ударяя о борта лодок в ветреную погоду. Тогда шорох стоит по всей реке.

Зелено, просторно... Хотя это и уголок города Орла, но самый пейзаж навевает что-то усадебное, охватывает вас медлительным созерцанием, и думаешь ты сам о том, память о чем уже сгладилась в нынешнем поколении. Орловцы так и называют эту поэтическую принадлежность города «Дворянским гнездом».

«Вы знаете, чей это дом? - спрашивают вас, приезжего, и, не дожидаясь ответа, объявляют: - Калитиных»...

Да, да, это дом Калитиных, из которого ушла Лиза из «Дворянского гнезда». Здесь же, по соседству, - на углу Борисоглебской и Георгиевской - место, где родился автор романа.³

Кажется, мы уже так далеко отошли от келейки, в которую похоронила себя Лиза Калитина. Но этот образ, от которого в такой степени веет Нестеровским, старо-русским, здесь переходит из уст в уста. Здесь расскажут вам не только про жизнь, но и про смерть тургеневской героини, чего нет в самом романе.

- Мать моя была директрисой института, - рассказывает мне дама, живущая по соседству с этой усадьбой. - Одна из ее учениц, как и Лиза, ушла в Введенский женский монастырь. И вот, помню, пришла она как-то к маме и говорит: сегодня хоронят Лизу Калитину. Помните, что Тургенев описал.⁴

Нити, таким образом, ведут из «дома Калитиных» в Орловский женский монастырь, где Лиза похоронена на монастырском кладбище. Железная

ограда и могильная плита, крест и на кресте дощечка с надписью. Чье же имя значится на этой дощечке? Увы! Рука времени легла и на это кладбище, как и на дом и сад, о которых у нас речь. Монастырь, конечно, упразднен.⁵ Лишь монастырские стены да башенки еще свидетельствуют о своеобразной обители, религиозной общине с немалым хозяйственным размахом. Собор снесен. Снесены и могильные ограды, могильные плиты. Кто придет сюда на могилу «Лизы Калитиной», напрасно станет искать ее на Введенском кладбище. Ни креста, ни дощечки с надписью не осталось уже над прахом ее.

III

К сожалению, этот интерес, эти смутные воспоминания о связи «Дворянского гнезда» с Орлом не выходят их рамок разговоров. Нахожу заметку о доме Калитиных в «Орловском вестнике», напечатанную двадцать лет назад. Но ничего, кроме признания факта, в ней нет. Не далее простого констатирования идут «Материалы для описания Орловской губернии», «Орловский Календарь» и т.д.

Из этих источников я узнаю, что предание о Лизином доме сложилось тотчас по появлении романа в печати, что прототипом Калитиных была семья Коротневых, Лизы же – их дочь Евдокия Семеновна. Узнаю, что в одно время в этом доме помещалось Общество любителей изящных искусств, потом детский сад.⁶ Узнаю, что – в связи с ним – Верхнедворянская улица, где старое дворянство имело такие удобные и уютные особняки на зимние выезды из деревни, переименована, по предложению члена управы Талызина, в Тургеневскую. Однако, доказательств никаких. <...>

IV

<...> По отношению же к Коротневой ни дневников, ни писем, подчас в такой степени насыщенных духом времени, подлинной реальностью лица, нет. Это, конечно, не решает вопроса о «доме Калитиных» в Орле.

Тургенев сам подтверждал, что, изображая героиню «Дворянского гнезда», он следовал натуре, действительному случаю. «Я теперь занят большой повестью, - писал он графине Ламберт в 1857 году, – главное лицо которой – девушка, существо религиозное. <...> Я был приведен к этому лицу наблюдениями над русской жизнью». Это о Лизе Калитиной. Такова уже вообще была природа Тургеневского таланта. Он держался пережитого, виденного, прямых личных встреч действительности. Трудно указать хоть один образ писателя, в котором не играло бы роль наблюдение, подлинно-бытовая натура. Даже в деталях Тургенев верен виденному, наблюденному. Что же удивительного, если в «Дворянском гнезде» он обращал случай в картину!

Портретность персонажей «Дворянского гнезда» частично установлена. В родословной Лаврецкого автор давал собственную родословную, в Варваре Павловне он рисовал А.Я. Головачеву-Панаеву и т.д. Почему же Лиза Калитина не могла быть Евдокией Коротневой, проживавшей сто лет тому назад на Верхнедворянской улице? Но в том-то и дело, что автобиографическая канва писателя не дает ни намека на эту связь. Коротневы... Схимонахиня Макария... Вяземский или Введенский женский монастырь... Можно с уверенностью сказать, что ни в одном из биографических документов, опубликованных до сих пор, нет ничего такого.⁷ Вообще, хотя Спасское-Лутовиново расположено по соседству с городом, указания на связь Тургенева с Орлом и орловским обществом тех лет скудны.

Между тем, с каким чувством подходит поколение за поколением к этому дому над Орликом, как туманились очи и мякло сердце при виде этих лип, этой скамеечки, на которой будто бы сидели Лиза и Лаврецкий, этой могилы на кладбище монастыря!

<...>

VIII

Я назвал уже схимонахиню Макарию, в миру Коротневу. Но было время, когда прототип Лизы видели, по преимуществу, в настоятельнице монастыря, матушке Антонии, в миру Соколовой. История, приведшая ее за стены монастыря, была такова. Она была помолвлена с человеком, которого любила, о котором мечтала, как мечтают молодые девушки. И вот бал накануне их свадьбы. Он танцует с ней на этом балу вальс. И вдруг музыка обрывается, танцоры мечутся в панике. Что случилось? А случилось вот что. Вдруг этот здоровый, сияющий радостью жених падает замертво в разгаре танца и умирает по невыясненной причине. Этот случай производит такое впечатление, что она – тотчас после этого – решает постричься в монастырь. И молва именно ее производит в героиню «Дворянского гнезда».

В самом деле, Соколова знала Тургенева. У нее в келии даже висели виды Спасского-Лутовинова, портрет, который ей подарил сам писатель. Однако, матушке Антонии для героини не хватало главного: она не проживала в «доме Калитиных».⁸ <...>

Последним же владельцем «Дворянского гнезда» был Гермут. Гермут купил его у немца Миллера, Миллер у дворян Сафоновых и т.д.

Соколовы, из семьи которых происходила настоятельница Введенского монастыря, в числе владельцев его не значатся. Но им владели, по словам старожил, в те годы, к которым относится роман, Коротневы, помещики Елецкого уезда. У Коротневых была дочь Евдокия Семеновна.

Это – схимонахиня Макария, скончавшаяся в 1902 году. Вот с этой-то Коротневой и связано предание о «доме Калитиных», эта-то Коротнева и оставила какие-то неизгладимые временем следы в сердцах тех, кто интересуется историко-бытовым происхождением романа.

Конечно, ежели Тургенев и изображает характер, встреченный им в действительности, превращает случай, ему представившийся, в картину, то не надо забывать, что перед нами артист. Он не столько рассказывает, сколько показывает, реконструирует чувства и мысли современника. Все, что давала ему действительность, было не более, чем намеки на поэтическую картину, художественный персонаж. В этом смысле намеки на возможность тех или иных натур могут быть ценнее, чем подлинные образчики таковых. Однако, этой возможности, этому психическому ритму, осуществляющемуся в романе, предшествуют данные для понимания той или иной стороны этого ритма. А данных-то мы и не видим ни у дома Гермута, ни у схимонахини Макарии.

IX

Может быть, сверка с текстом романа может что-нибудь дать? Очевидно, и сверка с романом может иметь лишь случайный характер.

Из «Дворянского гнезда» мы узнаем, что действие происходило в одной из крайних улиц губернского города О., где бывший губернский прокурор Калитин – отец Лизы – приобрел дом, что при доме находился большой сад, одной стороной выходящий прямо в поле, что в саду преобладали молодые липы. Аллеи же вели к веранде. Все это совпадает с местоположением усадьбы по Верхнедворянской улице губернского города Орла. Вход со двора. Окна на улицу. Не то, однако, находим мы в деталях.

Молва утверждает, что это «тот самый дом», который описан в романе. Ежели это так, то дом должен был быть построен по крайней мере 90 лет тому назад. Для деревянного дома это возраст весьма солидный. Действительно, дом древний. Но стоит войти в него, чтобы убедиться, что он не повторяет дома Калитиных. Последний, судя по роману, состоял из верхнего и нижнего этажа. Внизу помещались кабинет, спальня, приемная, гостиная, зал с дверью в сад, из которой Лиза, «вся белая, легкая, стройная», шла навстречу Лаврецкому в тихую лунную ночь. Вверху же комнаты Марфы Тимофеевны и ее компаньонки и небольшая комната Лизы «с белой кроваткой, с горшками цветов по углам и перед окнами, с распятием на стене». Таким образом, в доме было не более десяти комнат. Здесь же – в доме Гермута, тоже двухэтажном, – я насчитал в одном нижнем этаже не менее 10 комнат. Разумеется, само по себе число комнат не говорит ни за, ни против. Одни уплотнения наших дней могли изменить

распределение жилищной площади до неузнаваемости. Но дело не в распределении комнат. Видимо, капитальные изменения имели место в доме, что и подтверждается владельцами усадьбы.

То же приходится сказать про сад. Сравнительно с садом, описываемым в романе, он невелик. В самом деле, еще на памяти старожилов он был неизмеримо обширнее, тянулся далеко за прилегающие сейчас обрывы.

Что касается лиц, то из сопоставления с романом можно извлечь еще меньше, чем по отношению к дому и саду, о которых речь. Можно лишь отметить, что Лиза Калитина родилась в 1823 году, Коротнева – в 1825 году, что первая отеклась от жизни в миру 22 лет, Коротнева – 20 лет, уйдя, как и Лиза, сперва в отдаленный монастырь – Вяземский. Лишь позднее перевелась она в Орловский. Роль Лаврецкого приписывают болоховскому помещику Н.П. Барышникову, позднее члену управы, уездной земской управы. Это в его имение будто бы приезжали Мария Дмитриевна с Лизой. Но сам Барышников отрицает свою вхожесть в «дом Калитиных», как и свое знакомство с автором «Дворянского гнезда». И может ли быть иначе? Копировка, прообраз произведения искусства идет не далее первоначальной черновой работы. Все остальное – уже продукт замысла, творческого преображения писателя.

Конечно, сверка с текстом романа имела бы более существенный характер, если бы лица, с которыми отождествляются персонажи романа, что-либо рассказали о себе. Но этого-то и нет. Прислужница монахини Макарии, послушница Мария подтверждала слухи о «Дворянском гнезде». Сама же Коротнева, переведясь в Орловский монастырь, ушла в затвор, запечатав свое уже невозвратное прошлое печатью молчания.

Примечания

1. Верхняя Дворянская (Верхне-Дворянская, Верхнедворянская) улица в 1908 г. переименована в улицу Тургенева (Тургеневскую), в 1838-м – в Октябрьскую улицу.

См.: В.Г. Емельянов. Улицы города Орла. История названий. Справочник. - Тула: «Приокское кн. изд-во», 1986. - С. 57

2. По орловским легендам – это усадьба № 2 по той же улице, где сейчас находится детская больница. Усадьба к 1862 г. состояла из каменного полутораэтажного дома, двухэтажного флигеля, 3-х конюшен. «Дом Лемма» принадлежал врачу Леопольду Кортману, знакомому Якушкина, Лескова, Марко Вовчка, Фета... (Орловские Губернские ведомости, 1862, № 27).

В 20-е годы XX века во флигеле находилась детская студия, детский клуб, Дом пионеров. См.: Государственный архив Орловской области (ГАОО), ф. Р-1247, оп. 2, ед. хр. 22.

3. Ныне ул. Салтыкова-Щедрина (с 1939 г.) и ул. Тургенева (с 1938). См. № 1. С. 69 и 74.

4. Имя собеседницы Клейборта пока не установлено. Начальницей Александринского (Александрийского) института благородных девиц и в 1902, и в 1907 г.г. (время, когда умерли возможные прообразы Лизы Калитиной схимонахиня Макария (182? – 1902) и игуменя Антония (1825-1907) была София Захаровна Гаршина (Адрес-календарь Орловской губ. на 1903 и 1908 г.г.)

5. Введенский женский монастырь был официально закрыт в 1923 г., начало его возрождения – 1993 г. См.: М. Святицкий. Некоторые воспоминания об Орловском Введенском девичьем монастыре // Сборник Орловского церковного историко-археологического общества. Вып. 1(4). Орел, 1999. С. 134-135; брошюра: Свято-Введенский женский монастырь Орловской епархии.

6. Сад для прогулок с детьми.

7. За последние годы в ГАОО было найдено достаточное количество документов, говорящих о том, что, действительно, в Елецком уезде Орловской губернии жили Коротневы, что схимонахиня Макария в миру носила эту фамилию и что матушка Макария Коротнева, возможно, была в родстве с И.С. Тургеневым.

Вот несколько документов, подтверждающих эти факты:

а) Список помещиков, владельцев села Вышнее Дрезгалово Елецкого уезда Орловской губернии. Коротневы: Илья Иванович, Григорий Васильевич, Иван Михайлович, Варвара Алексеевна (подч. мной – Л. И.) и другие (ф. 592, оп. 1, ед. хр. 1597, 1798., л. 122).

б) Прошение секунд-майоров Григория и Николая Васильевичей Коротневых о внесении их в Орловскую дворянскую родословную книгу и внесение их и их родственников подпоручика Федора и поручика Ивана Михайловичей Коротневых в 6-ю часть в 1793 г., а также и детей – малолетнего Семена Федоровича в том числе (ф. 68, оп. 1, ед. хр. 1а, лл 153 об-154. Сведения получены от Алексиной Р.М.).

в) Крепостные акты, явленные Елецким помещиком корнетом Николаем Семеновичем Коротневым и купчая на имения, доставшиеся ему от родителей и сестры Прасковьи Семеновны Количичкой (нрзб. – Кульчицкой?) в Вышнем и Нижнем Дрезгалове. Возможно, они – брат и сестра Евдокии Семеновны Коротневой, тогда уже монахини монастыря в Рязанской губернии (ф. 6, оп. 1, ед. хр. 1141. Сообщено Сараном А.Ю.).

г) «Билет <...> на вечный вклад суммы сто рублей, внесенный на имя Орловского Введенского женского монастыря – настоятельницею его игуменьей Антонией <...> с 1 сентября 1903 г. <...> Проценты по вкладу <...>

назначены к выдаче из Орловского отделения Государственного банка причту монастыря за поминование об упокоении схимонахини Макарии Коротневою <...>» (ф. 495, оп. 1, ед. хр. 34, лл. 40-40 об).

д) Матерью Григория и Николая Коротневых, близкой родственницей Семена Коротнева, была Варвара Алексеевна Коротнева, урожд. Сомова, родная сестра С.А. Сомова, отчима В.П. Тургеневой.

8. См.: Тургеневский ежегодник 2000 года. Орел, 2002. С. 95.

Письмо Леонида Николаевича Афонина Л. Н. Назаровой от 26 октября 1969 г.

С Леонидом Николаевичем Афониним, замечательным литературоведом и писателем, меня связывали многолетние дружеские отношения, чем я очень горжусь. Отрывки из моих воспоминаний об Афонине были впервые напечатаны в книге Я. Волкова (Я. В. Фарфеля) «Запах антоновки» (Орел, 2001. С. 174-176, 201-202, 204-205). Полностью они помещены в «Тургеневском ежегоднике» за 2001 год (Орел, 2002. С. 126-132) и в моей книге «Воспоминания о Пушкинском Доме» (СПб., 2004. С. 190-201). На сохранившемся в моем архиве письме проставлены только число и месяц, но его следует определенно датировать 1969 годом, так как в заключительной части Леонид Николаевич просит поблагодарить Л.А. Иезуитову и ленинградцев за то, что «так вспомнили Леонида Андреева». Речь шла, несомненно, о конференции, посвященной 50-летию со дня смерти писателя, которая была организована в Ленинградском университете в сентябре 1969 года.

Письмо Л.Н. Афонина является пространным отзывом о рукописи моей статьи «“Записки охотника” И.С. Тургенева и крестьянские рассказы И.А. Бунина конца 1890-х - нач. 1910-х годов», которую я послала ему как члену редколлегии «Третьего межвузовского тургеневского сборника» (Учен. записки Курского государственного педагогического института. Т. 74. Орел, 1971), где моя статья и была напечатана. Замечания, высказанные Л.Н. Афониним в этом письме, были мною с благодарностью учтены (это оговорено в статье специально), но мне кажется, что само письмо Леонида Николаевича заслуживает быть опубликованным, так как в нем отражены очень интересные и глубокие суждения о творчестве как И.А. Бунина, так и И.С. Тургенева.

Письмо написано на 11 страницах характерным крупным почерком Леонида Николаевича. В подтверждение своих мыслей он выписывает высказывания о творчестве Бунина и Тургенева различных литературоведов и критиков прошлого, а также интересный отзыв самого Бунина -

его послесловие к рассказу «Сны» в сборнике «Петлистые уши» (Нью-Йорк, 1954), с которым я тогда не была знакома. Курсивом в тексте выделены слова, подчеркнутые автором письма.

Л. Назарова.
Орел. 26 окт.

Дорогая Людмила Николаевна!

С большим удовольствием и пользой для себя прочитал Вашу интересную работу. И все же мне хотелось бы сделать несколько общих замечаний, за которые заранее прошу Вас простить меня. Прежде всего, мне представляется небезупречной композиция Вашей статьи. Вы начинаете рассматривать сперва крестьянские рассказы Ив. Алекс. Бунина 1911-1913 гг., а потом его деревенские произведения конца XIX - нач. XX века. А нельзя ли поступить наоборот? Тогда бы можно было последовательно рассмотреть развитие крестьянской темы у Бунина, его переключку с Тургеневым и его же вольную или невольную полемику с «Записками охотника».

Конечно, у Бунина и Тургенева много общего, Ив. Алекс. развивает Тургеневские традиции. И это Вы убедительно доказываете. Но отличие Бунина от Тургенева, на мой взгляд, не только и не столько коренится в субъективных причинах («не хочу писать, как Тургенев»), а прежде всего в том, что объект изображения Бунина - русский мужик - изменился сравнительно с Тургеневскими временами. Думается, что Вы недооцениваете новизну бунинских рассказов «Золотое дно» и «Сны». Они овеяны дыханием надвигающейся революции, предчувствием неизбежных, неотвратимых перемен. Критика отмечала, что мужики в «Снах» не похожи на прежних «благодушных, незлобивых» крестьян из ранних рассказов Бунина (см. комм. к т. 1 соч. Бунина, стр. 517). А суждению Короленко о «Снах», может быть и не стоит особенно доверять. Недаром Бунин с этим суждением не был согласен. Мне кажется, что Вы излишне прямолинейно толкуете «сон о трех кочетах» («пожары», «красный петух» и т.п.). Нельзя не учитывать послесловие к рассказу «Сны» в сборнике «Петлистые уши», написанное Буниным в 1953 году (Ив. Бунин. Петлистые уши. Нью-Йорк, 1954). Не знаю, есть ли у Вас это издание. Поэтому выписываю бунинскую приписку: «Рассказ “Сны” написан мною в конце 1903 годм. Весь он вымысел, кроме того, что в нем *главное*, — вещь или даже злоесть, ибо уже не далек был роковой 1905 год, начало гибели России, - этот сон старичка священника, те три петуха, которых он будто бы видел и слышал ночью в своей церкви. Разговоры о них шли тогда в народе упорно, а лично я о них слышал в нашем уездном городе, в Ельце, в базарном трактире, от мещан, пивших там чай» (указ. соч., стр. 374). Оставьте в стороне бунинское откровенно

тенденциозное восприятие революции («роковой 1905 год», «начало гибели России» и т.п.) и примите во внимание, что здесь писатель схватил, уловил народное восприятие надвигающихся событий. Отсюда и иное, чем до того, изображение у Бунина крестьянина, - и загадочность речей кучера, и горящие глаза рыжего мужика, и явная неприязнь (почти ненависть) к барину («не барское это дело мужицкие побаски слушать»), и предчувствие «бааль-ших» дел. Так показать мужика Тургенев не мог даже в «Земледе». Мне думается, что Бунин ближе к Тургеневу в изображении мужиков до революции 1905 года («Кастрюк», «На край света», «Танька», «Мелитон» и другие), чем в послереволюционную пору. Кстати, вот кусочки из критических статей, в которых отмечалось родство Тургенева с Буниным и разница между ними. И. Розанов в газ. «Терек» (Владикавказ), 28.X.1912 (№4450) писал: «Бунин <...> вылетел из “Дворянского гнезда”. Поэтому в его произведениях чисто-тургеньевская ясность, какая-то утренняя предосенняя бодрость, в их тоне - чеховская мягкость и грусть. <...> Ни сахарных пряничных мужиков Тургенева и Григоровича, ни благоговения перед общинно-деревенским укладом Златовратского, ни чистодушного мужика, вечного укора для барина, Толстого - у Бунина нет... Гораздо ближе Бунин к Глебу Успенскому. Очень недалеко Бунин от определения деревни Ник. Успенским (“Деревенские письма”)... Как и Глеб Успенский, Бунин изображает деревню не в ее устоях, как Златовратский, а в ее разложении и расслоении. Бунин - ни народник-социалист, ни народник-ретроград. Беспристрастие, доходящее до бесстрастия, - вот фон его повестей о деревне». А.Л. Войтоловский («Киевская мысль», 30.X.1912, № 300) отмечал у Бунина его «коронованное родство с Тургеневым», добавляя, что оно - «в общем тургеньевском колорите, в счастливых и смелых тургеньевских оборотах, дающих какое-то *фамильное сходство* многим русским художникам. Те же отчетливые краски, та же ласкающая грусть, но без прелестных тургеньевских цветов. Точно последние заглохли среди новых и злых растений, и до нас только слабо доносится со страниц поэтических произведений Бунина их нежный элегический аромат». Может быть, эти суждения Вам пригодятся...

Думаю также, что не очень убедительно то место Вашей статьи, где Вы говорите, что Бунин учел критические упреки за «односторонность» «Деревни» и поэтому в 1909-1911 годах стал писать крестьян по-другому, отмечая в них и положительное. Если Вы будете все же писать об «односторонности» «Деревни», ссылаясь на современную Бунину критику, то следует, по-моему, указать, *кто же и с каких* позиций упрекал писателя в этой пресловутой односторонности. Нельзя, мне думается, не сказать, что одно дело – критика Воровского, попытавшегося понять причины бунин-

ской «односторонности», объяснить ее классовыми симпатиями и антипатиями автора, а другое дело - обвинения Бунина в клевете на русский народ, раздававшиеся со страниц черносотенных изданий (Бурнакин и др.). Простите меня за откровенность, но мне, право, Ваше суждение, что Бунин «учел» критику, показалось наивным. Вы прекрасно знаете, что не таков был Иван Алексеевич... Да и фактически Вы не совсем точны. До «Деревни» Бунин написал рассказ «Беден бес», потом названный «Птицы небесные» (XXVII сборн. «Знания»). Вы почему-то обошли этот рассказ, даже не упомянули его. А между тем рассказ этот интересно было бы сравнить с тургеневским «Касьяном» или со «Смертью» («удивительно умирают русские люди»). Кстати, когда вышел XXVII сборн. «Знания» - «мужицкий» по содержанию (там напечатаны горьковское «Лето», бунинский «Беден бес», повесть Федора Крюкова «Зыбь» и рассказ Ив. Касаткина «В уезде»), то критика прежде всего отмечала бунинский рассказ. В бунинском архиве в Тургеневском музее хранится вырезка из какой-то, к сожалению, неизвестной газеты. Автор этой рецензии на XXVII сборник «Знания» - Михаил Алексеевич. И вот что он пишет о рассказе Ив. Бунина «Беден бес»: «Как естественна и верна фабула рассказа и в то же время как метко и выпукло охарактеризована личность старика-нищего, этого маленького, незаметного человека, пожалуй, даже лишнего. Но такого гиганта духа, ясной светлой мысли» (это подчеркнуто рукою Бунина). А в рецензии на тот же сборник, помещенной в газ. «Голос Приуралья» (1909, 19. XII, №271), автор (В. Письменная) пишет, что «лучше всего в сборнике рассказ Бунина» (это подчеркнул Ив. Алекс.), добавляя при этом, что слова из размышлений студента-героя бунинского рассказа: «Дикари. Но дикари ли?» — могли бы служить эпиграфом ко всему сборнику. А между тем этот сборник рассказывает не только о трудной, темной стороне крестьянского бытия, но и о том светлом, что есть в жизни крестьян, что появилось в результате революции, что, наконец, искони присуще русскому национальному характеру. Говоря о «Деревне», не стоит, по моему, игнорировать замысел автора, который хотел в своей повести, по его признанию, «нарисовать и картины вообще всей русской жизни» (К-ский. О новой повести И. А. Бунина. (Интервью с автором). Одесский листок, 1910, 12. III). О Дениске в том же интервью Бунин говорил: «Это тип нового человека в деревне, тип, заключающий в себе черты и цинизма и застенчивости вместе». Вот Вам и «односторонность»! И ведь приходится с этим замечанием согласиться.

А вот еще одно признание Бунина: «... Меня интересуют не мужики сами по себе, а душа русских людей вообще <...> Меня занимает, главным образом, душа русского человека в глубоком смысле, изображение черт

психики славянина» (У академика Ив. А. Бунина. (Беседа). «Московская весь», 1911, 12.IX). А можно ли то же сказать о Тургеневе? Интересовала Тургенева прежде всего *душа* русского человека, *психика славянина!* Мне думается, что Тургенева занимал русский крепостной крестьянин как социальный тип, прежде всего. Бунин же даже развитие дворянства стремится изобразить «в связи с мужиком и при малом различии их психики» (указ. выше статья).

Критика, современная Бунину, усматривала его близость Тургеневу в крестьянских рассказах в том, что бунинские мужики говорят прекрасным русским языком. В этом, в частности, видели веру Бунина в богатое будущее народа и опять вспоминали Тургенева. Вот что, например, писал Ю. Айхенвальд («Речь», 1912, 6.XI, №305): «Народное слово он <Бунин> подслушал и воспроизвел мастерски... Он черпает из невозмущенных русских ключей. И когда читаешь его страницы, когда отдаешься на волю его словесных волн, чарам его языка, вспоминаешь бессмертные слова Тургенева: «...Нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу». Если дан Таганку и его землякам русский язык и если о них, в частности, рассказано на языке Бунина, то в этом есть какие-то просветы спасения. Может быть, это — иллюзия, но кажется все-таки, что русское дело спасается русским словом и, рассказывая русскую деревню, Бунин тем ее оправдывает. Прекрасное слово указывает на возможность прекрасного дела, у них один корень, и «нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу». Нельзя, по-моему, не посчитаться с этими умными словами.

У меня нет возражений против Ваших наблюдений при сопоставлении пейзажа, портрета, диалога у Бунина и Тургенева. Тут много, разумеется, можно найти общего. Но, мне думается, нельзя не учитывать (и надо сказать об этом), что между Тургеневым и Буниным был Чехов — чеховский портрет, чеховский диалог, чеховский пейзаж. Бунин не мог не учитывать художественных открытий Чехова. Кроме того, и сам Бунин не мог идти только по чужому следу. Во многом он был первооткрывателем, в пейзажной живописи, например, хотя пейзаж его и не привлекал сам по себе. Помните признание Бунина:

*Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски я стремлюсь подметить,
А то, что в этих красках светит, —
Печаль и радость бытия.*

(«Оттепель»).

Начало Вашей работы очень мне по душе, - спокойное, настраивающее на деловой лад. Только одно замечание позволю себе сделать. Вы пишете, что С.В. Тураев в статье «О характере и формах литературных влияний» выделяет три из них. Может быть, следовало бы Вам назвать эти *три формы* влияний, намеченные С. В. Тураевым, а затем уже выбрать то, которое Вы считаете наличествующим в данном, конкретном случае (Тургенев-Бунин). Частные замечания, возникшие у меня, я отметил карандашом на полях.

Простите, дорогая Людмила Николаевна, если я где-либо, увлекшись, сказал слово ненужное или неумелое, если я где-либо «недописах или переписах». Торопился я очень. Буду рад, если мое писание окажется хотя бы чуточку Вам нужным.

Сегодня получил письмо Ваше. Молодцы ленинградцы и прежде всего милая Людмила Александровна, что так вспомнили Леонида Андреева. Так и скажите Людмиле Александровне. В Орле — осень. Холодно. Мокрый снег. Болит голова. Всякие есть у меня неприятности. Но о них когда-либо после... Поклоны друзьям и знакомым. Всего Вам доброго.

Л. Афонин.

Все наше семейство Вам кланяется, желает здоровья и благополучия... Еще и еще раз простите Бога ради мои дилетантские суждения и не сердитесь на меня.

А.И. Понятовский

Экспромт, написанный мною в альбом орловского книголюбца А.С. Захарова²

Дорогой друже, Алексей Серафимович!

Рад был встретить Вас, страстного орловского библиофила, на своем жизненном пути, когда мне уже засветили «вечерние огни».

От всей души горячо желаю Вам новых интересных находок, новых встреч с книжными редкостями. Чудо-книга учит, воспитывает, облагораживает нас! Без книг нет полноты жизни!

Я счастлив, что моя жизнь сложилась так, что с колыбели был окружен книгами. На моей родине, в городе Витебске, у отца была прекрасная библиотека русских классиков и современных писателей. В 12 лет я прочел все романы Л.Н. Толстого и И.С. Тургенева. Книги корифеев русской литературы произвели на меня тогда сильное впечатление, и я как бы слился с их героями, дышал одним воздухом XIX века, страдал вместе с ними. Моим

любимым занятием с пяти лет было сидеть за низким столиком и рассматривать объемистый фолиант Библии в гравюрах Густава Доре. Не менее увлекательно было листать годовые подшивки журналов «Нива» и «Пробуждение». Кроме художественной литературы, помню, было много юридической литературы. Дядюшка отца был юристом, и его книги попали к нам. С глубоким интересом были прочитаны мною речи знаменитых юристов конца XIX века: Кони, Плевако, Карабчевского. Со страниц этих книг передо мной разворачивались подлинные человеческие драмы и трагедии, которыми полна жизнь. Запомнилось мне и четырехтомное, богато иллюстрированное, роскошное издание «Мужчина и женщина», с которым я тоже познакомился с согласия отца, будучи уже юношей.

А какое чудо из чудес стихотворения и проза А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Живо помню, как я плакал, читая «Дубровского». Слезы безудержно капали на страницы книги: мне, десятилетнему школьнику, было очень жаль главных героев, счастье которых «было так близко и так возможно...»

Война сожгла родной город, отцовский дом и библиотеку, меня лишила крыльев для полета. Волею судьбы я поселился с 1946 года в городе Орле – на родине Тургенева – и стал работать в Тургеневском музее. Мне выпало на долю великое счастье держать в своих руках книги из собрания Тургенева, Белинского, Герцена, Лескова, Петра Киреевского, Бунина, Леонида Андреева, Зайцева, Пришвина, Новикова и других писателей-орловцев. Встречи с книжными редкостями всегда были волнующими и вызывали благоговейный трепет.

За долгие годы работы в Тургеневском музее у меня были запоминающиеся встречи с писателями, художниками, артистами, литературоведами в городе Орле и селе Спасском-Лутовинове. Но, учитывая отведенное мне место в Вашем альбоме, я хотел бы рассказать только об одной встрече, которая запомнилась на долгие годы.

Это было летом 1948 года. Я заведовал в это время Гос. заповедником-усадьбой И.С. Тургенева в Спасском-Лутовинове. Однажды вечером неожиданно въехала легковая машина «Волга» в заповедник и остановилась у флигеля. Я в это время запираю двери флигеля и собирался идти к себе на квартиру. Был поздний вечер, смеркалось. Из машины вышел Николай Павлович Пузин, быстро подошел ко мне и сказал, что он не один. С ним приехала из Ясной Поляны Толстая-Есенина и хочет осмотреть усадьбу Тургенева. Можете представить мое смятение при этом известии: я увижу и буду рассказывать о тургеневской усадьбе внучке Толстого и вдове Сергея Есенина!!! Сердце учащенно стучало, голова кружилась от волнения. Вместе с Николаем Павловичем подошел к машине,

чтобы помочь ей вылезти (у нее больные ноги, и они плохо ее слушались). После приветственных слов я и Пузин буквально вынули Софью Андреевну из машины. Передо мной стояла высокая немощная женщина, хотя ей было всего 48 лет. В облике лица угадывались черты ее великого деда. Мы взяли ее с обеих сторон под руки и медленно повели от флигеля к дубу и далее вглубь парка. Она мало-помалу разговорилась и вспомнила о том, что дед ее спорил с Тургеневым, чей парк лучше. «Лев Николаевич как-то сказал своим близким уже после смерти Ивана Сергеевича, что Спасский парк хорош, нет слов, но Яснополянский все же лучше... Мне теперь стало понятно, насколько самозабвенно любил дед свою Ясную Поляну», - сказала Софья Андреевна после того, как мы с нею дошли до большого пруда на центральной аллее. Помню, ее поразила необыкновенная высота лип и чудесный воздух в парке. Прощаясь, она пригласила меня приехать в Ясную Поляну. С благодарностью принял я приглашение, но быть там пришлось много лет спустя.

Судьбе угодно было наградить меня дружбой с такими интересными людьми, причастными к литературе и книгособирательству, какими были покойный Леонид Николаевич Афонин и Анна Ивановна Лескова, ныне здравствующие Екатерина Сергеевна Тургенева, Ксения Дмитриевна Муратова³, Людмила Николаевна Назарова, Николай Павлович Пузин. Беседы с этими людьми были всегда интересны и памятны. Бывают не только уникальные книги, но много есть среди народа уникальных людей. Встречи с ними великое счастье и большая радость для каждого человека.

Крепко обнимаю Вас и желаю здоровья и счастья на долгие, долгие годы!

Искренне преданный Вам главный хранитель Государственного музея И.С. Тургенева А. Понятовский.

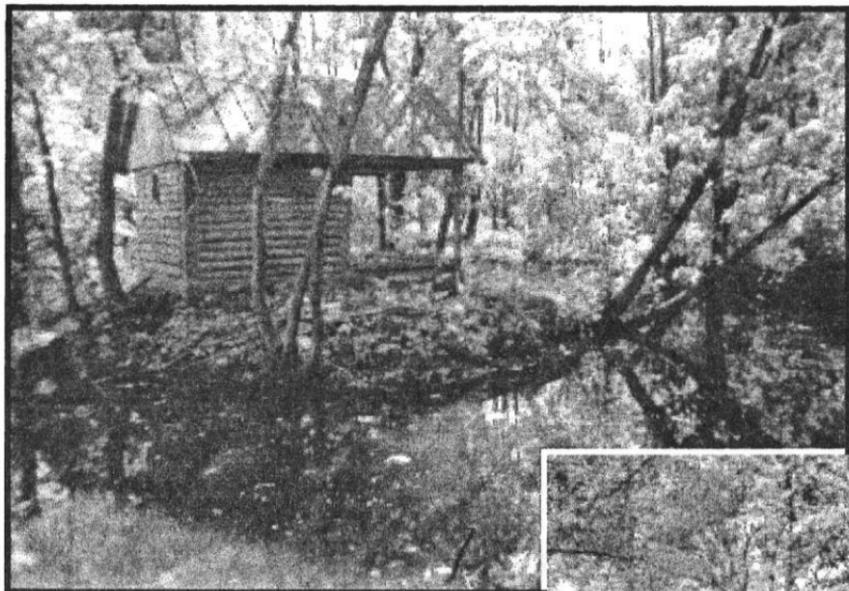
Орел, 16 октября 1984 года.

Примечания

1. Письма И.С. Тургенева к граф. Ламберт. 1915 г. Москва, стр. 19-20.
2. А.С. Захаров, коллекционер, один из основателей ныне действующего клуба «Орловский библиофил».
3. Ни А.И. Лесковой, ни Е.С. Тургеневой, ни К.Д. Муратовой уже нет в живых (ред.).

V

По тургеневским местам

«Круг» – остров на озере села Федоровка, бывшей усадьбы З. Н. Мухортова. Фото 2004 года.

Бюст И. С. Тургенева в Баден-Бадене. Фото 2000 года.

Железцево (окончание)

Свидетельницей жизни, а после Октябрьской революции и последовавшей за ней тотчас гибели родового тургеневского дворянского гнезда на калужской земле села Железцево, оказалась ученица Циолковского в Калужском епархиальном училище, дочь последнего священника железцевской Никольской церкви, оставившая потомкам свои дневники, Мария Сергеевна Преображенская.

Преображенские поселились в селе Железцево в середине позапрошлого столетия, переехав сюда из уездного калужского городка Боровска, и, таким образом, большая, почти вековая история этого ранее богатого и процветавшего древнего тургеневского поместья прошла на их глазах. Они хорошо знали быт и жизнь тургеневских железцевских потомков. В Железцево прошли детство и юность Марии Сергеевны, и она лично и близко была знакома с последними владельцами поместья - судьей Иваном Сергеевичем и его женой Марией Александровной (урожденной Унковской – Л.И.) Даниловыми, дружила с их детьми.

Ее воспоминания уносят нас в Железцево начала XX века. По рассказам Марии Сергеевны, дом ее отца, священника Никольской железцевской церкви, стоял рядом с церковью.

В то время сам храм был огражден кирпичной оградой со столбиками, окрашенной в желтый с белым цвет. Вокруг здания церкви располагалось тенистое кладбище, полное памятников и крестов.

Мария Сергеевна очень хорошо знала большой старый двухэтажный дом, выстроенный в начале XIX века Тургеневыми-Мухановыми. А в конце XIX века в нем уже жили Унковские-Даниловы. «Первый или цокольный, этаж его был кирпичным, - подтверждала она, - а бельэтаж и антресоли бревенчатыми. Дом имел две колоннады. У южного и северного фасадов стояло в ряд по шесть колонн. С северного фасада к дому подходил подковообразный в плане пандус (в переводе с французского – «постепенный подъем»). По пандусам кареты могли подъезжать прямо к колоннам. Под колоннами располагались террасы. С южной террасы попадали в большую голубую гостиную. В ней стояли рояль, два дивана, круглые столы, много голубых полумягких стульев. Это был зал для танцев. Слева от него находилась комната хозяйки дома, с нею сообщалась комната сына Васи. Справа к залу примыкали: столовая с большим столом, шкафом и стоячими старинными в виде башни часами, и биллиардная комната, ус-

тавленная книжными шкафами и увешанная портретами предков хозяйки, в том числе и Тургеневых. Через биллиардную можно было пройти в кабинет Ивана Сергеевича Данилова, расположенный в противоположном от комнат Марии Александровны углу дома.

Кабинет хозяина выходил в тургеневскую гостиную. В ней было много мебели из карельской березы: стол круглый, стол овальный, несколько книжных шкафов, диванов со спинками в виде лир, были и портреты. Все так и звали гостиную: “Тургеневская”.

Дверь на террасу выводила к пандусам. Дверь слева – в комнату дочери Софьи Ивановны, через нее - к гувернантке. Коридор заканчивался деревянной лестницей на антресоли, где жили учителя и гости усадьбы».

Все закоулки дома Мария Сергеевна запомнила на всю жизнь. Она вспоминала, что в детстве сотни раз обегала их, играя в прятки с детьми хозяев усадьбы. Унковские-Даниловы были добры к людям, а свободу детей не стесняли.

Часть предметов мебели из их дома М.С. Преображенской и А.С. Днепровскому удалось обнаружить в фондах калужских краеведческого и художественного музеев: шкаф карельской березы у краеведов, а в кабинете директора художественного музея еще в 70-х годах XX века стояли диван и круглый стол, в комнате хранителя - два кресла со спинками в виде лир. Их опознала Мария Сергеевна.

В 1973-м году группа исследователей, руководимая потомками рода Тургеневых по линии Унковских - кандидатом геолого-минералогических наук Дмитрием Дмитриевичем Теннером и архитектором-реставратором Дмитрием Александровичем Бутыриным и включившая в свой состав еще четырех исследователей: А.П. Дервиз, А.С. Днепровского, Г.М. Морозову, М.С. Преображенскую, приступила к изучению тургеневских мест вблизи Калуги. Целью изысканий было: уточнить исторические данные о существовавших ранее на Калужской земле усадьбах рода Тургеневых. Особое внимание было уделено последнему дожившему почти до наших дней родовому гнезду предков И.С. Тургенева - усадьбе и селу Железцево. Было осмотрено место тургеневской усадьбы, по результатам замеров составлен ее схематический план.

Незаменимым консультантом в экспедиции оказалась Мария Сергеевна Преображенская. Она провела исследователей по месту бывшей усадьбы и ее окрестностям, вспоминая: «Здесь было то-то, здесь то-то...»

И участники экспедиции смогли увидеть или мысленно представить себе такую картину: По дороге из большого дома видны заросли серебристых тополей. Они разрослись. Видны лиственницы, были найдены два упавших ствола громадных каштанов. Далее – дикие заросли сирени, жасмина и акаций.

Мария Сергеевна рассказывала, что раньше с южной стороны дома поблескивал круглый прудик, но его закопали. Здесь же пестрели цветами две изысканные по форме клумбы. От дома по дороге на Калугу шла первая прямая аллея длиной в сто метров, засаженная липами вперемежку с елями и пихтами. Пихты постепенно срубили, но от их корней еще ранее отросли молоденькие пихточки, выкопанные местными жителями и высаженные ими на своих усадьбах. С этой аллеи поворачивали налево и ехали через «Заказник» на Калугу.

А за домом сплошным зеленым четырехугольником простирался новый фруктовый сад площадью около десяти десятин. В конце его отливали бездонной голубизной два пруда. Из одного пруда поили скот, а к берегу другого, к тому месту, где была устроена купальня, причаливали лодки. Чаши прудов существуют и теперь, но плотины прорваны, вода сошла, берега заросли молодым раkitником.

По другую сторону главного дома неподалеку располагался конный двор с конюшнями, еще дальше - скотные дворы. А рядом с ними стояли избы, где жили управляющий, ямщики, кучера, объездчики лошадей и другие слуги. Женская прислуга жила в барском доме.

Широкий, глубокий овраг отделяет место бывшей железцевской усадьбы от собственно крестьянского села. Село Железцево раскинулось по всему противоположному усадьбе хребту оврага и насчитывало в первой четверти XX столетия до восьмидесяти крестьянских дворов и изб, срубленных из бревен или сложенных из красного кирпича домашнего обжига почти сплошь по одному образцу: жилая деревянная или кирпичная собственно изба и к ней деревянная холодная пристройка-сенцы с небольшим, как правило, крытым крылечком.

На краю села стояло деревянное здание школы, выстроенной для крестьянских детей села Железцева и окрестных деревень.

Избы крестьян, по свидетельству Марии Сергеевны, были удалены от усадьбы для спокойствия ее обитателей, от частых в деревне пожаров и драк. Внизу, в овраге, построен был трактир для мужиков, в овраге же были вырыты пруды для разведения водоплавающей домашней птицы.

Особенно подробно она рассказывала о железцевской церкви, где священником был ее отец.

«Про церковь, - вспоминала она, - старики нам рассказывали, что храм этот был построен по обету. Что строил его вначале архитектор Растрелли, а потом, при сенаторе Муханове, церковь перестраивали. Что алтарь и иконостас привезены были из Киева, из Андреевской церкви Растрелли, а росписи и теперь видны внутри, например, «Шествие на осляти», «Въезд в Иерусалим». Краски заметны. Крест на единственной главе ее кованный

железный. Мы, Преображенские, взрослые и дети, устроили как-то воскресник и полезли на церковь, на крышу, рубить лес, кусты, деревья. Все счистили, там хорошо, красиво стало, и на душе вроде спокойно.

Отец мой и родные похоронены возле алтаря церкви. А после революции последнего владельца железцевского поместья судью Ивана Сергеевича Данилова сразу же арестовали в Москве, дети его тоже пропали безвестно. Жена его Мария Александровна Унковская-Данилова одна доживала в Москве где-то в чужом углу».

В Железцеве во время революции погибло почти все тургеневское наследие. Богатый усадебный дом Тургеневых-Мухановых-Унковских-Даниловых в двадцатых годах разобрали, раскатали по бревнышку, разломали и растащили кирпичный фундамент его. Храм закрыли, а его богатства советская власть реквизировала, многое же просто разворовали.

Лишившись присмотра, вскоре пришли в негодность опустевшие манеж с конюшнями, обветшали флигеля. В усадьбе заросли, одичали прекрасные липовые и пихтовые аллеи, заглохли неухоженные фруктовые сады, были размыты дождями и разбиты гусеницами тяжелых тракторов старые прочные плотины прудов. Вода, недавно прозрачная, как слеза, сквозь отверстия плотины ушла, обнажив заиленное, давно не чищенное дно...

И лишь старинный железцевский храм - церковь Святого Николая Чудотворца, как гордый, израненный в жестоких боях корабль, устремленный ввысь своим обтаявшим, словно свеча, шпилем, напоминает сегодня о былом величии поместья. Да в пощаженном временим аккуратном домике последнего священника железцевской церкви отца Сергия Преображенского до сих пор живут с семьями его внуки...

И как память о былом великолепии тургеневского Дворянского гнезда, растут возле их дома стройные пихты, да возле алтарной стены церкви железцевцы по-прежнему хоронят своих близких...

Мария Сергеевна Преображенская по воле судьбы оказалась одной из немногочисленных свидетельниц того, как сразу же после революции погибало, а затем было и окончательно уничтожено родовое тургеневское гнездо. Будучи разносторонне одаренной, она писала стихи о родной земле, ее судьбах, вела дневник, почти ежедневно поверяя ему свои сокровенные чувства и мысли. К счастью, часть ее дневников уцелела, и в настоящее время они хранятся в семье ее племянницы Натальи Никитичны Архип, предоставившей их для публикации.

Предлагаем несколько отрывков из рукописных дневников ровесницы нашего века, дочери последнего священника тургеневской Железцевской церкви, в момент октябрьской революции ученицы калужского епархиального училища - Марии Сергеевны Преображенской:

27 сентября 1917 года, Калуга.

« <...> Наше училище представляет собой своего рода государство. Дух времени со всей силой охватил горстку нашей классной молодежи. Маркова, Арх., - большевики, вредные элементы, которых благоразумный элемент счел бы неумным исключением из общей среды. Они проповедуют последние идеи извращенной свободы и не предлагают никакого начала <...>».

28 сентября.

«Хоть закрывай глаза и не смотри на то, что делается кругом. Сердце обливается кровью при воспоминании о несчастной С. Так сказала сейчас милая Александра Федоровна, справедливо сравнивая наш класс с погибающей Россией <...>»

31 октября.

«Роспуск у маленьких - нарушение нормы прежнего. Меняется настроение всех. Этот день у нас икона К. Была накануне торжественная всенощная, 31-го обедня. Я пою с воодушевлением и усердием. Дмитрий Вас. великолепен. В обед было много публики, разношертая, почтенная. После обедни приехал папа, чтобы взять Настю и Шуру. Суматоха, беспорядок всюду <...>»

2 ноября.

«Как скоро решаются дела! Уроки идут почти нормально. С утра общее колебание и неизвестность будущего - на пятом уроке мы уже наполовину дома, так как совет решил распустить. Многие волнуются, не зная положения железных дорог. По слухам большевики завладели многими, станциями, и переправа сопряжена со многими трудностями и даже опасностями. После обеда идут спешные сборы для переселения (в Золотаревск - нрзб. - Л.И.). В общей суматохе я потеряла свои теплые калоши <...>. Ребята все время шалят, о занятиях не может быть и речи, скорей бы домой. Это бездействие меня угнетает. Так протомилась я до седьмого, пока за мной приехали мама и Шура <...>»

27 ноября 1917 года, Железцево.

«Вот уже 26-е. Дома я пробыла около месяца. Все это время чувствую себя отлично. Мне нравится эта ровная, спокойная жизнь. Чувствуешь, что сам себе господин. Все время у меня заполнено занятиями <...> Составила себе расписание <...> Невежество, смешанное с безнравственностью, делают свое дело. Прежде хоть люди были рабами культа в силу

своего невежества, но они имели покорный страх перед Богом <...> Но теперь потеряли всякий страх, который невольно ложится в основу нравственности. Грубые, развращенные прежним положением крестьяне-товарищи, как стадо баранов, не понимая, повторяют за своими главарями преждевременные анархические прокламации. Как жаль еще не развившуюся и преждевременно <...> погибающую нацию <...>

Сегодня у нас ознаменовалось событием, стоящим внимания. Современное бесправие и товарищи в ожидании учредительного собрания заблаговременно описывают имена, становясь непосредственными их хозяевами. Даниловы (подч. в тексте – Л.И.) лишены права распоряжаться собственным имуществом, главным образом, хлебом. Мы лишились бы необходимой порции хлеба, если бы нам не были должны за него Даниловы. Хлеб управляющим нам дан, но мы не имеем средств взять его, так как, навлекши на себя подозрение комитетчиков, поплатились бы дорого. Эрих предложил взять хлеб ночью тайно от взоров рабочих. С помощью (Алексея? - нрзб. - Л.И.) Шура, мама и Дарья взяли отложенный нам хлеб и перетаскали его через парк домой. До какой степени дошло хамство! Нельзя взять своего, приходится, точно ворам, брать ночью. И вот русский народ во всей своей обнажившейся беспорядочности нравов!»

27 ноября.

«С мамой и Настей обвязывали в саду стволы молодых яблонек, чтобы предохранить их от порчи зайцами. Как приятно подвигаться на свежем воздухе, вдыхая в себя душистый, освежающий запах можжевельника. Из сада раскидываешь глазами в лес, оголенный уже, с тихими грустными березами <...>»

28 ноября.

«Пагубно влияет на психику настроение мамы <...> Конечно, стыдно за Россию, жаль те произведения искусства, которые гибнут во дворцах и хоромах аристократии, но вина хамов чувствуется вполонину, когда сознаешь, что хамство это вырабатывается в народе долгим тяжелым рабством, горем и тьмой, которые исходили из ярко освещенных зал и ресторанов вельмож».

30 ноября.

«Быть может, я сделалась сочувствующей перевороту и светлому будущему под влиянием идей прошлого века, ратующих за угнетение кре-

стьян. Не устоишь против того, чтобы действительно не оклеветать большевиков за их поступки <...>»

1 декабря.

«Наши сельские большевики собрались во главе с комиссаром на балконе Д. дома (дома Даниловых - Л.И.). Комиссар распространялся по поводу захвата имений с движимым и недвижимым «элементарем», товарищи поддакивали. На днях описали Кожухово и выгнали оттуда Зайчат (семью Зайченко - Л.И.). Жаль. Только что наладилось пение в церкви, а теперь «хор» лишен главного руководителя. Возбуждение против большевиков всеобщее. Мама, бабушка и все буржуи не перестают проклинать их. Папа умерен. Шура заодно почти с ними. Я же больше и больше демократируюсь. Я верю в лучшее будущее, и чем энергичнее протекает революция, тем скорее взбаламученное море войдет в свои берега. <...> Мужик, между тем, находясь при последнем издыхании, давимый буржуем, собрал все свои силы, воспрянул и спихнул с своей шеи ногу буржуя. Физически сильнее оказался мужик. Очумевший от полученной свободы, ослепленный воздухом и светом, он бросился напролом <...>, опрокинул противника и натываясь с непривычки на новые предметы, рушит, ломает все на своем пути. Осмотревшись немного, он увидел много нового для себя, жирное, аппетитное. Глаза разгораются от жадности: подай то, подай другое...»

6 декабря.

«Опять поневоле пожалеешь о Зайченко. Пение в церкви без них никуда не годится <...> Так, сегодня Николин день. Праздники я посвящаю дневнику и чтению <...> Вечером мама читает вслух что-то из «Нивы», а я, отвлекшись от своей книги, слушаю <...>»

7-8 декабря.

«Вот установился и санный путь <...> Какая красота на улице! Деревья одеты в иней и хлопья светлого снега. Леса серебрятся, поля сверкают белизной. Я превратилась в демократа, вошла вполне в свою новую роль. Мама отпустила Дарью на праздник домой. Мы с Шурой сами убираем скотину, носим воду, возим дрова <...> Валя зовет гулять. От вечерней прогулки в морозный ясный день никогда не откажусь. Великолепно на улице. Синее небо подернуто вечерней мглой, замазано клочками облаков. Деревья покрываются пушистым инеем <...> Хорошо! <...> Красота и в парке. Через большую аллею мы прошли к дому, зашли проведать m-lei <...> M-lei лишь держит собой порядок в доме. Постепенно преврати-

лась в настоящую служанку, заменив и экономку, и горничную. Возмутительная неблагодарность к ней со стороны бывшей прислуги и хозяев <...>»

18 декабря.

«Сегодня мы начали “новую” неделю. Решено петь на Рождество в церкви. Для чего устраиваем через день спевки. Место сборища школа. Несколько из прежних певчих, как Арап, Вас[илий] Анд[реевич], составляют басовую партию. Регент - сын писаря. Новое лицо - новые впечатления <...>»

28 декабря.

«Мы пришли к решению устроить вечер для школьников. Шарады, пение требуют репетиции, и мы садимся писать слова песен ...»

9 декабря.

«Подготовка костюмов <...> Вечер прошел сверх ожидания хорошо. Бабы-болезки в восторге. Теперь надо дорожить первенствующим мнением комиссара, его слово свято: что скажет он, то повторит вся волость. Когда в действительности осуществится священный девиз: свобода, равенство, братство? Раньше народ гнул шею под взглядами буржуев, теперь ползает у башмака равного себе во всем комиссара. Несчастливая Россия!..

Сегодня мы все собрались на вечер у Даниловых <...> Унковщина вся как на подбор <...> Собаки, лошади, одни и разговоры...»

1918 год, Железцево

«Новый год. 1 час - полночь. Мы вышли от Даниловых вместе с Пасынками, которые вызвались проводить нас <...>»

1 января.

«Даниловы зовут к себе на именины Васи. Вечер у Даниловых прошел в обстановке шарад и общих игр <...>»

4 января.

«Я и Аня отправились в деревню искать костюм для хора на вечер. Буря настоящая: ветер, снег. Мы ходим из хаты в хату, где знаем, что есть платья. “Стонет в собственном бедном домишке”, - невольно звучат во мне слова Некрасова. Как грязно и душно в некоторых избах. Россия выкопала себе яму. Прежние деспотические владельцы устроили в России непорядок и разлад. Несчастливая Россия!..»

Вскоре из дневника юной Марии Преображенской исчезнут вообще какие-либо упоминания о железцевской усадьбе. Родовое гнездо предков великого писателя на калужской земле уже в самом начале 20-х годов XX столетия будет окончательно разорено и уничтожено варварскими руками...

Е.А. Козеева

П.И. Хозиков – сосед И.С. Тургенева

Неподалеку от села Тургенево, на левом берегу реки Снежеди, находилась усадьба Петра Ивановича Хозикова. Ему принадлежали также сельцо Гуньково, село Гуньково, деревня Снежедь и деревня Старая Вязовна. Хозиковы – ближайшие соседи и знакомые Тургеневых. Родители П.И. Хозикова – Иван Иванович Хозиков и Пелагея Андреевна Хозиковы похоронены на церковном кладбище села Тургенево.¹ Их сын П.И. Хозиков был весьма заметной фигурой в Чернском уезде. Капитан в отставке, коллежский асессор, с 1817 по 1828 годы – уездный депутат Дворянского Депутатского собрания. В 1812 году вступил в Тульское ополчение и был назначен батальонным командиром в составе четвертого казачьего полка, возглавляемого полковником Бобрищевым-Пушкиным.²

В 1830-е годы Хозиков избирался предводителем чернского дворянства. Как известно, дядя Тургенева Н.Н. Тургенев с 1841 по 1848 год исполнял обязанности уездного предводителя, вероятно, знал своих предшественников на этом посту и мог рассказывать о них И.С. Тургеневу. Тургенев хорошо был знаком с уездной жизнью, обладал здесь широким кругом знакомств, сам был чернским помещиком. Знакомство писателя с П.И. Хозиковым бесспорно. Эта фамилия встречается на обороте письма И.С. Тургенева к Н.С. Тургеневу от 20 января 1842 года. Под одной из зарисовок, сделанных рукой Тургенева, подпись «Хозиков».

Родители Тургенева поддерживали добрые отношения с Хозиковыми. В.П. Тургенева в затруднительных случаях обращалась к П.И. Хозикову, одалживая у него деньги. 25 июня 1843 года она писала И.С. Тургеневу: «Итак, мы опять бьемся, как рыба об лед, чтобы достать денег. У Настасия, у Хозикова платим проценты».³ 6 мая 1842 года В.П. Тургенева писала сыну: «Хозиков и Сухотин у нас обедали».⁴

Факты позволяют усомниться в местном предании о том, что П.И. Хозиков мог быть прообразом старорежимного барина Мардария Стегунова из рассказа Тургенева «Два помещика» («Записки охотника»). В Госу-

дарственном архиве Тульской области сохранились «Подробные сведения о состоянии имений чернского уезда, сельца Снежеди, села Гуньково и деревни Старая Вязовна помещика коллежского асессора Петра Ивановича Хозикова».⁵ По всем имениям числилось 318 душ мужского пола и 317 душ женского пола. Количество удобной и неудобной земли 1340 десятин. Господские повинности, которые выполняли крестьяне Хозикова, почти не отличались от повинностей крестьян других помещиков. Так, например, крестьяне состояли на барщине и работали на помещика три дня в неделю. Если обратиться для сравнения к сведениям по имениям Н.С. Тургенева, составленным Г.И. Преображенским, налицо образец установленных владельцем жестоких крепостных порядков. Так, на вопрос, какой землей владеют крестьяне, следует ответ: «Так как земля по праву законной собственности принадлежит вся владельцу, то они (крестьяне) пользуются землею только за работу на него»,⁶ а «за нерадение в экономии» Н.С. Тургенев отдавал крепостных в рекруты.

П.И. Хозиков, вероятно, был глубоко верующим человеком. В 1833 году в селе Гуньково он построил каменный храм во имя Святой великомученицы Параскевы, принимал участие в обустройстве Введенского храма в селе Тургенево. Именно в этот храм (Введение во храм Пресвятой Богородицы) Хозиков завещал «билет сохранной казны на 300 рублей серебром для пользования процентами местному причту».⁷ В описании «Приходов и церквей тульской епархии» сохранились следующие сведения: «Из прихожан (храма во имя Св. великомученицы Параскевы) заслуживает исторической памяти имя помещика-храмостроителя Петра Ивановича Хозикова, который не только выстроил храм (не единственный в своей жизни), но и завещал после своей смерти землю крестьянам, с тем, чтобы они за нее платили выкуп в пользу церкви, однако по недобросовестности душеприказчика это завещание было уничтожено. О прежнем приходском храме известно, что он был деревянный, во имя святой великомученицы Параскевы, построен вышеупомянутым помещиком Хозиковым».⁸

Вряд ли П.И. Хозиков был большим крепостником, чем другие помещики, и мог в этом качестве привлечь внимание И.С. Тургенева. Обнаруженные материалы в большей степени доказывают обратное.

Примечания

1. Сообщено В.А. Зайцевым.
2. Дворянское сословие Тульской губернии. Т. 1/10. Составил крапивинский дворянин Виктор Ильич Чернопяттов. Ч. 6, 569, 680.
3. Копии писем В.П. Тургеневой находятся в Государственном Мемориальном и природном музее-заповеднике И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново». Письмо от 25 июня 1843 г.

4. Там же. 6 мая 1842 г.
5. ГАТО, ф. 51, оп. 26, л. 33.
6. ГАТО, ф. 51.
7. Тульские епархиальные ведомости. № 1, 1852.
8. Приходы и церкви Тульской епархии. Чернский уезд, 1898. С. 747-750.

А.М. Польшкин

И.С. Тургенев и семья Мухортовых

29 октября 1854 года Иван Сергеевич Тургенев пишет письмо Николаю Алексеевичу Некрасову, в котором спрашивает: женился ли Захар Николаевич Мухортов?¹

Если один великий писатель задает вопрос другому великому писателю в отношении третьего лица, значит, этот персонаж достоин внимания знаменитых личностей.

В примечаниях к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева сказано, что Захар Николаевич Мухортов - знакомый Тургенева, вице-президент Вольного экономического общества, гофмейстер двора, владелец имения в Орловской губернии.²

Иван Сергеевич очень ценил Мухортова как экономиста и хозяйственника и когда с начала 70-х годов начал подумывать об аренде или продаже своих имений, чтобы улучшить свое материальное положение, то уповал на помощь и советы опытных соседей - И.Ф. Кутлера и, конечно, З.Н. Мухортова.

Когда же Тургенев в 1875 году начал практическую реализацию этих планов, то свое имени с. Топки он предложил взять в аренду опять-таки Захару Николаевичу. Сделка не состоялась, но на хороших отношениях писателя и вице-президента Вольного экономического общества это никак не сказалось - тем более что уже в следующем году Мухортов скоропостижно скончался.

Хорошо знал писатель и Александру Николаевну Мухортову (Юханцеву в девичестве), с которой регулярно общался и в Санкт-Петербурге, и за границей, в Париже. В одном из писем Тургенев называет ее «приятельницей».³ Иван Сергеевич и Александра Николаевна приезжали друг к другу на чай и теплую беседу.

Особенно сблизились Тургенев и А.Н. Мухортова в последние годы жизни писателя. В письме к М.М. Стасюлевичу от 8(20) декабря 1882 года из Парижа Иван Сергеевич просит его передать отгиски «Стихотворений в прозе» пяти адресатам, в том числе и Александре Николаевне.⁴

Судя по всему, была в эти годы и переписка между Тургеневым и А.Н. Мухортовой (во втором замужестве – Грот – А.П.). Доказательством этому служит письмо Ж.А. Полонской, в котором она сообщала писателю: «Мой муж был у Александры Николаевны Грот, бывшей Мухортовой, и слышал от нее, что будто бы вы писали ей, что хотите вернуться навсегда в свое Отечество - честь Вам и слава, если это правда, а не просто фраза из желания помазать по губам».⁵ (К сожалению, письма писателя к А.Н. Грот пока не обнаружены - А.П.)

Имения Тургенева и Мухортовых в Малоархангельском уезде Орловской губернии находились по соседству. От Федоровки, принадлежавшей Мухортовым, до Топков всего 12 верст.

В августе 1878 и в августе 1881 года (в свой последний приезд в Россию) страстный охотник Тургенев приезжает поохотиться именно в мухортовское имение, в котором в это самое время проживали сама Александра Николаевна и два ее сына – Николай и Захар, не меньше писателя уважавшие одно из любимых помещичьих занятий.⁶

Шуточное упоминание о первой из этих охот содержится в письме А.А. Фету, которому Тургенев 30 сентября (12 октября) 1878 года сообщал из Буживаля: «В течение последних двух лет я убил всего одну галку, и то не здесь, а в России, в Малоархангельском уезде, в имении госпожи Мухортовой, у которой я гостил».⁷

Пожалуй, именно этими сведениями и ограничиваются те знания о Мухортовых, которые мы могли бы почерпнуть из писем самого Ивана Сергеевича или литературы о нем.

Нам неизвестны произведения Тургенева, в которых отразилась бы в том или ином виде биография Захара Мухортова или кого-либо из членов его семьи.

Однако я думаю, что судьба Захара Николаевича, его жены и детей (как, впрочем, и истории их рода) достойна была такого отражения. В данной статье публикуется материал о семье, имевшей определенное отношение к великому русскому писателю.

Итак, начнем *ab ovo*, от яйца, как говорили древние римляне, т.е., с самого начала.

Согласно ливенским писцовым (Приправочной и Переписной) книгам 17-го века служилые люди Мухортовы были в числе первых колонизаторов и пахарей этого, тогда пограничного с «диким полем», края.⁸

Государство за пограничную службу и за освоение безлюдных ранее мест наделяло первых помещиков земельными владениями, очень небольшими вначале и чаще всего без крепостных крестьян.

Получили такие участки и Мухортовы.

После образования Орловской губернии и появления нового уездного деления мухортовские владения оказались в Малоархангельском уезде. Так, согласно «Сказкам 4-ой ревизии о помещичьих крестьянах Малоархангельского уезда» (1782) у подпоручика Ивана Мухортова и секунд-майора Федора Мухортова они имелись в селе Вязоватое.⁹

Шло время, дворянский род Мухортовых ветвился и рос численно. Найденные мною в Государственном архиве Орловской области (фонд 68, д.д. 9, 35, 49, 65) сведения позволяют многое уточнить в родословии З.Н. Мухортова.

Федор Яковлевич, его прадед, секунд-майор, владелец имения в селе Вязоватое, имел трех сыновей – Василия, Николая и Акима.

В 1801 году все они, представив соответствующие доказательства, были внесены в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии, в 6-ю часть.

У мценского помещика Василия Федоровича Мухортова (деда Захара Николаевича), дослужившегося до полковника, имелся только один сын - Николай (данных о других детях обнаружить пока не удалось).¹⁰

Николаю Васильевичу Мухортову и его жене Аграфене Николаевне принадлежали село Федоровка и соседняя с ним деревня Николаевка. Земля их, общей площадью более тысячи десятин, располагалась в двух участках, рядом с населенными пунктами.

Неподалеку, в селах Никольском и Липовце, имели владения их родственники - братья Евграф Акимович и Федор Акимович Мухортовы.

Какие-либо подробности хозяйственной деятельности Н.В. Мухортова и его жены выяснить не удалось. Но в «Орловских губернских новостях» за 1852-1854 годы опубликовано сообщение о конных бегах на призы Орловского ипподрома, где Николай Васильевич и Аграфена Николаевна упомянуты несколько раз как владельцы лошадей (собственного завода), которые небезуспешно участвовали в этих первых в Орловской губернии спортивных соревнованиях.¹¹ Согласно записи от 5 мая 1827 года в «Алфавитных журналах и протоколах Орловского дворянского депутатского собрания у малоархангельского помещика, отставного гвардии штабс-ротмистра Николая Васильевича Мухортова и его жены Аграфены Николаевны было четверо детей: два сына (Захарий и Павел) и две дочери (Наталья и Александра).¹²

Старший сын Захарий (или Захария - именно так называли его во всех официальных документах) родился 8-го августа 1820 года, в сельце Федоровке Малоархангельского уезда и крещен в приходской церкви того же уезда села Никольского, Кунач тож, воспитанниками были майор Дмитрий Николаевич Чернышов и поручица Авдотья Сергеевна Мухортова.¹³

Таким образом, найденная официальная запись позволяет восполнить один из главных пробелов в биографии знакомого Тургенева - отсутствие даты рождения З.Н. Мухортова во всех справочных сведениях о нем.

Кстати, благодаря прошению его отца в Орловское Дворянское Собрание можно по косвенным данным установить, что Н.В. и А.Н. Мухортовы жили периодически то в своем Федоровском имении, то в Москве, потому что именно там родились и были крещены двое из четверых детей - Павел и Александра.

Знакомыми родителей Захария Николаевича были довольно знатные люди - генерал-лейтенант Алексей Васильевич Гвоздев и надворная советница Олимпиада Николаевна Мясоедова (они крестили Павла и Александру).¹⁴

Наследником имения в Федоровке и Николаевке (Малоархангельского уезда) после смерти Николая Васильевича стал его старший сын - Захарий Николаевич (видимо, Павлу достались какие-то другие имения).

В том же 68-ом фонде ГАОО, в деле 35, в записи от 27 октября 1858 года содержатся биографические данные о З.Н. Мухортове, представленные им самим в Дворянское собрание, куда он обратился с целью получения дворянства для жены и первого сына - Николая.

Канцелярия Морского Министерства удостоверяет, что «...Захарий Николаевич Мухортов, из дворян, при выпуске из Императорского Санкт-Петербургского Университета с званием действительного студента, вступил на службу в Санкт-Петербургскую Палату Государственного Имущества 1841 октября 31 дня. Указом Правительствующего Сената от 30 апреля 1842 года утвержден в чине губернского секретаря, со старшинством со дня вступления в действительную службу.

По Высочайшему повелению за отличие по службе награжден чином, коллежского секретаря 1844 февраля 8. По прошению уволен 1847 января 25. Потом, поступя в Ведомство Морского министерства, произведен в титулярные советники со старшинством с 1848 февраля 8, и по порядку чинов в статские советники - 1858 апреля 7-го». Видно хорошо служил Захарий Николаевич, коли сумел за это время с 13-й ступени в «Табели о рангах» подняться до пятой.

В этих документах, где подробно расписана служебная карьера З.Н. Мухортова, сказано также, что 6 декабря 1853 года он «Всемиловнейше пожалован в кавалеры ордена Святой Анны 2-ой степени», причем имеется очень любопытная добавка, нехарактерная для официальных документов: «Его Императорское Высочество, генерал-адмирал (имеется в

виду будущий царь Александр Второй – А.П.), отправил награду владельцу со следующим рескриптом: «Препровождая при сем Всемиловитейше пожалованные Вам знаки ордена Святой Анны 2 ст., мне весьма приятно поздравить Вас с сею Монаршею милостью...»¹⁵

Из этих слов наследника престола становится ясным дальнейшее приближение Захария Николаевича ко двору после смерти Николая Первого и воцарения Александра Второго. Совершенно очевидно, что он смог в свое время оказать какую-то услугу императору. Придворная карьера З.Н. Мухортова также складывалась успешно: начав камер-юнкером, он дошел до гофмейстера Двора Его Императорского Величества, а в чинах поднялся до тайного советника¹⁶ (третий в «Табели о рангах», соответствующий военному званию генерал-лейтенанта).

Значительную часть времени Захарий Николаевич, занятый служебными делами, проводил в Санкт-Петербурге, а за именем в Федоровке, которое к началу 60-х годов XIX века было заложено в Московском опекунском Совете,¹⁷ смотрели мать, Аграфена Николаевна, и управляющий Фриде.

Регулярно (особенно после женитьбы) Мухортов навещался в родные места. Правда, нам неизвестны пока посещения Тургеневым Федоровки при жизни Захария Николаевича. Так что их знакомство, скорее всего, состоялось в Санкт-Петербурге, но наверняка этому способствовали соседские отношения по имениям и глубокие экономические знания Вице-президента Вольного экономического общества.

Карьера отнимала много времени у Захара Мухортова, так что женился он только в ноябре 1854 года, в возрасте тридцати шести лет.

29 ноября 1855 года у молодых родился первый ребенок - сын, названный Николаем,¹⁸ который умер в младенческом возрасте. Четыре года пришлось ждать Захару Николаевичу и Александре Николаевне рождения второго сына. 24 августа 1860 года он появился на свет, и родители вновь, несмотря на суеверия, назвали его тем же именем.

Следом, в 1862 и 1863 годах, родились Захарий (в честь отца) и Георгий.¹⁹ Но последний сын, как и первый, прожил очень недолго.

По воспоминаниям старожила села Федоровка Павла Петровича Амелина, в честь рождения второго, долгожданного сына Николая построил Захар Николаевич Мухортов в Федоровке большой усадебный дом, к которому вела широкая мощеная дорога.

Трехэтажный особняк Мухортовых видели все их гости, подъезжавшие со стороны уездного Малоархангельска, почти за версту. Особенно красивым зрелище было в ночное время, когда загорались окаймлявшие дорогу вращающиеся разноцветные фонари.

Особо почетным гостям Захар Николаевич позволял на коляске, запряженной парой лошадей, въезжать на длинный, протянувшийся по периметру всего дома, балкон второго этажа. Отсюда, с высоты, можно было увидеть расположившиеся позади дома так называемые «круги» - искусственные острова размером с десятину каждый. На одном из них находилась крытая беседка для чаепития, а рядом, услаждая взор гостей, плавали на воде черные и белые лебеди.

Как многие помещики, Захар Мухортов любил лошадей. Доставшийся ему от отца конный завод он укрепил, расширил, и вскоре о его рысистых лошадях узнали в Орле. Захар Николаевич и сам на первых конных бегах на Орловском ипподроме в 1852-м году установил приз в 120 рублей серебром для одной из скачек (владельцу кобылы-четырёхлетки, победившей в беге на 4 версты).²⁰

Конный завод Мухортовых просуществовал довольно долго. После смерти Захара Николаевича его сыновья, также «лошадники», любимое отцово детище не забросили. В «Памятной книжке Орловской губернии на 1893 год», где содержались данные о конных заводах Малоархангельского уезда за 1891 год, значится, что на заводе гвардии поручика и коллежского секретаря Николая Захаровича и Захара Захаровича Мухортовых имелось 18 кобыл-маток, 2 жеребца-производителя и 6 жеребят рысистой породы.²¹

Последние данные об этом конном заводе имеются в «Памятной книжке Орловской губернии на 1898 год» (число лошадей на нем уменьшилось на треть, но он еще существовал).²²

Мы знаем, что Захарий Николаевич Мухортов был замечательным хозяином. Его многочисленные земельные владения общей площадью в 13500 десятин в трех губерниях России (Орловской, Курской и Санкт-Петербургской) были в хорошем состоянии, давая стабильный доход – и не только за счет зерновых и конопляников.²³

В той же родной Федоровке (Владимировке), кроме конного, Мухортову принадлежали винокуренный и кирпичный заводы.²⁴

Большое хозяйство требовало постоянного внимания, и это у Захария Николаевича получалось, хотя в силу своей придворной должности большую часть времени он жил в столице. Избрание Вице-президентом Вольного экономического общества стало признанием его хозяйственных, экономических заслуг, а Александр Второй пожаловал своему подданному чин тайного советника.

Как человек образованный и талантливый во многих областях, Мухортов не чужд был и литературы. Писатель П.В. Анненков в письме И.С. Тургеневу от 12 (24) апреля 1853 года говорит, что «Панаев предпо-

читает рассказы Мухортова».²⁵ Из этого письма становится ясно, что если даже Захар Николаевич Мухортов и не печатался в каком-либо из журналов, то его произведения были известны в литературных кругах.

25 марта 1876 года Захар Николаевич Мухортов скончался в Санкт-Петербурге от водяной болезни, очень быстро унесшей его в могилу. Отпели Мухортова в одной из церквей столицы, но погребение состоялось 3 апреля 1876 года в селе Федоровка. Видно, так было им завещано; найденные мною данные о погребении взяты из метрической книги Владимирской церкви этого родного Мухортову населенного пункта.

По разрешению Консистории в храме, с левой стороны от входа, был вскрыт пол, и в эту внутрицерковную могилу опустили тело усопшего.²⁶

Нам неизвестно, как реагировал на смерть своего знакомого Иван Сергеевич Тургенев, находившийся в это время в Париже. Да и узнал ли он об этом тогда – мы тоже не знаем.

Можно только предположить, что во время посещения вдовы и детей Захара Николаевича в 1878 году в Федоровке Тургенев никак не мог пройти мимо Владимирского храма и могилы Мухортова.

В 1881 году, в последний приезд в Россию, будучи опять-таки в Федоровке, Иван Сергеевич наверняка побывал в церкви, а, значит, навестил своего старого знакомого.

Федоровским имением после смерти Захара Николаевича нераздельно владели оба его сына – Николай и Захар.

О Николае Захаровиче, благодаря подсказке Николая Михайловича Чернова, нам удалось найти биографические данные в «Сборнике биографий кавалергардов» (1826-1908), выпущенном в 1908 году в Санкт-Петербурге.²⁷

Окончив Санкт-Петербургский университет, в 1882 году Николай Мухортов поступил на военную службу юнкером в Кавалергардский полк. 13 лет прослужив в этом полку, в 1895-м, ротмистром с правом ношения мундира Николай увольняется и возвращается в свое имение. Федоровкой все эти годы управлял младший брат Захар, а Александра Николаевна, вторично выйдя замуж за Я.К. Грота, Федоровку навсегда покинула.

По всей видимости, годы управления Захара Захаровича пошли имению не на пользу. Как вспоминал П.П. Амелин, федоровский старожил, младший наследник в основном занимался развлечениями – охотой с борзыми особенно. Заводы мухортовские захирели, Захар Захарович много задолжал соседям. Может быть, чтобы спасти имение, Николай и ушел с военной службы.

Но это у него не получилось. В «Памятной книжке Орловской губернии на 1903 год» обнаружены следующие сведения об имении Мухортовых: «За

тайным советником Захаром Николаевичем Мухортовым земли при селе Владимирском-Федоровка тож и деревней Николаевка числилось 1204 десятины 1200 саженой. Это имение в количестве 1070 десятин 944 сажня по документам, а по описи и планам – 1170 десятин 1200 саженой с торгов, произведенных Советом Особого Отдела Государственного Дворянского Земельного Банка в 1897-м году перешло к полковнику Георгию Оттоновичу Рауху, а от сего последнего – к разным лицам и товариществам (в полном составе)».²⁸

В следующем, 1898 году Николай Захарович Мухортов умер от болезни почек и похоронили его в Федоровке, рядом с церковью. Женат он не был и наследников не оставил.²⁹

Был ли женат и имел ли детей Захар Захарович Мухортов, выяснить не удалось. Неизвестна и его судьба. По некоторым данным, после продажи имения он жил некоторое время в Орле, а потом уехал в Санкт-Петербург.

К настоящему времени от красивейшего когда-то Мухортовского дома, от усадьбы не осталось ничего - даже место заросло деревьями.

Уничтожена и старинная, начала XIX века, Владимирская церковь - вместе с могилой Захара Николаевича в ней. А на месте бывшего кладбища, где похоронен был Николай Захарович Мухортов, теперь располагаются контора местного сельхозпредприятия и школьный двор.

Напоминает о Мухортовых лишь название вымирающего села, расположенного в 10 километрах от Федоровки. Называется оно - Мухортово и принадлежало когда-то, естественно, этому старинному роду, несколькими представителям которого посчастливилось остаться в истории благодаря их знакомству с великим русским писателем Тургеневым.

Примечания

1. Переписка И.С. Тургенева (в 2-х томах). Т.1. Москва, 1986. С. 104.
2. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28 т. Письма. Т.IX. – М.Л.: «Наука», 1965. - С. 630.
3. Переписка И.С. Тургенева (в 2-х томах). Т. 1. С. 572.
4. Тургенев И.С. Указ. соч. Письма. Т.XIII (2). С. 124.
5. Там же. С. 333.
6. Чернов Н.М. Спасско-Лутовиновская хроника. Спасское, 1999. С. 304, 343.
7. Тургенев И.С. Указ. соч. Письма. Т. XII (2). С. 360-361.
8. Пясецкий Г.М. Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении. (Репринтное издание). Орел, 1999. С. 75.
9. ГАОО. Ф. 760, оп. 1.
10. ГАОО. Ф. 65, д. 9, лл. 49-50.

11. Орловские губернские ведомости, октября 25, 1852.
12. ГАОО. Ф. 65, д. 9, лл. 49-50.
13. ГАОО. Ф. 65, д. 9, лл. 49-50.
14. ГАОО. Ф. 65, д. 9, лл. 49-50.
15. ГАОО. Ф. 68, д. 35, лл. 93-94.
16. ГАОО. Ф. 68, д. 49, лл. 54-55.
17. ГАОО. Ф. 744, оп. 1, ед. хр. 4, лл. 35-35 (об.).
18. ГАОО. Ф. 68, д. 35, лл. 93-94.
19. ГАОО. Ф. 68, д. 49, лл. 54-55.
20. Орловские губернские ведомости, октября 25, 1852.
21. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1893 год. Орел, 1892.
22. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1893 год. Орел, 1897.
23. Сборник биографий кавалергардов (1826-1908). Санкт-Петербург, 1908.
24. Список населенных мест Российской империи по сведениям 1866 года. Т. 21. Орловская губерния. СПб, 1871.
25. Тургенев И.С. Указ. соч. Письма. Т. II. С. 493.
26. ГАОО. Ф. 101, оп. 1, ед. хр. 1966.
27. Сборник биографий кавалергардов (1826-1908). СПб., 1908.
28. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1903 год. Орел, 1902.
29. ГАОО. Ф. 101, оп. 1, ед. хр. 1966.

А.Ю. Саран

Степной король Лир: шекспировские герои в российской литературе и жизни XIX века

В основе неувядающей популярности произведений английского классика лежит не столько совершенство языка или прекрасная отделка сюжета, сколько талантливое прикосновение к архетипам культуры. Жизнь и смерть, любовь и ненависть, неблагодарность детей, как в «Короле Лире», - вот те вопросы, которые во всех странах и во все времена волновали и будут волновать людей. Недаром содержание многих шекспировских пьес разошлось на поговорки, их фабулы стали бродячими сюжетами, а имена героев превратились в нарицательные, которые одинаково понятны жителям многих стран.

Эти замечания в полной мере относятся к трагедии «Король Лир». Основным явлением, описанным Шекспиром, стало, по мнению М.В. и Д.М. Урновых, «потрясение, пережитое Лиром». ¹ Потрясение это вызвано, как может показаться на первый взгляд, неблагодарностью дочерей, но в основе его лежит ошеломленность короля переходом в новые времена и в новое состояние, к своему новому социальному статусу. Для него оказывается невыносимым потерять власть и все ее атрибуты, изменить образ жизни.

Подобная проблема, связанная со сменой поколений, существовала во все времена. Шекспир показал ее во всем эпическом размахе и живописности чувств, и этим на долгие века обеспечил своему произведению заинтересованную сопереживающую аудиторию в театрах разных стран.

Переходя на российскую почву, вспомним, что в известной любителям чтения книге М.И. Пыляева «Старое житье» сообщается о том, что «в городе Орле в начале нынешнего [XIX] столетия существовал публичный театр Сергея Михайловича Каменского, сына фельдмаршала. Театр с домом, где жил граф и все его крепостные актеры, машинисты, декораторы и музыканты, занимал огромный четырехугольник на Соборной площади». ² Позднее на этом месте расположились здания Орловского Бахтина кадетского корпуса, а в наши дни осталась лишь площадь, названная несколько лет назад именем графа.

Театр генерала С.М. Каменского (1771-1835) был открыт в 1815 году и уже через два года насчитывал в своем репертуаре 82 пьесы - 18 опер, 15 драм, 41 комедию, 6 балетов и 2 трагедии. Представления, которые шли трижды в неделю при свете свечей, могли смотреть до сотни зрителей партера, двух рядов лож и райка. Билеты в театр продавал или дарил будущим зрителям сам Сергей Михайлович, и «доморощенный театр привлекал к себе посетителей не только из уездов Орловской губернии, но и из городов окрестных губерний». ³ Известен был театр Каменского и жителям обеих столиц, которым по делам приходилось бывать в Орле.

Среди обширного репертуара орловского театра нашлось место и знаменитым произведениям Шекспира. Как сообщает М.И. Пыляев, «в трагедии «Леар» («Король Лир») сочинения Шекспира, г-н Барсов показал свои отличные дарования в трогательной роли древнего английского короля Леара; Кузьмина - в любезной и чувствительной его дочери Корделии; г-жи Соколова и Минаева - в пленительных ролях приверженного к несчастному королю вельможи и геройского его сына». ⁴ Как видим, сильные чувства пьесы классика мировой сцены увлекали и орловскую публику, которая, судя по составу остального репертуара, вовсе не выражала особенной склонности к трагедиям.

Своеобразным приветом с родины Шекспира в театре Каменского стал «старик механик англичанин». О нем вспоминает Гурий Эртаулов, посещавший театр в 1827 году. К тому времени британец уже уехал на родину, но у С.М. Каменского оставались его молодые ученики из крепостных графа.⁵ Англичанин не был одиноким иностранцем в провинциальном Орле, иностранных жителей, работников и путешественников здесь было всегда много. В 1820-е годы декорации в театре Каменского расписывал итальянец Доменико Скотти (1780-1825), которого в России звали Иваном Карловичем. По некоторым сведениям, в Орле художник-итальянец наложил на себя руки.⁶

Полвека спустя после орловского театрала С.М. Каменского, другой орловец обратился к сюжету названной пьесы Шекспира. Иван Сергеевич Тургенев в течение 1869-1870 годов написал повесть «Степной король Лир», в которой описал историю орловского помещика, отдавшего имение дочерям и не перенесшего всех последствий этого поступка. Пробразом главного героя называют помещика Степана Ивановича Ярышева, владельца сельца Меркулово, Протасово тож,⁷ в жизни которого случилась история, очень похожая на шекспировскую. Сам Иван Сергеевич прообразом «степного короля» Мартына Харлова считал «мценского силача» Николая Семеновича Протасова (около 1768 - 1.10.1838), которого писатель прямо называет в подготовительных материалах. Вероятно, с него и был написан портрет могучего главного персонажа.

Российские реалии жизни XIX века, которые И.С. Тургенев тщательно собирал при помощи родственников и знакомых, серьезно отличались от литературной истории несчастного старого отца. По сведениям авторитетного тургеневода Н.М. Чернова, писатель лично знал братьев Николая, Василия и Андрея Протасовых с детства. Дело в том, что их родовой храм близ сельца Прудичи Мценского уезда в 1825 году был разобран за ветхостью строения и семейство Протасовых посещало церковь в имении Тургеневых в Спасском-Лутовинове, которое находилось за 4 версты от их усадьбы. Николай Семенович владел небольшим имением в сельце Меркулово, которое досталось ему от отца Семена Наумовича Протасова (1747-?). Николай служил в армии с 1785 по 1792 год, вышел в отставку премьер-майором.⁸ Уже в следующем, 1793 году стал заседателем Мценского уездного суда, что предполагало и приличное знание законодательства, и авторитет в местной дворянской среде. Все это мало совмещается с литературным образом полуграмотного помещика-богатыря Мартына Харлова.

Н.С. Протасов был женат на Аграфене Дмитриевне, у них, как и у шекспировского Лира, было две дочери Анна (около 1798-?) и Александра.

Зятем Николая Семеновича, мужем его старшей дочери, стал коллежский регистратор Николай Семенович Ярошев, полный тезка тестю. Он часто менял места службы, был канцеляристом во Мценске, стряпчим в Малоархангельске и Белеве, уездным судьей в Черни. Постепенно прирастали чины (за 15 лет службы Н.С. Ярошев стал титулярным советником), а также округлялись имения, во Мценском и Малоархангельском уездах за ним значилось около 100 душ крепостных крестьян мужского пола и 300 десятин земли. Судя по тургеневскому сюжету, именно Н.С. Ярошев и стал прообразом Владимира Слеткина. Однако, реальный герой не был «безродным», его отец был штабс-лекарем, надворным советником.⁹ По сведениям Н.М. Чернова, в начале 1840-х годов Анна Николаевна Ярошева-Протасова умерла, а в 1850-е годы вдовец вторично женился.

По тургеневскому сюжету трагедия разыгралась в начале 1840-х годов, когда Мартын Харлов, как шекспировский король Лир, отдал свое имение дочерям. Зять Харлова Слеткин после этого забрал в семье власть над обеими сестрами, тесть третировался, его выселили из привычного дома. Это и стало последней каплей в чаше терпения «степного короля Лира». Харлов стал своими могучими руками ломать дом и погиб, раздавленный одной из балок.¹⁰

В жизни Н.С. Протасов в начале 1831 года передал свое имение двум дочерям, каждой досталось по 35 душ, что составляло весьма скромное достояние. Вероятно, в это время, по предположению Н.М. Чернова, и состоялся брак Анны Протасовой с Николаем Ярошевым. Пошли дети, к 1835 году у прообраза «степного короля Лира» было уже трое внуков. Чтобы спастись от наступающих материальных затруднений, Н.С. Протасов делает заем у соседей по имению помещиков Милюковых. Анна заняла 500 рублей у Н.Н. Тургенева под вексель. А в мае 1835 года Анна продает свое скромное имение мужу - таким образом в то время часто оформлялось дарение.¹¹ Вероятно, в то время уже обозначились проблемы с ее здоровьем, которые вскоре свели ее в могилу. Если бы имение передавалось по наследству, то и на этих 35 крестьян могли претендовать многочисленные родственники, а при такой передаче все оставалось в одних руках Н.С. Ярошева. С таким решением Н.С. Протасов вполне мог и не соглашаться, но от него уже мало что зависело, а 1 октября 1838 года он умер в 70-летнем возрасте и был похоронен рядом с церковью в тургеневском Спасском-Лутовинове. Подробностей об этом периоде жизни прообразов героев произведения И.С. Тургенева пока нет.

Как можно видеть, тургеневский «степной король Лир» по глубине чувств не уступает герою Шекспира, однако масштаб бедствий совсем иной. Жизнь мелкопоместных орловских прототипов героев И.С. Турге-

нева еще более отдаляет нас от обстоятельств жизни британского Лира. Но в XIX веке в Орловской губернии жил еще и настоящий Лир (Леар). История этого помещика еще более приближает шекспировского героя к российским реалиям.

Леара (Лира) звали Франц Иванович, был он поручиком и владельцем имения в даче сельца Курганки Ливенского уезда. Скромное имение было куплено 18 января 1821 года у штабс-капитанши Акулины Леонтьевны Башкатовой и состояло из 97 десятин земли с господским домом и строениями. Франц Иванович имел дочь, звали ее Екатериной. Она вышла замуж за купца Федора Ивановича Кроткова.¹² То есть складывается примерно такая же ситуация, как у Шекспира и Тургенева: есть отец - владелец земель, есть дочь и зять.

Дальнейшее развитие событий несколько отклоняется от классического русла. Леар закладывает имение, взяв у титулярного советника Петра Дмитриевича Турбина в долг 6.000 рублей ассигнациями, что составляет по тогдашнему курсу 1.714 рублей 28 копеек серебром. Долг вовремя возвращен не был, П.Д. Турбин 18 декабря 1827 года представил закладную ко взысканию в Воронежскую палату гражданского суда. Палата наложила запрет на все операции с имением. Тогда зять, купец Ф.И. Кротков, заплатил за тестя Леара долг, получил закладную, по которой мог требовать деньги с Франца Ивановича. Его также ввели во владение имением.¹³ То есть отец-землевладелец не по доброте душевной расстался со своей собственностью, а потерял ее за долги.

В «Степном короле Лире» И.С. Тургенева умерла старшая дочь главного героя. У ливенского Леара умер зять. А Екатерина Францевна Леар-Кроткова стала наследницей имения в Курганке, ее пятеро детей были малолетними, никто не оспаривал ее прав.

Здесь на сцене появляется еще один Лир (Леар). Это сын Франца Ивановича, штабс-капитан Иван Францевич Леар, который живет в имении своей жены в том же Ливенском уезде в селе Кунач. И вот, этот младший Лир, как жалуется 2 сентября 1863 года его племянник и внук старшего Лира задонский купец 3-й гильдии Федор Федорович Кротков в Ливенский уездный суд, «не уплатив несколько долга, без утверждения в праве наследства, распродав оное имение в разное время и разным лицам, несмотря на запрещение».¹⁴ К этому времени и Ф.И. Леар уже скончался.

Штабс-капитан И.Ф. Леар вначале продает 27 десятин ливенского имения неизвестным государственным крестьянам, оформляя купчую не в Ливнах, а в Елецком уездном суде. А оставшиеся от имения в Курганке 70 десятин 18 января 1863 года достаются гражданину Северо-Американских Соединенных Штатов Александру Федоровичу Катлингу. Куп-

чая вновь оформляется вдали от своего уезда - в Воронежской палате гражданского суда, хотя тот же суд 33 года назад уже запретил все сделки по данному имению, и это запрещение сохраняло законную силу. Более того, при оформлении сделки не были предъявлены законные доказательства права собственности, и даже о введении И.Ф. Леара, а ведь на имение вполне могли претендовать еще три племянницы штабс-капитана. Тем не менее, бывший англичанин смог всучить американцу чужое имение со всеми исками по нему и обязательствами.

Американец Катлинг, еще не вступив во владение, стал быстро застраивать благоприобретенный участок, летом 1863 года распахал и засеял землю. А осенью последовал иск от Ф.Ф. Кроткова, который потребовал «незаконную продажу вышеозначенного имения уничтожить, самовольное распоряжение североамериканским гражданином Александром Катлингом устранить, предоставив в их [Кротковых] пользу засеянную землю».¹⁵ Заодно купец требует привлечь к ответственности и должностных лиц тех инстанций, которые принимали неправовые решения, речь здесь идет о Воронежской палате гражданского суда и Елецком уездном суде.

Казалось бы, правота внука поручика Леара купца Ф.Ф. Кроткова очевидна. Более того, Ливенское уездное полицейское управление летом 1863 года обнаруживает новые причины, которые делают невозможными любые операции с имением в Курганке. Оказалось, что «умерший поручик фон Леар» не расплатился еще и с майором Федором Пельцих, который предъявил к оплате заемное письмо на 1.000 рублей ассигнациями и требовал погасить долг за счет оставшегося от поручика имения. Кроме того, выясняется, что и штабс-капитанша А.Л. Башкатова удовлетворена платой не полностью, она требовала еще 500 рублей ассигнациями. Да и у судебных инстанций появились свои требования; за «учинение публички» Ливенский земский суд взыскивает с имения Леара 7 рублей 27 копеек серебром.¹⁶ Сумма сравнительно небольшая, но государство может заблокировать любые решения и доставить массу неприятностей даже за гораздо меньшие прегрешения. Орловская палата гражданского суда приказывает штабс-капитану Леару и купчихе Кротковой вернуть все эти деньги истцам. Естественно, никакие сделки по имению не могут иметь законной силы.

Но последнее слово оказывается за Воронежской палатой гражданского суда, которая должна отменить свое решение о сделке по имению в ливенской Курганке. А из Воронежа в Орел приходит ответ, что «за утратою в пожаре некоторых запретительных книг и об имении Леар учинить справки невозможно», следовательно, сделку штабс-капитана с американцем отменить невозможно.¹⁷ Ливенский же уездный суд отказался

вести во владение купленными 70-ю десятинами в Курганке американского гражданина А.Ф. Катлинга, поскольку в этом суде имеются документы о непогашенных долгах. Все это означает, что дело заблокировано, и жуликоватый штабс-капитан Лепар торжествует.

Эти четыре сюжета, два из которых литературные - англичанина Шекспира и русского писателя И.С. Тургенева, а еще два - о прообразе тургеневского персонажа амчанине Н.С. Протасове и ливенце Леаре - исторические, составляют, на наш взгляд, некое единство. Его можно бы представить образами водной стихии. Шекспировский король Лир (Леар) демонстрирует океан страстей, где чувства и обстоятельства огромными валами обрушиваются на человека.

У тургеневского «степного короля Лиры» Мартына Харлова обстоятельства и чувства более скромных масштабов, сравнимых скорее с большим озером, где есть свои волны, свой прибой, далеко не морских масштабов, но погубить человека вполне в состоянии.

О мценском помещике Н.С. Протасове можно сказать, что он совершил поступок, ставящий его в ряд перечисленных персонажей, но все обстоятельства его жизни вполне обыденны, как в небольшом пруду, где не видно особенного размаха и где жизнь идет своим однажды заведенным порядком.

Последний сюжет с историей ливенских однофамильцев британского короля Лиры - поручиком и штабс-капитаном Леарами - более насыщен страстями и борьбой. Но обстоятельства, складывающиеся вокруг имени Курганки, намерения и действия реальных персонажей вызывают скорее образ гнилого болота, в котором кишат полуфантастические болотные обитатели.

Примечания

1. Урнов М.В., Урнов Д.М. Шекспир // История всемирной литературы. Т.3. М., 1985. С. 318.
2. Пыляев М.И. Старое житье. СПб., 1897. С. 197.
3. Эртаулов Г. Воспоминания о некогда знаменитом театре // Театр графа Каменского. Орел, 2001. С. 34.
4. Пыляев М.И. Указ соч. С. 182.
5. Эртаулов Г. Указ. соч. С. 34.
6. Вельский А.М. Город Орел. Краеведческий словарь. - Орел: «Труд», 2000. - С. 161. Сын И.К. Скотти Михаил (1812-1861), родившийся в Санкт-Петербурге, стал известным российским живописцем. Он был воспитанни-

ком Академии художеств, за успехи в живописи неоднократно награждался медалями, и в 1835 г. закончил обучение со званием художника. Через 10 лет стал академиком. Долго жил за границей в Италии и Франции.

7. Лотман Л.М. Комментарии // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. Соч. Т.8. М., 1981. С. 487.

8. Чернов Н.М. Дворянские гнезда вокруг Тургенева. - Тула: ИПП «Гриф и К», 2003. - С. 61.

9. Там же. С. 63.

10. Тургенев И.С. Степной король Лир // Полное собрание сочинений и писем. Т.8. - М.: «Наука», 1981. - С. 190-221.

11. Чернов Н.М. Указ. соч. С. 64.

12. ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3583. Л. 478.

13. Там же.

14. Там же, л. 478 об.

15. Там же, л. 479.

16. Там же, л. 479 об.

17. Там же, л. 483.

В.П. Волчихина

«И дым Отечества нам сладок и приятен!» (Из истории тургеневского дома)

Известно, что в последние годы жизни И.С. Тургенев стал уделять Спасскому больше внимания, предполагая остаться в нем доживать свои дни. С весны 1880 был начат капитальный ремонт усадебного дома и, в какой-то мере, его перестройка. В результате работ «красивый усадебный дом Ивана Сергеевича был почти заново отделан»,¹ в связи с чем был отслужен благодарственный молебен.² Преобразился не только внешний облик дома, произошли перемены и в интерьере. Весь процесс хозяйственных работ велся под руководством последнего управляющего Н.А. Щепкина и отражен в письмах и ведомостях прихода и расхода. Эти уникальные документальные свидетельства хозяйственной деятельности и сегодня поражают разнообразием работ и серьезностью намерений хозяина. Внутри дома производилась перестилка и покраска полов, штукатурка стен и оклейка их обоями, ремонт печей. Тургенев полагался всегда на сообразительность и распорядительность управляющего. Каждый раз, собираясь приехать в усадьбу, Тургенев просил Н.А. Щепкина кроме всех других дел «привести в обитаемый порядок хотя одну комнату в спас-

ском доме»³ и позаботиться о том, чтобы было «чисто и тепло». В доме И.С. Тургенева тепло создавали семь голландских печей.⁴

«Уже с конца 16-го века в богатых русских домах стали появляться голландские печи большой теплоёмкости, затем усовершенствованные русскими техниками. Существенная часть голландских печей: закрытый «топливник» и «дымовые обороты». Старинная голландская печь делалась очень большой, ставилась обыкновенно в углу, с такими значительными отступами от деревянных стен дома, что топочные дверцы можно было делать со стороны стены. В парадных помещениях богатых людей печи эти облицовывались изразцами или кафлями,⁵ которые в старину умели делать на Руси с своеобразным изяществом. В начале XIX века вырабатывались типы голландской печи значительно меньшего размера, но такого же внутреннего устройства: печи «угловые» и «средизальные», обе могут быть проемными, т.е. помещаться частью в проеме капитальной стены и выходить в две комнаты сразу»⁶ (выделено мною - В.В). В Спасском доме печи такого типа размещены в большой гостиной и кабинете-спальне, в «казино» и библиотеке, в комнате Захара и «девичьей». «В деревянных зданиях голландские печи нижних этажей ставили на особых фундаментах: обыкновенно во внутреннем углу выводят коренную трубу, в несколько дымов, и к ней приставляют печи в прилегающих комнатах... Изразцовая облицовка кладется одновременно с кирпичною кладкою»⁷ (подчеркнуто мною - В.В).

О том, что с весны 1880 года некоторые печи переделывались, указывают ведомости прихода и расхода, составленные управляющим Н.А. Щепкиным: «Печнику за переделку печей – 104 р. 90 к.». Для печей было закуплено «Кафлю и Гжельского кирпича на – 43 р. 20»⁸ (единственное указание на облицовочный материал). Печные работы производились согласно ведомости расхода 1881 года в кухне, в лакейской и помещении Захара Балашова.⁹

Частью усадебного дома являлись галереи, и в связи с этим нельзя не упомянуть о том, что в одной из них со времени двоюродного деда писателя И.И. Лутовинова тоже имелись печи.¹⁰ Позднее, после пожара главного дома 1839 года «... каменная галерея превратилась в кухню»,¹¹ - писал Я.П. Полонский. И печи, оставшиеся от старых времен, продолжали исполнять свое назначение не только подачи тепла, но и приготовления пищи. И для этой цели в этой части дома были печи русские. Если голландские печи служили только для отопления, то русские, кроме того, для приготовления пищи и других надобностей. Вероятно, для этой цели была куплена «кухонная плита»¹² Щепкиным у Ф. Сан-Б[амчи]. О том, что в галерее была кухня, упоминает Ж. Мурье: «... направо можно видеть ряд ком-

нат, где жили слуги, находились кухни и т.д.»¹³ На это указывает также план, составленный братом управляющего М.А. Щепкиным. Журналист, посетивший Спасское в 1897 году, писал: «Петро принес ключ от дома, и мы отправились в него с черного крыльца. Здесь налево - кухня, в которой когда-то камердинер Захар готовил Ивану Сергеевичу обед за пьянством повара».¹⁴ При восстановлении изразцов следует учитывать два периода: дом после пожара 1839 года и дом во времена И.С. Тургенева.

В силу того, что отсутствуют какие-либо указания о переделке печей в основных комнатах, можно предположить, что они оставались в прежнем виде. В усадьбе, при раскопке фундамента дома были найдены изразцы печей, которые хранятся в Орловском объединенном государственном литературном музее И.С. Тургенева и в фондах музея-заповедника И.С. Тургенева. При восстановлении тургеневского дома использовались изразцы белого цвета с клеймом «Б.Я. Лисовский. Витебск», привезенные из города Орла. «Сколько дебатов было по поводу кафеля для печей, - вспоминает в своей статье Н.М. Кирилловская, - делать в Москве искусственный или снимать со старых домов в Орле, - пошли по второму пути».¹⁵

Отошли в прошлое старые печи, но все же, прогуливаясь по зимнему Спасскому, невольно представляешь себе дымок над трубами тургеневского дома, бодрящий запах принесенных с мороза дров, будто чувствуешь тепло от старинных изразцов, распространяющих вокруг уют и покой...

Примечания

1. Полонский Я.П. Проза. М. 1988. С.407.
2. ОГЛМТ. Инв. № 198 оф.
3. Тургенев И.С. ПСС и П. Изд. 2-е. Письма, т. 12. кн. 2. С. 224-225.
4. Волчихина В.П. «Охранительная опись имущества в с. Спасском-Лутовинове, принадлежащего И.С. Тургеневу от 1 сентября 1883 года» // Тургеневский ежегодник 2002 года. Орел, 2003. С. 115.
5. Изразцы или печные кафели (название кафели от немецкого слова Kacheln и раньше относилось лишь к расписным или узорчатым изразцам) служат при постройке комнатных печей в качестве облицовочного материала для образования гладкой, непроницаемой для пыли поверхности, что имеет важное значение как в гигиеническом, так и в отношении экономии тепла, расходуемого натопленной печью для нагревания комнатного воздуха. Новый энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Т. 19. С. 150.
6. Там же. Т. 29. С. 936-937.
7. То же.
8. ОГЛМТ. Инв. № 199 оф.
9. ОГЛМТ. Инв. № 198 оф.

10. «Галерея каменная в полуциркульном виде с левой стороны к господскому дому примыкающая. В ней для растений и деревьев 13 алебастровых ваз. При оной галерее кухня, в ней комнат три. Подле кухни курная изба, в ней четыре комнаты». (Цитируется по статье Богданова Б.В. Предки Тургенева // Тургеневский сборник. Вып. 5. С. 350).

11. Полонский Я.П. Указ. соч. С. 408.

12. ОГЛМТ. Инв. № 198 оф.

13. Мурье Ж. Тургенев в Спасском. СПб., 1899. С. 111 (на франц. яз.).

14. Библиофил. Из Орла в Спасское // «Орловский вестник», 1897 г., 30 марта.

15. См.: Кирилловская Н.М. Незабываемое // Тургениана. Орел, 1999. С. 308.

Примечание: В работе использовался материал: Главный усадебный дом И.С. Тургенева в Спасском-Лутовинове. Историческая справка. Автор благодарит сотрудников Музея-заповедника за помощь в работе.

Гизела Эрбслё
(Баден-Баден. Германия)

Баден-Баден – идеальный тургеневский город

«Тургенев в Баден-Бадене» - так называлась статья, пока я над ней работала. Существенная часть этой работы состояла из прогулок по городу в поисках его бывшего жителя Ивана Тургенева. Во время этих прогулок и нашлось название, показавшееся мне подходящим: «Баден-Баден – идеальный тургеневский город». Но нужно ли, спросите Вы, *искать* Тургенева именно в этом месте, якобы идеальном для него, городе, который он действительно любил? Я думаю, обязательно нужно. И через определенное время, благодаря терпению и труду, Тургенева здесь, действительно, находишь, и вместе с ним часть «его» Баден-Бадена, - несмотря на прошедшие более чем сто тридцать лет с тех пор, как он окончательно покинул город.

Я сама живу и работаю как журналистка и автор радиопостановок в этом курортном городе – на краю Шварцвальда, в нескольких километрах от Рейна и от французской границы - более двадцати лет. По пути на радио я часто проезжаю мимо дома, называемого «Вилла Тургенева». Он стоит на улице с большим автомобильным движением, и это действительно тот дом, который построил себе Тургенев: представительное

двухэтажное здание в стиле Людовика XIII с крутой крышей и высокими трубами.

Густая тисовая изгородь защищает его фасад от любопытных взглядов. Ворота высокого железного забора, как правило, открыты, но вывеска «Частное владение. Никаких экскурсий» запрещает вход. Асфальтированная площадь перед входом, чистая и безжизненная, так же как и дорожки в саду, в который можно заглянуть с маленькой улицы позади виллы. (Там, между прочим, также сохранился «Molkenkur» - в котором во времена Тургенева по соображениям здоровья пили молочную сыворотку, а сегодня предпочитают заказывать баденское вино). Но сад – похож ли он на тогдашний?

140 лет назад 19 сентября 1864 года Тургенев писал своему берлинскому другу Людвигу Пичу: «Сегодня начали строить мой дом». Через год в письме Павлу Анненкову он сообщал: «Дом мой меня веселит, и сад, который Боткин видел в плачевном виде. Скажите ему, что мои сажалки (я по скромности не называю их прудами) теперь наполнены чистою как хрусталь водою – и что у меня в них будут жить форели, которых, богу соизволящу, и Вы и он будете у меня кушать. Из Страсбурга я выписал слишком 500 деревцов и кустов и все это посадил, и надеюсь под старость, даже пожалуй и раньше, прохаживаться в их тени». Это было начало. Из воспоминаний Л. Пича можно увидеть, какое открытое, гостеприимное и отрадное впечатление производили тургеневский дом и сад в последующие годы, даже в то время, когда писатель еще не мог вселиться в него из-за нехватки денег. «Château enchanté» (Волшебный замок) – называли его в народе, так как он долгое время стоял с закрытыми ставнями днем, а по ночам был ярко освещен. Гости приезжали и уезжали, ставились оперетты Виардо, дом и парк жили полной жизнью. Та часть парка, куда можно заглянуть, сегодня выглядит, однако, холодной и отстраненной. Всегда тихо. Аккуратные, но пустынные, тоскливые, подметенные, скучные дорожки и в середине – заключенный в бетон пруд с фонтаном. Вид на долину, который прежде открывался из виллы, давно застроен другими домами. Но Тургенева с его всегдашним радушием и общительностью, с его любовью к деревьям и живым кристально-чистым источникам – Тургенева я там не нашла.

Итак, моя прогулка ведет меня прочь от этого опустевшего на вид дома, вниз по улице, в долину. Через двести метров вниз – уцелевший флигель – жилище его друзей Виардо. Его владения граничили с их усадьбой, которая, в свою очередь, соседствовала с владениями князя Меншикова, которого Тургенев, насколько я знаю, терпеть не мог, и чьи земли в Орловской губернии граничили со Спасским-Лутовиновым.

Уцелевший красивый флигель особняка Виардо не напоминает ни о чем из того, что здесь когда-то происходило: концерты известных коллег-музыкантов перед избранной публикой, состоящей из королей и князей, но, прежде всего, из друзей, понимавших, *что* им здесь предлагают. Бывали здесь Антон Рубинштейн, Клара Шуман, Брамс и Лист, одаренные ученицы Виардо дебютировали в этих концертах. И потом тихие вечера в семейном кругу: читали вместе, например, современную немецкую литературу, Фрейтана или Шпильгагена, рисовали карикатуры, репетировали утренники, дневные концерты и оперетты. «Такое международное содружество поклонников чистого культа искусства и красоты, - писал Людвиг Пич, - такое воплощение понятия идеального, подлинно человеческого, свободного общества, найдется ли еще вне этой долины?»

Во всяком случае, это было открытое, толерантное общество с твердыми принципами – эта колония художников в центре Европы – полная противоположность типичному «светскому кругу» Баден-Бадена, который переживал все свои страсти в центре городка вокруг казино.

Я продолжаю мои поиски Тургенева, спускаюсь за пару минут по бывшей Тиргартенштрассе до конца и сворачиваю в Тиргартен, знаменитую Лихтентальскую аллею – это не просто улица, а парк, разросшийся в первой половине XIX века вдоль речушки Оос: с лугами и очень старыми деревьями. Несколько лет назад здесь под молодым каштаном был установлен бюст Тургенева. Этот каштан – замена утерянного «дерева русских». Можно только догадываться, что оно росло где-то в этом месте. Вы помните? Описанием этого дерева и собравшихся вокруг него соотечественников начинает Тургенев свой роман «Дым». Эта большая бронзовая голова смотрит равнодушно и застывшие, как сфинкс, - воплощение тайны жизни и смерти, о которой писатель говорит в своих письмах - через речку Оос на фасад пышного фешенебельного отеля, возможно, и сквозь него. Гостиница Бреннер, загораживающая бронзовому Тургеневу вид, была построена намного позже, после отъезда Тургенева из Баден-Бадена – на месте большого сада, раскинувшегося до берегов Оос. Это был сад печника Анштетта. Тургенев проходил через него минимум два раза в день, чтобы выйти через мост на аллею и оттуда – к дому Виардо.

Часто он шел с фонарем в руках, за что его отчитывала фрау Анштетт: «Так не принято, Herr Turgenjeff, - говорила она (настоящие баденцы говорят «Herr Durganiff»). - Это неприлично, что вы сами несете фонарь». Но ему был безразличен этикет. «Я - Тургенев, - якобы сказал он, - ношу я фонарь или нет».

Простой двухэтажный дом Анштеттов, в котором Тургенев обычно занимал нижний этаж, где он работал, писал письма и принимал своих

многочисленных иностранных друзей, стоял на Шиллерштрассе – так называется эта улица и сейчас – примерно напротив того места, где сегодня располагается вход в фешенебельный отель. Этот уголок, весьма связанный с памятью о Тургеневе, – очень литературное место. Дирекция отеля, однако, не имеет никакой склонности к литературе и распорядилась снести старый дом Анштеттов, чтобы построить на его месте практичный офис. Но это еще не все. Дирекция распорядилась также снести сохранившийся до тех пор чудесный романтический садовый домик-беседку. Там тоже, говорят, было рабочее место Тургенева – в этом белом домике с деревянным резным орнаментом и винтовой лестницей на второй этаж. Жителям Баден-Бадена, которые хотели сохранить домик, было обещано восстановить его в другом месте. Его разобрали, и там, где он стоял, выросло много новых богатых особняков, напоминающих разве что о денежных сейфах, но носящих имя другого достаточно богатого русского литератора.

И все же передает ли этот ландшафт по берегам Оос что-то из того, что Шиллерштрассе и аллея когда-то значили для Тургенева? Можно ли представить, как выглядела эта долина и покрытые лесами горы? Можно ли понять, почему *он*, живший в Петербурге и в Париже, в Москве и в Риме, в Берлине, Лондоне и Дрездене, знавший столько других прекрасных мест, выбрал *этот* городок, чтобы, как он часто повторял, *поселиться там навсегда?*

Было бы слишком просто, я думаю, объяснить его отношение к Баден-Бадену *только* близостью семьи Виардо. Естественно, их политически мотивированное решение переехать из Парижа в Баден-Баден было и для Тургенева *непосредственным* поводом для перемены места жительства. Но у него и Виардо – особенно у него и Madame – вообще было много общего в области восприятия, мышления и чувств. Я напомним здесь письмо 1870 года, в котором Полина Виардо пишет из Веймара Тургеневу, описывая впечатляющую игру сгущающихся грозовых туч. И он, отвечая ей, пишет, что украдет это описание, чтоб использовать в одном из своих рассказов (может быть в «*Степном короле Лире*»?) – как он уже не раз делал. Эта сильно выраженная общность чувств и мышления у них несомненно была, но все же отношение автора к Баден-Бадену и влияние этого места и ландшафта на него являются также и очень личными: они не в последнюю очередь связаны с концепцией его литературного творчества.

Здесь мне хотелось бы поблагодарить бывшего директора тургеневского заповедника Спасское-Лутовиново Б.В. Богданова, который своими «тургеневскими прогулками» по Спасскому дал мне прекрасную идею подобной прогулки по Баден-Бадену. Он гулял по парку в Спасском, хо-

дил через близлежащие поля, и, казалось, читал их, как книгу. Для его спутников ландшафт превращался в литературу, и наоборот, литература, которую он неумолимо цитировал, превращалась в пейзаж. Возможно, это был процесс как бы параллельный тому, который изобрел писатель и охотник Тургенев. Во всяком случае, автор и охотник Тургенев всегда присутствовал в этих прогулках. И этот пример открыл мне глаза и уши в моих поисках в Баден-Бадене.

В стороне от официальных тургеневских прогулок по прекрасному Баден-Бадену я нашла его подлинное, **Тургеневское** место: это были остатки беседки, которые находились в разрушенной ураганом 1999 года теплице. Двойная руина, как тайное гнездо новых историй в бывших городских очистительных сооружениях, недалеко от вокзала Оос, на который приезжал и с которого уезжал Тургенев. На первый взгляд – полустгнившие балки, подписанные и пронумерованные: куча мусора в ландшафте. Но в каком ландшафте! Здесь, то есть – на запад от железнодорожных путей, на север от ответвления автобана с его шумом пролетающих машин, – находились охотничьи угодья Виардо, которые простирались до поймы Рейна. Болото, островки леса в равнине. Буквально слышишь, как Тургенев перечисляет свою добычу: «Я успел быть... семь раз на охоте: в 1-й раз ухлопал 3 куропатки и 2 зайца; во 2-й – 6 куропаток и 5 зайцев; в 3-й раз – 8 куропаток и 3 зайца; в 4-й – 11 куропаток, 5 зайцев и 1 перепела – всего 56 куропаток, 19 зайцев, 4 фазана и 2-х перепелов = 81 штука. Это не огромно, но недурно. Что-то будет дальше. Охота только-что начинается».

Тургенев не был автором, сочиняющим свои истории за письменным столом. Бродить, скитаться и брать не только зверей, но и людей на мушку, удержать, схватить – это было его методом. Так собирал он звуки и голоса; необычных людей, их особенности и их говор. Можно себе представить, как он на ходу составлял костяк своих историй – из того, что он видел, и того, что он помнил из поездки по России.

О значении слуха в его ландшафтах говорит, между прочим, удивительное письмо из Куртавнеля Полине Виардо. Там он перечисляет ночные звуки во дворе замка, потом в замковом рву, в примыкающем к нему лесу и, наконец, он движется только при помощи слуха к дальней проселочной дороге. Так же внимателен был писатель и к голосам: птичьим и человеческим. Ему, так ценившему технику, облегчающую обыденную и общественную жизнь, идея звукозаписи была уже не чужда. Во время одного из своих нелюбимых в ту пору посещений Парижа он слышит, как говорит французский император: «Если б можно было запечатлеть голос, как можно зарисовать голову, – пишет он, – сказали бы – это говорит профессор ботаники из Швейцарии или нумизматик».

Необыкновенно помогал Тургеневу в изучении иностранных языков тонкий слух. Он писал, если не считать пары грамматических ошибок, на необыкновенно свободном, живом, ярком, полном красок немецком, применяя кучу слов из разговорной речи – то, что можно подхватить, только слушая – и придумывал, наконец, сам немецкие слова не хуже любого немца.

Для Тургенева Баден-Баден был, однако, городом для глаз; здесь ему были важны в первую очередь визуальные впечатления. С самого начала его поражает растительность и свет: «Изумрудная зелень», «зелено-золотое», «бездонная зелень», – так восхищается он в своих письмах и потом: «покрытые изумрудным мхом деревья, божественные виды». Вообще в середине XIX века Баден-Баден еще далеко не так разросся, как сегодня: луга и поляны покрывали граничащие с городом холмы, особенно на юго-востоке, так что долина производила впечатление не менее зеленое, но более светлое и воздушное, чем сегодня. Хвойные леса здесь были раньше смешанными. Впечатление Тургенева во время охоты и прогулок в Шварцвальде было двояким: с одной стороны – высота, а с другой – игра света и тени, более типичная для лиственного леса.

В апреле 1863 года Тургенев сообщает Гюставу Флоберу (которого он чувствовал таким родственным себе, что сказал: «Вы и я – мы два крота, роющие свои ходы в одном направлении») о своем переезде в Баден-Баден следующим образом: «Через 8 недель я покидаю Париж и переселяюсь в Баден-Баден. Не приедете ли вы туда? Там есть такие деревья, каких я нигде не видал, и на самых вершинах гор. Это сильно, молодо – и одновременно это поэтично и изящно. Это благотворно действует на глаза и душу. Когда сидишь у подножья одного из этих великанов, кажется, что заимствуешь у него частицу его сока – а это очень приятно и очень полезно. В самом деле, приезжайте в Баден-Баден, хотя бы на несколько дней. Вы привезете оттуда великолепные краски для вашей палитры».

Тургенев любил поросшие лесом горы Шварцвальда, и вообще деревья играли особенную роль в его литературном мире. С одной стороны, они воплощали – как в начале рассказа «Поездка в Полесье» – угрожающую близость смерти, они бездонны как море. С другой стороны, они могут служить и надежным укрытием и укрывающими жизнь, – как Шварцвальд в фантазии «Призраки».

Тут я хотела бы вернуться к нашей прогулке: от Тургеневского бюста и вида на Отель Бреннер под очень старыми деревьями вдоль Оос в направлении на запад, мимо кафе, мимо бывшей гостиницы «Англетер» и отеля «Европейский двор», и, наконец, мимо казино к водолечебнице, где с 1840 года пили минеральную воду. Виды города, которые открыва-

ются во время прогулки, неотделимы от холмистых, покрытых лесом окрестностей. Здесь нет тесных проулков или темных улочек, наоборот, всюду и всегда городской ландшафт красив и просторен. Пейзажи изображены и на фресках в открытой галерее питьевого Павильона. Фрески иллюстрируют баденскую легенду о русалках и зловещих призраках, соблазняющих рыцарей. Из этой галереи взгляд устремляется к скалам и деревьям старого замка высоко над городом – во времена Тургенева так же, как и сегодня. В романе «Дым» можно прочесть о подъеме из города к подножью старого замка. Само собой разумеется, что сам автор проделал этот путь.

Поедем и мы через город, через высоко лежащие поля и лес, наверх, к замку. Снова и снова открывается вид на город, окруженный долиной. Говоря в письмах о Баден-Бадене, Тургенев часто сравнивает это место с гнездом. Недалеко от источника, возле которого сейчас очень часто встречаются не «новые русские», а русскоговорящие реэмигранты, открывается панорама города и его окрестностей. На одной стороне – море лесистых вершин, на другой, на запад – равнина Рейна. В сумерки можно наблюдать такую картину, когда постепенно освободившееся от уходящих облаков небо с запада светлеет и заходящее солнце шаг за шагом открывает нашему взору прекрасный вид. Взгляд наблюдающего эту картину встречается со светом, идущим на него сверху; затем падает на последний зеленый холм перед долиной Рейна, затем скользит по равнине, где река с ее изгибами становится зеркальной гладью, в которой отражаются все краски неба. Он следует дальше, во Францию, где один за другим встают горные хребты, так что кажется, будто можно видеть до самой Атлантики.

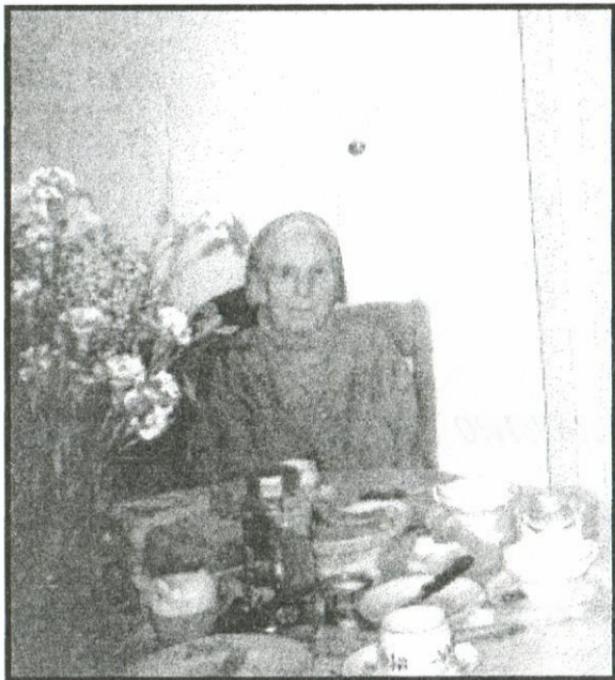
Наверняка Тургенев не раз восхищался этой панорамой. Им должны были владеть одновременно два чувства: близости и далекости, ощущение того, что Баден-Баден – его гнездо, где он защищен, и – чувство свободы.

В семидесятые годы XIX века заполнялись анкеты, которые были популярными еще и во времена Пруста. Его ответ на вопрос, где бы он хотел жить, звучал так: «Там, где я свободен уехать, куда я хочу».

Итак, в топографии современного Баден-Бадена, который я понимаю как идеальный тургеневский город, легко найти следы И.С. Тургенева благодаря точному описанию у него местности и пейзажей. Баден-Баден и сегодня неотделим от имени великого русского писателя.

VI

К 85-летию Музея И. С. Тургенева

Л. Н. Назарова, тургеневед, старейший сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом). Фото 2004 года.

Музею Тургенева в Орле 85 лет

Можно с уверенностью сказать, что центром культурной жизни самого литературного города России - Орла - являются именно литературные музеи: И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, И. А. Бунина, Л. Н. Андреева, Т. Н. Грановского, музей писателей-орловцев. В них не только сосредоточены ценные материалы (рукописные, книжные, живописные и др.), там работают очень квалифицированные, инициативные научные сотрудники, которые с большой отдачей исследуют эти материалы. Они ежегодно проводят выставки, созывают научные конференции, выпускают много изданий, пользующихся огромным спросом у научной и культурной общественности. А ведь когда-то, в 1918 году, когда было принято постановление о создании музея Ивана Сергеевича Тургенева, предусматривалась лишь мемориальная экспозиция, в которой должны были быть представлены сохранившиеся вещи писателя, его родовая библиотека и библиотека В.Г. Белинского, приобретенная Тургеньевым после смерти его друга и наставника.

Музей Тургенева начал расширяться очень скоро. Уже в 1921 году было принято решение о создании музея-заповедника в Спасском-Лутовинове, который много десятилетий был филиалом орловского музея. Теперь это большой самостоятельный музей федерального значения. Были созданы филиалы в Орле: Лескова, Бунина, Леонида Андреева, музей писателей-орловцев. Но по-прежнему центром музейной жизни города остается музей И.С. Тургенева. Здесь развернута самая большая в стране экспозиция, посвященная жизни и творчеству писателя, проводятся ежегодные Тургеньевские чтения, отмечаются памятные даты, связанные с биографией и творчеством писателя, устраиваются многочисленные выставки, конкурсы, музыкальные и литературные вечера, театральные спектакли. Наконец, здесь уже много лет готовятся и выпускаются в свет научные сборники, посвященные Тургеньеву («Тургеньиана», «Тургеньевские ежегодники», материалы научных конференций, которые издаются под редакцией В. В. Сафроновой, Л. В. Дмитриухиной и Л. А. Балыковой), ведется научное описание его мемориальной библиотеки (в 1994 г. выпущен 1-й том, в ближайшее время выйдет в свет второй, готовится к печати и третий, завершающий том). Очень

активное участие приняли сотрудники в готовящейся Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН «Тургеневской Энциклопедии», работа над которой близится к завершению. Выходят из печати и отдельные произведения И.С. Тургенева, снабженные комментариями сотрудников музея и иллюстрациями художников-орловцев. И что самое удивительное - все это делается усилиями совсем небольшого коллектива сотрудников, несущих, помимо напряженной экскурсионной работы, большую научно-исследовательскую нагрузку. Мне кажется, я понимаю причины столь плодотворной деятельности коллектива музея, поскольку более полувека была связана с этим коллективом и его предшественниками.

Активное сотрудничество Пушкинского Дома с музеем Тургенева в Орле началось, по-видимому, в самом конце 1940-х годов, когда в кабинет зам. директора по научной работе Института русской литературы Михаила Павловича Алексеева явилась Евгения Ивановна Кожухова, тогдашний директор Орловского музея. Ее увлеченность делом, энергия и желание повысить научный уровень музейной работы подкупили Михаила Павловича, который с молодых лет очень любил творчество Тургенева (его первая научная работа вышла в свет еще в 1918 году, как раз в год открытия музея в Орле, она называлась «Тургенев и музыка») и готовился в то время к изданию полного собрания его писем. В дальнейшем это начинание переросло в издание Полного собрания сочинений и писем в 28 томах. Можно сказать, что Евгения Ивановна заразила своим энтузиазмом М.П. Алексеева, а он, в свою очередь, хорошо понимал, что полноценное научное издание наследия Тургенева не сможет состояться без участия орловских литературоведов и краеведов. В результате совместной работы нашего института и музея в Орле были проведены три больших научных конференции, посвященные жизни и творчеству И.С. Тургенева - в 1952, 1955 и 1958 годах. Они собрали лучших тургеноведов нашей страны и зарубежья и дали, конечно, творческий импульс дальнейшим исследованиям. И самым существенным для музея И.С. Тургенева в Орле было участие в этих конференциях музейных сотрудников: Л.Н. Афонина, В.А. Громова, А.И. Понятовского, Б.В. Богданова, Р.М. Алексинной и др. Позднее эти сотрудники принимали активное участие в «Тургеневских сборниках», которые выпускались в Пушкинском Доме параллельно с томами Полного собрания сочинений писателя, неоднократно приезжали в наш институт на конференции и даже заседания Тургеневской группы. Двое из них защитили в Пушкинском Доме

кандидатские диссертации - Л.Н. Афонин и В.А. Громов. В связи с одной из защит мне вспомнился такой эпизод. Член Ученого совета Пушкинского Дома, известный литературовед и лермонтовед Виктор Андроникович Мануйлов был большим мастером шуточных стихотворений и эпиграмм. Видя, с каким энтузиазмом относятся в Тургеневской группе к Леониду Николаевичу Афонину, тогдашнему директору музея И.С. Тургенева в Орле, он во время заседания Ученого совета сочинил стихотворение, которое назвал «Письмом И.С. Тургенева к Л.Н. Афонину от 7 мая 1967 года»:

*Любезнейший Л. Н., отменно
Мой заповедный край храните Вы, -
Отвечу Вам на труд Ваш вдохновенный
Я песнью торжествующей любви.*

*Мой друг, прошу Вас, не взывайте,
Коль с точки зренья праведников всех
Увидел я в сегодняшней защите
Давно заслуженный успех.*

*Пусть воды вешние катятся в злую Лету,
Сменяют сыновья стареющих отцов,
Я передам Ученому совету
Свою любовь.*

*И в руки верные тургеневской оравы
Ученых дам
Поцеловать Вас и поздравить право
Я передам.*

*И хоть твердят Вам новые чинуши,
Что век не тот и сны не те...
В Вас видит родственную душу
Вас уважающий*

И.Т.

В ту пору, когда музей в Спасском-Лутовиново был филиалом музея Тургенева в Орле, многие орловские научные сотрудники работали летом в тургеневском заповеднике. В.А. Громов одно время

заведовал Спасским-Лутовиновым, затем те же обязанности исполнял Б.В. Богданов, тоже многие годы тесно связанный с изданиями Пушкинского Дома. Высочайшим профессионализмом отличалась работа в заповеднике, проводимая Н.Т. Павловой, Е.В. Процем, Л.А. Балыковой, С.Л. Жидковой, Р.М. Алексиной. Последняя позднее заведовала Домом-музеем Н.С. Лескова, который многим обязан ее энергии и преданности творчеству этого писателя. Она является автором многих публикаций, посвященных творчеству Лескова и других писателей-орловцев.

Особенно глубокий след в истории орловских литературных музеев оставили уже упоминавшиеся Л.Н. Афонин и В.А. Громов. Первый был директором музея, второй - его заместителем. Помню, что в самом начале совместной работы они как-то не поладили друг с другом. Но потом, когда некоторые факты биографии В.А. Громова (его отец был репрессирован и погиб в лагере) стали известны Афонину, он, будучи человеком чрезвычайно внимательным и мягким по отношению к судьбам близких людей, проникся к своему заместителю самыми теплыми чувствами. А вскоре стал уважать его за преданность делу изучения творчества И.С. Тургенева, за необычайный интерес к архивным разысканиям. И, безусловно, именно Афонин рекомендовал Владимира Алексеевича в аспирантуру Пушкинского Дома.

О Владимире Алексеевиче Громе, Леониде Николаевиче Афонине, Александре Ивановиче Понятовском я писала в своих воспоминаниях, поэтому не буду повторяться. Подчеркну лишь, что научные описания рукописных коллекций Тургенева и Бунина, составленные А.И. Понятовским, до сих пор являются незаменимым пособием для всех, кто занимается творчеством этих писателей. Вспоминая свое общение с сотрудниками музея, думаешь не только об их научных трудах, но и об их блестящих экскурсиях, которые мне довелось слушать в Орле и в Спасском-Лутовинове. Это было незабываемое впечатление. Экскурсии Н.Н. Калиновской, Б.В. Богданова, В.А. Громова, Л.Н. Афолина, Р.М. Алексиной, Л.А. Балыковой, Л.В. Ивановой, Е.В. Проца, В.П. Волчихиной и других сотрудников отличались глубокой насыщенностью фактическим материалом, эмоциональностью, умением погрузить слушателя в мир писателя, о котором шла речь. Эти беседы навсегда привязали к Орлу многих и многих экскурсантов.

В последний раз я была в Орле и в Спасском-Лутовинове в 1990 году и тогда имела возможность встречаться с очень примечательным

человеком - Любовью Егоровной Максимовой. Она числилась библиотекарем музея И.С. Тургенева, но по существу была большим знатоком биографии Б.К. Зайцева, автором статей о нем в орловской прессе, одним из участников создания мемориальной комнаты в музее писателей-орловцев, посвященной творчеству Зайцева и И.А. Новикова. Человек огромного обаяния, Любовь Егоровна тогда с радостью встречала потомков Б.К. Зайцева, приехавших навестить родину своего отца и деда. Не забудется мне и экскурсия по комнате, посвященной творчеству А.А. Фета, которую провела однажды Лидия Валентиновна Иванова. Это было так артистично, что я с наслаждением вспоминаю ее по сей день.

Когда я уже не смогла бывать в Орле и посещать его замечательные музеи, я письменно подружилась и с большим удовольствием переписываюсь с некоторыми сотрудниками музея. Эти письма всегда доставляют радость и поддерживают самые добрые воспоминания об Орле.

Мне приятно сознавать, что теплые отношения, сложившиеся в те годы между сотрудниками Пушкинского Дома и Орловского музея Тургенева поддерживаются до сих пор. Приятно, что музейные сотрудники (Л.А. Балыкова и О.В. Вологина) защищают диссертации, в том числе и в Пушкинском Доме. Приятно, что нас по-прежнему связывают общие научные интересы, общая любовь к писателям-орловцам, просто добрые человеческие отношения. И в этот знаменательный для музея год, год 85-летия его существования, мне с особенным чувством любви, уважения и глубокой благодарности ко всем сотрудникам Музея И.С. Тургенева (и его филиалов), которым многие годы руководит В.В. Сафронова, хочется поздравить этих честных, скромных и неутомимых тружеников, подлинных хранителей русской культуры. Несмотря на стесненные материальные обстоятельства, они продолжают, не щадя своих сил, высоко нести знамя музейных работников на ниве нашего просвещения. Будьте здоровы, дорогие мои, будьте счастливы, и знайте, что ваш труд оценен вашими современниками и будет благодарно воспринят будущими поколениями.

Музейные встречи

I

Годы моей работы в Государственном музее И.С. Тургенева связаны с многими встречами с интересными людьми, яркими, запоминающимися событиями. Одним из таких незабываемых событий стало установление контактов с Обществом друзей Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран в Париже. Это произошло во 2-ой половине 70-х годов теперь уже прошлого века. Это было в 1977 году. С нами вступил в переписку президент этого Общества профессор Сорбонны господин Звигильский. Посредником в установлении связей был Государственный литературный музей в Москве.

Во Франции заблаговременно стали готовиться к 100-летию со дня смерти Ивана Сергеевича Тургенева, и одним из «ударных» моментов юбилея должно было стать открытие музея Тургенева в Буживале, в доме, где в 1883 году умер писатель. Естественно, что в процессе этой работы французская сторона проявила большой интерес к музею И.С. Тургенева в Орле, к усадьбе Спасское-Лутовиново, к нашим фондам, к нашему музейному опыту.

В Орел несколько раз приезжал А. Звигильский, а в Париж была командирована (в то время старший научный сотрудник музея Тургенева) прекрасный знаток французского языка, хорошо знающая творчество французских писателей, друзей И.С. Тургенева, Л.А. Балыкова.

Одним из запоминающихся моментов этих взаимосвязей на том первичном этапе их становления был первый приезд в Орел большой группы членов Общества друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран. Среди приехавших были: известный тургеновед, писатель Х.-Э Цунига из Испании, внук бывшего орловского вице-губернатора Галахова Н.В. Вырубов (по сути дела, хозяин того дома, где был открыт в 1918 году в Орле музей), известный французский искусствовед Пьер Микель, племянница знаменитой дореволюционной русской певицы Плевицкой и другие. Группа была большая, около 30 человек.

Если я сейчас, через четверть века, скажу, что мы восприняли этот приезд как визит обычной туристической группы, это будет неправдой. Волновались все – и в Интуристе, и в музее, и в Управлении культуры, и в других инстанциях. Это была не просто экскурсия, а прием

представителей французской культуры и общественности. Надо отдать должное нашему коллективу: и сервировка стола (сделанная в традициях русского чаепития с самоварами, баранками и разнообразными пирогами домашнего приготовления), и само общение между собой всех участников этой встречи соответствовало статусу нашего музея, высокой духовно-этической планке.

Французские коллеги об этом их первом приезде в Орел потом, когда мы были приглашены на открытие музея Тургенева в Буживаль, вспоминали с большой теплотой.

Открытие музея Тургенева в Буживале состоялось 3 сентября 1983 года, ровно в день столетия со дня смерти писателя. Перед вылетом в Париж нас с Б.В. Богдановым пригласили в Центральный комитет КПСС, где сказали нам о значимости этой поездки во Францию как об одном из звеньев укрепления советско-французских культурных взаимосвязей. Наша, как тогда говорили, советская делегация состояла из 4-х человек: я, Борис Викторович Богданов, заведующий заповедником Спасское-Лутовиново, В. Чалмаев – из Союза писателей СССР и Д. Урнов – из Института Мировой литературы.

Кого только не было на этом открытии: литературоведы из Бельгии, Италии, Испании, США, Канады, Израиля, Японии, Швейцарии, Румынии и других стран. Присутствовали на открытии и посол Советского Союза во Франции, и советник по культуре, и другие работники посольства. С французской стороны были: министр внешних сношений Франции, деятели культуры, внук Полины Виардо и очень большое количество представителей русской эмиграции. Звучали фамилии внуки композитора Мусоргского, княгини Шаховской, родственников писателя Б. Зайцева, родственников поэта Ф. Соллогуба, потомков Герцена и т.д.

Мы просили господина Звигильского представить нас внуку Полины Виардо, но он не стал этого делать, сославшись на то, что тот не знает русского языка. К слову сказать, появление среди публики внука певицы произвело немалую сенсацию – это был человек очень в летах, высокого роста, с красивой седовласой головой, одетый в костюм горохового цвета, с красивой тростью в руках. Как-то сразу повеяло XIX веком, да и вообще рискну сказать, что в нем было что-то очень общее с обликом И.С. Тургенева.

Мы приняли участие в Международной конференции «Иван Тургенев и Европа», на которой с докладами выступили Урнов и Чалмаев; с своими сообщениями выступили и мы: «Спасское-Лутовиново – творческая лаборатория И.С. Тургенева» и «Музей

Тургенева в Орле – один из первых литературно-мемориальных музеев революционной России».

Во время экскурсий по Парижу нам довелось быть в доме Э. Золя, встретиться с его внуком и услышать восторженные слова в адрес Тургенева. Незабываемое впечатление оставило присутствие на литературном вечере, где известный французский актер Жак Франсуа читал рассказ «Муму»; огромная аудитория, где присутствовало наверняка порядка 150 слушателей, на одном дыхании слушала это чтение, у многих в руках были томики с этим произведением, и люди не только слушали, но и одновременно читали.

Из парижских встреч особенно запомнилось общение с Н.В. Вырубовым. Познакомились мы с ним еще раньше, во время его приезда с туристической группой в Орел. А. Звигильский сразу оговорил, что знакомить меня с Николаем Васильевичем Вырубовым не будет. «Значит я должна сама вычислить его в этой большой группе?» - «Да». В какой-то момент небольшая группа наших гостей, человек пять-шесть, вышли во двор музея. Среди них находился весьма красивый мужчина, который внимательно осматривал строения, двор, деревья... Казалось, что он старается воспроизвести в своей памяти какие-то давние, еще детские воспоминания. «Наверное, это он», - решила я. И интуиция меня не подвела. Я подошла и спросила: «Вы Николай Васильевич?» И услышала в ответ – «Да».

При встрече в Париже Николай Васильевич вел себя как старый наш знакомый. Он отвел нас с Борисом Викторовичем Богдановым в Лувр, показал дом, где жил в эмиграции в Париже Ленин, накормил в красивом, очень фешенебельном ресторане прекрасным обедом и в заключение, лукаво улыбаясь, сказал: «Ну, а теперь поедem еще в одно место». Машина остановилась около очень красивого дома. Консьержка, увидев Николая Васильевича, быстро открыла дверь. Первое, что мне бросилось в глаза – большая беломраморная лестница, которая вела куда-то вверх, обилие растений, красивейшие картины – все это как-то напоминало музей. Николай Васильевич догадался о моих мыслях и сразу объяснил: «Это мой дом, на старинных портретах предки моей жены, она полька, известного рода Радзивиллов. Дом мы сдаем внаем, а наши комнаты вот здесь, на 1-м этаже». Надо честно сказать, что и здесь все было прекрасно, все напоминало наш музей, да и портреты родственников Николая Васильевича, которые висели на стенах, были нам знакомы по фотографиям и описаниям. Дома у Николая Васильевича был с нами и В.А. Чалмаев. Хозяин дома много говорил о Тургеневе, о его жизни в Париже, о Полине Виардо. Чувствовалось, что

он не вполне одобрял то чувство, которое питал писатель к певице. И вообще о всех событиях Н.В. Вырубов говорил так, как будто все это имело место лет 5-10 тому назад. Честно скажу, на первых порах мы себя чувствовали в этой атмосфере не очень раскованно. Николай Васильевич скоро заметил это и сделал все возможное, чтобы мы «отошли». Вообще надо сказать, что держался он очень просто, предупредительно и в то же время с большим достоинством. Когда говорят слово «джентльмен», я сразу вспоминаю Н.В. Вырубова.

Хочется рассказать еще об одном моменте нашего пребывания в Париже. Несколько дней мы жили не в гостинице, а в доме члена «Общества друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран» господина Карно. Он был русским эмигрантом по фамилии Карноухов, в годы фашистской оккупации участником французского Сопротивления. Его дом отличался от дома Вырубова. Это был не отдельный особняк, а пятикомнатная квартира в многоэтажном доме. Хорошо была обставлена только одна комната – зал. И особенно запомнилась мне кухня: огромная комната с большим столом из старого дерева, вокруг – деревянные скамейки, на стенах медные тазы для варки варенья, на полочках – медные ступки ... и старенький приемник. Я как-то сразу почувствовала себя как бы в другом временном измерении. Представила себе дни Сопротивления, этот маленький приемник, листовки... Следует дополнить картину следующим обстоятельством: в эти же дни у г-на Карно жили политэмигрант, врач из Турции, и студент-негр из Америки. Естественно, когда такое «сообщество» собиралось за обедом или ужином, то разговоры шли и о творчестве Тургенева, о его многолетнем пребывании вне России, и о современной советской литературе, многие представители которой бывали в гостях у г. Карно, он вспоминал об известном детском поэте Б. Заходере и других. В какой-то момент разговор начал принимать не литературный, а скорее политический характер, чего нам с Борисом Викторовичем Богдановым совершенно не хотелось; тогда я предложила перейти ближе к пианино. Вспомнила все свои музыкальные познания и сыграла «Турецкий марш» Моцарта, чему очень был рад турок-эмигрант, вальс «На сопках Манчжурии», что вызвало даже слезы на глазах у господина Карно. Борис Викторович очень удивился моим музыкальным «познаниям». На что я ответила ему: «Вот мы и еще раз убедились и в великой силе искусства, и в том, что здесь не нужен переводчик».

Прошло уже более 20 лет после этих событий, многих из людей, с кем мы встречались, уже нет в живых, но связи между музеями продолжают. Так и хочется сказать, «что было, то было».

II

Когда я сейчас мысленно возвращаюсь в прошлое, то неизменно вспоминаю слова: «вспомнишь и лица давно позабытые...» «Лиц» этих, действительно, было немало, и это были люди очень и очень интересные: поэты, писатели, ученые, известные музейные работники. С кем только не сводила судьба за годы работы в музее Тургенева! У всех на слуху тогда было имя директора Пушкинского заповедника в Михайловском Семена Степановича Гейченко. С очень колоритной внешностью, с громоподобным голосом, в расстегнутой, несмотря на сильный мороз, белой дубленке, мне кажется, он слушал и слышал только себя. Что-то меня настораживало, наверное, несколько «вольное» обращение с мемориализацией пушкинских мест.

Что мне хотелось у него перенять, так это размах, который приобрели литературные традиции в Михайловском.

Занимаясь реставрацией Спасского, созданием там музейной экспозиции, да и многих орловских экспозиций, я считала обязательным полностью доверять нашим музейным сотрудникам, одновременно прислушиваясь и к мнению многих московских музейщиков. Одним из них был Александр Зиновьевич Крейн, в то время директор музея А.С. Пушкина в Москве, автор известных книг «Рождение музея» и «Жизнь музея».

До войны он был студентом знаменитого института ИФЛИ (института философии, литературы и искусства), учился там одновременно с нашими орловцами – Леонидом Николаевичем Афониним и Анатолием Николаевичем Яновским, так же, как и они ушел на фронт, затем учился, работал в Министерстве культуры, и потом долгие годы возглавлял музей Пушкина. В те годы экспозиция этого музея считалась одной из самых лучших среди других литературных музеев страны.

Общаться с А.З. Крейном было одно удовольствие. И когда он выступал в большой аудитории на наших музейных совещаниях и семинарах, и когда мне приходилось общаться с ним за чашечкой кофе. Это действительно был настоящий «мастер-класс». Глубина мысли, эмоциональность высказываний, элегантность внешности – трудно назвать кого-то другого из музейщиков того времени, кто мог бы «поспорить» с ним. Как член ИКОМа он хорошо знал европейские музеи. Поэтому советы такого человека, безусловно, шли нам на пользу. Совсем другим «музейным» человеком был Феликс Евгеньевич Вишневецкий, в доме которого на основе его собственного собрания был создан в Москве «Музей Тропинина и художников его времени».

Феликс Евгеньевич считался одним из лучших знатоков материальной культуры, бытовых предметов и искусства XIX века. Помню, как он в стоптанных башмаках, выцветшей рубашке, в старой соломенной шляпе и с неизменной капроновой авоськой в руках ходил с нами по бесчисленным московским антикварным магазинам и комиссионкам в поисках люстр для Спасского. Глядя на него, трудно было представить, что этот старикан - владелец музея Тропинина, один из лучших специалистов музейного дела. Жил он в крохотной комнатке прямо в музее Тропинина, угощал нас жареной картошкой, которую в больших количествах жарил здесь же, чуть ли не на керосинке. Под стать ему (по своей увлеченности искусством) была и директор музея Галина Михайловна Крапивницкая, очень любившая поделиться своими искусствоведческими познаниями. Ф.Е. Вишневого давно уже нет в живых, но и сейчас хочется сказать спасибо за его консультации при создании наших экспозиций. Невольно вспоминается и Елизавета Михайловна Хитрово – научный сотрудник городского музея-усадьбы Толстого в Хамовниках. Не помню, кто нам порекомендовал встретиться с ней, возможно, всеми нами любимый Николай Павлович Пузин, но я и сейчас с большим чувством вспоминаю знакомство с этой музейной дамой, действительно дамой в прямом смысле этого слова, родственницей Кутузова, которая сама по себе являлась музейным экспонатом. Она не по книгам, а по жизни знала XIX век, и ее рассказы были нам очень полезны.

Часто мне приходилось встречаться с Маргаритой Андреевной Кайновой, Еленой Гавриловной Ванслоевой, Анной Константиновной Ломуновой, Натальей Владимировной Шахаловой, Еленой Дмитриевной Михайловой. Все они несли в себе черты настоящей музейной культуры, были знающими и интеллигентными людьми.

М.А. Кайнова в тот период возглавляла управление музеев Министерства культуры России. Ее имя как-то соединяли с именем Д. Шостаковича и других известных людей, не знаю, в какой степени это было на самом деле, но на ее интеллигентность это наверняка оказало свое воздействие. Помню, как при ее приезде в Орел мы убеждали Маргариту Андреевну дать согласие на создание в музее писателей-орловцев экспозиции, посвященной Андрееву, в то время это требовало еще немалых просьб и доказательств, водили ее и на Пушкирную в дом Андреева, убеждали в необходимости открытия в будущем здесь мемориального музея писателя. Помню, что она оставила свою запись в книге почетных посетителей, которая имела в доме Андреева еще до того, как там открылся музей.

Не раз приезжали к нам в те годы научные сотрудники НИИ музееведения Ванслова и Ломунова, я часто встречалась с ними в Москве, будучи членом научно-методического совета Министерства. Несколько раз бывала дома у Е.Г. Вансловой. Ее мать была из дворян Болховского уезда Орловской губернии, работала редактором в издательстве «Советский писатель». Можно было заслушаться ее воспоминаниями о том, каким красавцем был Фадеев, об интеллигентности Федина, о многих своеобразных чертах Шолохова... Приезжая к нам в Орел, Елена Гавриловна Ванслова и Анна Константиновна Ломунова всегда благожелательно отзывались о наших экспозиционных делах, очень тактично давали советы, приглашали выступить с рядом инициатив (или как теперь говорят, проектов) по научно-просветительской, издательской деятельности и т.д.

Весьма плодотворным было наше союзничество с Гослитмузеем – Натальей Владимировной Шахаловой, Еленой Дмитриевной Михайловой. Я сейчас не помню уже, кто нас познакомил с английским литературоведом Ричардом Дэвисом, специалистом по творчеству Леонида Андреева. Помню, как в его первый приезд в Орел я попросила секретаря, чтобы в приемной в момент, когда должен будет прийти Р. Дэвис, не было бы скопления людей. Вдруг слышу такие слова: «Директор занята, она никого не принимает». Проходит еще минут 10-15, опять какой-то разговор, затем открывается дверь и смущенная секретарь говорит, обращаясь ко мне: «К вам товарищ Дэвис».

Была у нас в музее и Марфинька Пешкова (внучка Максима Горького), научный сотрудник музея Горького в Москве. Она приезжала к нам вместе с детьми И.Е. Вольнова, когда отмечалось 100-летие со дня рождения писателя. Гости выступали в Орле, в Куракино, в Змиевке. Везде их очень тепло встречали, в Куракино даже нашлись люди, которые помнили Вольнова. Когда мне пришлось общаться с Марфинькой наедине, она с каким-то чувством горечи и одновременно теплоты сказала: «А вы знаете, ведь я была замужем за сыном Берии». Да, это было прикосновение к самой истории. Кстати, как-то недавно я слышала по телевизору, что Марфинька уехала жить в Италию, на Капри.

Пожалуй, одной из самых ярких музейных встреч было знакомство с К. Симоновым. Стихи Симонова я полюбила с детских лет, с войны, когда ученицей 4,5,6 классов я начала выступать в госпиталях перед ранеными с чтением стихов этого замечательного поэта. Впервые я увидела К. Симонова в 1949 году, будучи студенткой первого курса филологического факультета Белорусского Государственного

университета. Он был тогда на гребне славы. Помню, как встречали его студенты, поистине «яблоку негде было упасть» - так заполнен был актовъ зал. Не помню, что он читал тогда, что говорил, но запомнился такой шуточный диалог: «Константин Михайлович, а вы знаете иностранные языки?» - Минутная заминка и ответ: «Да, в такой степени, что, находясь за границей и имея деньги в кармане я никогда не остаюсь голодным». Думаю, что это была шутка. Второй раз я видела К. Симонова в конце 60-х годов у нас в Орле на очередной областной партийной конференции, где его избирали делегатом от Орловской области на съезд партии. Зал встретил Симонова очень хорошо. Он по-прежнему был красив, держался официально, как и было принято на подобном заседании. Потом я видела Симонова уже в 70-е годы, когда поэт вместе женой Ларисой Алексеевной (дочерью уроженца Орловской области Героя Советского Союза, генерала Армии А.С. Жадова) и дочкой (по-моему, ее звали Саша), был гостем нашего музея. Мне запомнилось, как он внимательно рассматривал экспозицию Тургеневского музея, какой большой интерес проявлял к музею Лескова – задавал вопросы, говорил о творчестве Н.С. Лескова, тепло отзывался об этой экспозиции. К слову сказать, К. Симонов весьма действенно поддерживал и наши хлопоты по созданию в Орле памятника Н.С. Лескову.

Очень заинтересованно вела себя в музее Лескова и жена К. Симонова, искусствовед по образованию. Она, как специалист, высказывала свое мнение по оформлению экспозиции. Симонов оставил свой отзыв в книге посетителей: «С большой радостью и глубоким удовлетворением ходил по этим комнатам, воскрешающим удивительный облик Лескова. Испытываю чувство большой благодарности к людям, которые вложили столько любви и труда в создание этого прекрасного литературного музея. Константин Симонов».

У меня хранятся два автографа Константина Михайловича. Одна книжечка - «Лирика» издания 1956 года, уже очень и очень «зачитанная» всеми моими домочадцами, в том числе и детьми. Когда я со смущением подала ее Константину Михайловичу, он с улыбкой сказал: «Вижу, что ее много и долго читали». А затем написал: «Нине Максимовне от автора этой книжки. Ваш К. Симонов. 15. VIII. 78».

Поскольку я имела при себе еще и «Поэмы», изданные в 1975 году (это издание отнюдь не было так «зачитано», как первая книга), я рискнула попросить теперь автограф для моих детей. Симонов на минутку задумался, а потом сказал: «Детей Ваших я не знаю, поэтому

давайте подпишу Вам» - «Милой Нине Максимовне на добрую память от автора Константина Симонова. 15. VIII. 78».

Это была моя последняя встреча с поэтом. При поездке в Спасское, по дороге, я пыталась уговорить Константина Михайловича взять над нами шефство, особенно в плане придачи нашим литературным праздникам в Спасском статуса союзных, как в пушкинском Михайловском. Он внимательно слушал меня, кивал в знак согласия головой, но в то же время я почувствовала и некоторую отстраненность от моих просьб, хотя его глаза по-прежнему «горели», но видно было, что он устал. Немного помолчав, Симонов сказал: «Давайте договоримся с Вами так: вот я скоро поеду в Париж, а когда вернусь, тогда и продолжим наш разговор». Но продолжения больше не было, а вскоре, в 1979 году, Симонов умер. После этой встречи прошло более четверти века, и как одну из самых дорогих мне реликвий я храню симоновские автографы и фотографию, где мы вместе сфотографированы.

Дорого мне и воспоминание о встрече с женой М.М. Пришвина Валерией Дмитриевной Пришвиной. Я виделась с ней всего один раз, в 1977 году, когда она приезжала выступать на пришвинскую конференцию. До этого я много слышала о Валерии Дмитриевне – о ее уме, представительности, музееведческих знаниях. Но, поистине, «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Она остановилась в гостинице «Орел», туда я к ней и пошла, чтобы представиться. Моему взору предстала обаятельная женщина сугубо домашнего вида, с наброшенным на плечи белым пуховым платком, такая «своя» и близкая. А когда она в разговоре употребила сугубо «орловскую» фразу: «Мы тоже знаем, где какая рыба и почему», - я вообще была покорена. Валерия Дмитриевна много говорила о своей учебе в Московском университете, о молодости, о гражданской войне, о борьбе с беспризорностью и т.д. Она даже написала об этом и передала нам в музей небольшие воспоминания. Очень пришлось мне по душе ее слова, написанные в адрес сотрудников музея: «Дорогие соратники и друзья по музейному делу – работники этого музея. Спасибо Вам за бескорыстную любовь к тем людям, которых Вы делаете живыми и реально живущими с нами, в современности. В. Пришвина. 21/V- 77 г.»

Это ли не лучшая оценка музейной работы?! Я рассказала Валерии Дмитриевне, что моим детям Ане и Лёне недавно подарили книгу М. Пришвина «Золотой луг», что они с интересом читают «Лисичкин хлеб», «Лесной доктор», «Золотой луг», «Журка» и другие рассказы этого сборника. А на следующий день, 1 июня 1977 года, Валерия

Дмитриевна написала мне на сборнике «Золотой луг» такие слова: «Милая Нина Максимовна, эта книга как реликвия и для меня: подумать только! Я написала введение к ней, думая о всех детях, но безликих, а тут – живые дети Аня и Лёня, воспитывавшиеся на этой книге. И я для них – живой человек. Они выросли, я – старушка, а книга – все такая же молодая и действенная: она воспитает еще, глядишь, и Ваших детей.

Не забывают меня.

В. Пришвина».

Не забываем!!

Хочется вспомнить добрым словом и Елену Александровну Благинину. Первый раз я с ней виделась в Орле, когда в 1973 году в лектории музея мы отмечали ее семидесятилетие. Она была очень хороша в этот день, празднично-торжественна, весело-моложава. Второй раз мы виделись в Москве, у нее дома, наверное, это было в начале 80-х годов. Не скажу, что она мне показалась совсем другой или менее интересной, нет. Но все-таки, все-таки... Немного уже сказывались годы, не было этого праздничного официоза, все было очень мило, душевно, по-домашнему.

Елена Александровна много говорила об Орле, о селе Яковлево, о людях, с которыми она встречалась, работая редактором в издательстве. Было так интересно все слышать из первых уст. Ну а уж что меня поразило, так это стол – всевозможные рюмки и рюмочки, графины и графинчики и в каждом настойки разного цвета и разного калибра – и вишневые, и смородиновые, и с апельсиновой корочкой, и с лимонной долькой; а закуска – и селедочка, и соленые огурчики. За столом хозяйничала старшая сестра Елены Александровны и казалось, что мы не в Москве, а где-нибудь в Орле, на Грузовой или Первой Курской, и так не хотелось уходить из этой благостно-свойской квартиры.

Часто приезжал к нам в те годы московский художник, орловец по происхождению Алексей Иванович Мищенко. Его гравюры очень удачно отображали орловские места, Спасское, он часто печатался, много раз выступал иллюстратором изданий, посвященных Орлу и Спасскому. Его появление всегда было похоже на праздник – высокий, улыбающийся, веселый, в неизменном черном бархатном берете...

Была я у него в гостях и в Москве, наверное, это было на масленицу, угощали блинами с маслом, с селедкой, с медом, на любой вкус...

И разговоры, разговоры, воспоминания о людях, о различных орловских событиях, о живописи, о жизни, об орловских музеях.

Действительно, работа в музее подарила много незабываемых не только интересных, но и интереснейших встреч. Просто нельзя умолчать о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве. Мысль о том, чтобы на юбилейной лесковской конференции, посвященной 150-летию со дня рождения писателя, которая должна была состояться в 1981 году, присутствовал этот замечательный ученый, носилась в воздухе несколько лет. Эту идею поддержал и тогдашний секретарь по идеологии городского комитета КПСС Сергей Антонович Пискунов. Наконец, в музей пришло письмо с согласием и с просьбой забронировать в гостинице двухместный номер. Странно, подумала я, почему именно двухместный. Этот вопрос быстро рассеялся, когда мы с довольно большой группой сотрудников пришли на вокзал встречать Дмитрия Сергеевича. Вслед за ним из вагона вышла красивая дама такого же возраста как и сам академик. «Моя жена, - представил он, - Зинаида Александровна».

Говорить о том, как слушали выступление Лихачева участники конференции, нет необходимости, это общеизвестно. Не помню, задерживался ли он специально на один день, чтобы посмотреть город, или это входило в общий план конференции, но очень хорошо помню восторг Дмитрия Сергеевича по поводу Пушкинских улиц: «Да ведь это готовый музей под открытым небом». Свои восторги и предложения Лихачев высказал в письме в Областной комитет партии.

Прошли годы, предложения Дмитрия Сергеевича так и не были претворены в жизнь. «Пушкарёвка» с каждым годом меняется; конечно, одну из Пушкинских улиц, наверное, можно, а может быть и нужно было сохранить как память — об Орле XIX века, но для этого надо было создать людям, живущим в этих домах, современные, комфортные условия, а это, естественно, требовало и больших денежных вложений, и очень большого желания властных структур

Вспоминается и тот интерес, который высказывал Дмитрий Сергеевич, осматривая памятник И.С. Тургеневу. Главное, что ему понравилось, - это «слияние с природой», местонахождение памятника. И еще одно. Многие помнят, что памятник Тургеневу предполагалось делать в две очереди. Вторая очередь — стелы со скульптурными изображениями тургеневских героев. Одна из таких стел (единственная, которая и была сделана) в тот момент, когда мы с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым были у памятника, стояли там. Это были «мальчики в ночном». Надо было видеть тот просветленный взгляд знаменитого академика, когда он смотрел на этих мальчиков. К слову сказать, Д.С. Лихачеву мы обязаны и знакомством с англичанкой

Милицией Грин, благодаря которой мы получили немало материалов по Бунину.

Как я уже говорила, вместе с Лихачевым приехала и его жена Зинаида Александровна. Видя ее заинтересованность в конференции, в какой-то момент я ее спросила: «Зинаида Александровна, Вы тоже филолог?» Она минуту помолчала и потом с улыбкой сказала: «Я, как раньше говорили, домохозяйка, а в далекой молодости, когда я вышла замуж за Дмитрия Сергеевича, я работала бухгалтером». Она рассказывала о своих дочках, внуках, спрашивала меня о моих детях.

Весь облик ее был как бы пронизан добротой и лаской. Интересно, что на некоторых книгах и открытках, которые я потом получала от Дмитрия Сергеевича, стояла не только его подпись, но и Зинаиды Александровны. «Дорогой Нине Максимовне на память от Лихачевых». «Сердечно поздравляем дорогую Нину Максимовну с Новым годом. З.А. и Д.С. Лихачевы. 23/ХІІ- 83».

Музейная жизнь, а особенно жизнь директоров, очень многообразна и разнохарактерна. Немалый интерес представляют и взаимоотношения с властью, но об этом когда-нибудь в другой раз.

VII

С думой о Тургеневе

*Встреча в музее И. С. Тургенева.
В центре – директор Буживальского музея Тургенева (Франция)
А. Звигильский. Фото 2003 года. Орел.*

«Орел... пролетая столетия...» (Фрагмент эссе)

Трудноуловимое в формулу, но легко лежащее в образ, понятие *тургеневская женщина* привязано не к характерному типу и не к типовому характеру. Трудно выделить отдельные черты, по которым можно определить ее столь значимое отличие от прочих. Таинственная прелесть жертвенной женственности ускользает из всех определений. Словно в силки слов, сплетенные великим писателем, попало нечто иное и дивное - всеобщий и ничей идеал, которому эта реальность маловата, чтобы воплотиться вполне. *Тургеневская женщина* говорит своему времени больше, чем время может понять. Остаются поступки - отпечатки личности в реальности. Если обернуться в историю, то можно сопоставить внутри одного явления совсем разные лица. Например, в орловских анналах, баронесса Юлия Вревская, *сестра милосердия* освободительной войны, захватившая воображение нашего классика, и гвардии капитан Марина Чечнева, летчица бомбардировочной авиации, легендарная *ночная ведьма*. Что в них общего? Нельзя сказать... Потому что единство этого идеального образа складывается не из общности, а из единичности настоящей душевной красоты. Из неповторимости ея...

Какова же она, как узнать ее среди многих? Не она ли вдруг озарит из уличной повседневной суеты *таким ясным и быстрым взглядом*, что сразу вспомнится прохожему человеку *первая любовь*, то ли своя собственная, то ли та, иная - знаменитая тургеневская повесть: *«Когда ее глаза, большею частью полуприщуренные, открывались во всю величину свою, - ее лицо изменялось совершенно: точно свет проливался по нем»*. Светская львица или смиренная монахиня, нежная скромница или горячая горячка - она всегда героиня, героиня романа, который вот-вот мог бы стать вашим... да вот, не стал. Но неслучайность встречи вызывает в памяти лучшие страницы литературы и неясные прекрасные надежды на то, что *Золотой век* русской классики еще не кончился. В ореоле Орла дивно мерцает таинственный свет, что озаряет лица *тургеневских женщин*.

Орел славился в старину как ярмарка невест - одна из лучших в России. До сих пор красивых женщин на душу населения здесь больше, чем нужно для общественного спокойствия, но все же меньше, чем надо для всеобщего счастья. Хорошего много не бывает. Даже в лучшие времена. Даже в Орле...

Расставание

... А потом она не пришла.

*И шагал я, как Дед Мороз,
От угла зимы до угла –
За вопросом топтал вопрос.*

*И скулил подо мною снег,
А на окнах цвели сады.
И замерз я тогда, как негр,
Одиночества посреди.*

*... А потом я ее нашел
В измеренье уже другом.
И сказал я ей:
- Данке шён! -
И застыл навек за углом.*

Пенсионерка на бульваре

*Она сидит совсем одна,
Она прохожим не нужна.
Да и родне Анжела
Порядком надоела.*

*Она достигла той поры,
Когда правдивы слухи.
Над нею движутся миры –
Посланья от «сеструхи».*

*Давно ушла в преданье статья –
Не помогло алоэ.
И все-таки ей нужно встать
И двигаться в бывшее.*

Апрель в Орле

Когда с утра распогодится и станет тепло, когда
весёлый ветер развяжет удавку шарфа на шее,
когда, наглотавшись снега, серебряная вода
сойдёт с пешеходных тропок в протоки или траншеи,
когда сквозняки из комнат сбегают на слёт ветров
из форточек, и на окнах колышутся занавески, -
апрель, наглотавшись гари от санитарных костров,
уходит выплакать слёзы в прозрачные перелески.
Ни паводка, ни потопа не будет в этом году;
хотя снега задержались, и заморозки нередки,
но солнышко пригревает, и в городском саду
доверчивые деревья уже распускают ветки.
Морозные испаренья сгущаются в облака;
всё сразу - на лбу испарина и холодок в затылке.
Как будто после запоя, измученная Ока
несёт куда-то за город сдавать пустые бутылки.
Уловки душевной лени наивны и не новы;
придуманное несчастье легко развести руками, -
и вместе с зимней мигренью из стриженной головы
уходят чёрные мысли и прочие тараканы.
А сердце мается, словно от не прощённой вины,
то замирая от радости, то от тоски шалея, -
хоть ни персидской кошки, ни паршивой княжны
я не топил, понеже всякую тварь жалею.
За мною довольно всякого, но совесть моя чиста;
я роюсь в анналах памяти, по строчке перебирая, -
как будто читаю рукопись с попорченного листа...
Наверное, это топос литературного края.
Наверное, где-то иначе... Не знаю. Но здесь мой дом,
и годы не давят на душу неодолимым грузом,
когда луна прохлаждается над Дворянским гнездом,
и сквозь кисейные сумерки проходит юная муза.

апрель 03 - март 04

Старинная акварель

И воскресает этот мир...

Георгий Иванов

*Почти законченный этюд
с энтузиазмом дилетанта
с натуры и не без таланта
изображает старый пруд.
Над купой ив и хмурой елью
сияет палевый закат.
Должно быть, автор акварели
читал Руссо и верил в ад.
Он выбрал тему и учёл
непритязательность идиллий,
нарисовав рыбацкий чёлн
в тени дерев, средь зыбких лилий.
Рыбак, упитанный тупица,
сосредоточен на уде,
и барышня сошла к воде -
да уж, конечно, не топиться,
но отразиться в ней. Видать,
художник не искал сюжета,
имея цель посредством света
явить земную благодать.
И вышло то, что чудом вышло:
по минованьи стольких лет,
я вижу то, чего уж нет, -
и даже, кажется, что слышу
и шорох ветра по листьям,
и шелест волн по кромке ила...
Как будто было нечто там,
что быть умело и любило.*

Эта женщина

*Эта женщина слишком добра,
и еще независима слишком;
на ветру её рыжая стрижка
открывает испод серебра.*

*Век разит, как Егорий копьём;
змей повержен, - но жив, между прочим;
дух растерян, и быт неупрочен, -
вертоград зарастает репьём.*

*Повредились в уме времена,
и умножилась тяжесть земная, -
только женщина эта - я знаю! -
ожиданием чуда полна.*

*Словно в долю она избрала
ремесло утоленья печали, -
так небрежно поводит плечами,
словно хочет расправить крыла...*

*Всё пройдёт, как озноб по спине.
Если верить хорошим приметам,
то решение жизни с ответом
без остатка сойдётся во мне.*

*И не жаль уходящего дня,
где я жил так бездарно и бедно, -
снисходительно и милосердно
эта женщина любит меня.*

*Всё ясней очарованный взгляд;
всё отчетливей тени мгновенья, -
и легко, как пустые сомненья,
паутинки по ветру летят.*

Николай Перовский

Дарите женщинам цветы

В.И.Корневой

*Дарите женщинам цветы!
Ромашки, лютики, левкои,
и вы исполните мечты
Надежды, Веры и Любви.*

*Дарите женщинам цветы!
Охапки, гроздья и букеты,
и будут все они чисты,
как Эвридики и Джульетты.*

*Дарите женщинам цветы!
Без всяких поводов дарите.
Пусть кошельки у вас пусты, -
любой розарий разорите –
дарите женщинам цветы!*

Каблучки

*Тук-тук-тук, пере-тук-тук-тук -
среди ночи раздастся вдруг...
Мимо окон и пустырей –
поскорей к нему, поскорей!*

*Тук-тук-тук, пере-тук-тук-тук –
верный муж или тайный друг?
То чеканит отдельный слог,
то рассыплется, как горох...*

*Тук-тук-тук, пере-тук-тук-тук –
не страшится дождей и вьюг.
Это звукопись встреч и разлук,
это тайнопись губ и рук...*

*Каблучки стучат, каблучки –
это жизнь набирает очки!*

Углы

Ларисе Новиковой
*В городе было четыре угла.
Всё остальное сгорело дотла.
То ли Судьба в наказание сожгла,
то ли Надежда на откуп взяла.*

*В комнате было четыре угла.
Женщина в ней одиноко жила.*

*Чистила коврики, мыла полы,
в синих глазах отражались углы.*

*Жил в этом городе тихий чудаки.
В небе снимал обветшалый чердак,
думал о чем-то, не зная, о чем,
привороженный рассветным лучом.*

*Женщина гордо по городу шла.
Светлую голову в небе несла.
- Боже!- вскричал потрясенный чудаки, -
будь милосерден, обрушь мой чердаки!*

*Не помогают скопища слов,
в городе сделалось восемь углов.*

Людмила Серова

**К посещению музея-квартиры
М. Цветаевой**

*По лестнице крутой подняться и с собой
Увидеться в зеркальном отражении,
И, сдерживая шаг, чтоб сохранить покой
В заветных комнатах, унять волнение.*

*Обои здесь, как книжные листы,
Хранят поэтом созданные строки,
А сквозь «колодець света» с высоты
Нисходит дух Марины одинокий.*

<...>

*До комнаты Сергея, где ковры
Смягчали в те года явления недуга,
Целебный доносился звук игры
Марины на рояле в дни досуга.*

*Как низок в кабинете потолок,
И высоки мечты и устремленья!*

*И будто слышен Алин голосок
Из детской залы с бездной освещенья...*

*Вот, напоследок, мебель – на дрова,
Жизнь замерла, как в камере острога,
И никому в стихах не нужные слова,
И зарубеж – в Берлин – тревожная дорога.*

*Давно настал ее стихам черед,
И нет для них заслонов и запрета.
Тяжел и светел лестницы полет
К небесной сути редкого поэта.*

Люберцы. Сентябрь, 2003 год.

Андрей Фролов

Деревенская красotka

*Гладью вышита рубашка,
Юбка-клёш - китайский шёлк.
Хороша собой Наташка!
Ей семнадцатый пошёл.*

*Из глазёнок брызжут бесы,
С губ струится сладкий яд.
Все окрестные повесы
Обезврежены подряд.*

*Промелькнула вдоль подворья,
Задержалась у плетня
И - какое, право, горе? –
Не взглянула на меня.*

Женищина плачет

*Женищина плачет безмолвно, устало,
Неутешимо и жалко,
Может, любимая брошка пропала
Или завяла фиалка?*

*С тихим шуршанием на подоконник
Падают рыхлые тени.
Будто урока незнающий школьник,
Мнется мужчина в смятенье.*

*Женские слезы всегда что-то значат,
И потому для мужчины
Хуже всего, если женщина плачет,
Не объясняя причины.*

Одинокое счастье

*Темно в квартирке Надиной,
Лишь тени на стене.
Сынок, в капусте найденный,
Азுகает во сне.*

*Игрушки поразбросаны
По пестрому коврику.
На кухне сохнут простыни
И высохнут к утру.*

*Над крышей снова аисты.
Эх, дочери-сынки!..
И Надя с тихой радостью
Стирает ползунки.*

*Жаль, нету обручального
Колечка на руке.
А тишина над спальнею
Висит на волоске.*

* * *

*Женщина глядит издалека
На леса, поля и облака.*

*На моря и горные луга
Женщина глядит издалека.*

*И вмещает всё это шутя
В безмятежно спящее дитя.*

Орловский объединенный государственный литературный
музей И.С. Тургенева
Тургеневское общество в Орле

Тургеневский ежегодник 2003 года

Составители и редакторы

Л.А. Балыкова,

Л.В. Дмитрюхина

Компьютерный набор

Е.М. Шинкова

Компьютерная вёрстка

Ю. Ю. Евстифеев

ООО Издательский Дом «ОРЛИК»

Лицензия ИД №00283 от 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Формат 60 x 84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печатных листов 11,25. Заказ № 365 от 17.08.2005 Тираж 900 экз.

